ОКТЯБРЬ
В
ХАМОВНИКАХ
1917

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ200

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГИ200
О 411 р

ОКТЯБРЬ В ХАМОВНИКАХ

1917 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ВОСПОМИНАНИЙ

Издание Хамовнич. Районной Октябрьской комиссии

1 9 2 7

ГИ 200 р
О-411

ОКТЯБРЬ
В
ХАМОВНИКАХ
1917 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ВОСПОМИНАНИЙ

Издание Хамовнической Районной Октябрьской Комиссии
1 9 2 7

1927.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ20D
0411 Р

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф.
Москва,
Арбат, Филипповск. п., 11.
Тираж 6.000.
Мосгублит № 46.432.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. К. Н. П. (б.).

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ

69602
69602
30858

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1922 году к пятилетию Октябрьской революции Хамовническим районным комитетом РКП (б) был выпущен сборник воспоминаний участников Октябрьской революции в Хамовниках, под названием «Хамовники в Октябре 1917 года». Сборник этот почти совсем не получил распространения и мало кому известен.

В настоящем сборнике редакция, на ряду с воспоминаниями, считала необходимым уделить должное внимание проработке материала как о партийной работе, так и о боевых действиях в Хамовниках и, в особенности, обратить внимание на возможно точное восстановление фактов и хронологии событий. Редакция считает необходимым отметить, что непроверенные факты и даты о боевых действиях в районе, помещенные, например, в статье т. Лысова в сборнике 1922 г., были без критической проверки использованы в статье т. Карпова в сборнике Московского Истпарта «Год борьбы».

Часть поступившего в редакцию материала за поздним временем, к сожалению, не могла уже быть использована.

В составлении и редактировании сборника принимали участие т.т.: Ангарский, Ванторина, Волков, Саврасов и Ставрович.

Н. АНГАРСКИЙ.

Хамовническая организация РСДРП (б) в 1917 г.

Единственным большевиком, с которым у МК имелась после февральской революции связь в Хамовническом районе, был студент Иванов, В. И. Проживал он в студенческой столовой, в проезде Девичьего поля, в качестве секретаря правления. Вечерами столовая использовалась нами для организационных собраний и пропагандистских бесед. Из-за помещения столовой были постоянные столкновения с меньшевиками и другими партиями, пока нам не удалось взять все помещение в аренду. Наши связи с фабриками и заводами района находились в то время в зачаточном состоянии. Первая большевистская ячейка была нами организована на заводе «Каучук», в нее входили товарищи Лайва, Касперович, Коризна, Зубарев, Дарзнек, Заккис и др. В конце марта ячейка значительно расширилась. Следует отметить, что влияние партии большевиков на «Каучуке» было довольно значительно еще в Риге, до эвакуации завода в Москву.

Много хуже обстояло дело на заводе Второва (теперь Гознак), в Уваровском (Артамоновском) парке, на фабрике Жиро («Красная Роза») и Гивартовского (Ливерс).

Снаряжательный завод Второва работал на оборону, рабочих на заводе было до 8.000 человек, из них немало окопавшейся мелкой буржуазии. В Уваровском парке число рабочих превышало 2.000 человек, значительная часть из них была связана с деревней. Настроение рабочих этих двух крупнейших предприятий в районе после февральской революции было эсеровское, меньшевики пользовались меньшим влиянием, и совсем незначительно было влияние большевиков.

На заводе Второва мы были связаны с тов. Тараканчиковым, через него распространялась литература и получалась информация, в мае он был послан райкомом на постоянную работу в районный совет. Большим влиянием на заводе Второва, а также в Уваровском парке, пользовались меньшевики — адвокат Плесков и рабочий с этого же завода Николаев (он же председатель райсовета) и особенно эсер Майстрах.

На эти два предприятия нами было обращено особое внимание. Приходилось вести упорную борьбу за влияние. Мы не пропускали

ни одного общего собрания. Не редки были на заводе Второва «большие дни», когда в переполненной столовой происходили жаркие схватки с меньшевиками и эсерами. Это было время, когда политические партии выступали перед массой с изложением своих программ. В Хамовниках, этом интеллигентском районе по преимуществу нам приходилось выступать не только против «социалистов» Майстраха, Плескова, Генкина, Минора, Дорфа, но и меньшевики-об'единенцы, среки коих были значительные силы, как, например, прис. пов. Яхонтов (впоследствии большевик).

Особый интерес и на заводе Второва и в Уваровском парке был проявлен к вопросу о земле и решению этого вопроса различными партиями. По этому жгучему вопросу мы довольно скоро справились с эсерами, меньшевики же в аграрном вопросе проявляли такую путаницу, что их никто не слушал.

Наше влияние в районе росло вместе с ростом влияния партии большевиков во всей стране. В марте, в области агитации по вопросу об отношении к временному правительству, мы придерживались точки зрения большинства МК: поддержка временного правительства «постольку - поскольку». 11 марта на собрании активных работников Московской организации принята была уже более левая резолюция. Временное правительство было признано контр-революционным, но все же «вынужденным идти вслед за завоеваниями революции». От этой формулировки мы отказались лишь после апрельских тезисов Ленина, или, точнее, после статьи «Первый этап русской революции» («Правда», 21 и 22 марта).

Первое большое собрание на заводе Второва состоялось 5 марта. Нам удалось провести свою резолюцию и хотя она была довольно-таки половинчата и невыдержана, мы все же считали принятие и такой резолюции некоторой победой, так как защищать ее приходилось против «беспартийной», по сути дела кадетской резолюции Комитета общественных организаций.

С 5 по 10 марта почти на всех предприятиях в районе происходили большие митинги. Инициатива организации митингов исходила от районного Комитета общественных организаций Хамовнического района, находившегося в то время в руках кадетов, меньшевиков и эсеров. По вопросу о выступлениях на митингах и собраниях между этими партиями было заключено соглашение о том, что члены комитета «не должны выступать под партийным флагом. Чисто партийная терминология должна отсутствовать, и в виду неподготовленности масс должен быть поставлен минимум революционных требований». Наше положение было не из легких. Общим фронтом официальных ораторов, фразам о поддержке врем. пр-ства, приходилось противопоставлять точку зрения излагаемую эзоповским языком.

Мы старались провести свои резолюции лишь на главнейших предприятиях. На фабрике Гивартовского состоялось два митинга, присутствовало свыше 1.000 человек. Была принята резолюция МК, но с поправками, предложенными меньшевиками, о том, что

временное правительство является выразителем «общенародных интересов»; такая же «поправка» была принята и на митинге на Высших женских курсах, где присутствовало до 500 чел. 8 марта состоялся большой митинг в товарной конторе Брянского вокзала, присутствовало свыше 700 человек рабочих и служащих, принята была наша резолюция. 7 марта состоялось общее собрание рабочих Трехгорного пивоваренного завода, присутствовало до 800 человек. Принята платформа МК.

12 марта по инициативе Совета Р. Д. в районе был устроен ряд митингов, посвященных борьбе за учредительное собрание и демократическую республику. Во дворе Высших женских курсов присутствовало до 1.000 чел., в Смоленском народном доме—600, в аудитории ВЖК — 600, в Земледельческом училище — 700. Мы выступали на всех митингах; наибольший успех имели на ВЖК.

Общие собрания и митинги в Уваровском парке большею частью происходили в мастерских и во дворе, в последнее время— в театре.

Эсеровские настроения в парке были особенно устойчивы. Демагогические, хлесткие фразы о земле и воле эсера Майстраха встречались весьма сочувственно. Влияние эсеровского завкома было весьма прочно. Наши товарищи — Телешов, Дрожжин, Князева, Савин, Тимерман, Лебедев только что начинали борьбу и против завкома, и против большинства собрания. Каждое наше выступление, каждая схватка с эсерами и меньшевиками давали нам все новых и новых сторонников, особенно во второй половине апреля, когда настроение стало уже определенно складываться в нашу пользу. Борьба принимала столь острые формы, что нередко собрание не открывалось только потому, что не явились еще меньшевики и эсеры. К первому мая мы имели уже в парке довольно значительную группу большевиков, т. Лебедев был нами делегирован на VI с'езд партии (с совещ. голосом).

Летом 1917 года собрания и митинги в Уваровском парке были почти беспрерывными. Вечером во дворе парка всегда можно было услышать оратора и вокруг него то огромная масса рабочих, то незначительные группы, в зависимости от имени оратора и трактуемой темы. На фабрике Гивартовского с первых дней февральской революции создалось определенное меньшевистское настроение. Большим влиянием пользовался рабочий меньшевик Косов, председатель завкома, не плохой оратор, хорошо знающий местные дела.

На борьбу с меньшевистским засильем у Гивартовского пришлось потратить очень много сил. В конце марта на фабрике образовалась небольшая группа большевиков во главе с Журавлевым (погиб на фронте), Каюковой и Климовой. На фабрике Гюбнера было небольшое число рабочих: фабрика не работала. Настроение было аполитичное, миротворческое. Рабочие требовали беспартийных выступлений,и нам приходилось первое время выступать не афишируя принадлежность к партии; резолюции же

по докладам, тем не менее, весьма часто принимались большевистские. Первым членом партии на этом заводе был тов. Резчиков, бессменно работавший в райкоме до октября и затем в райсовете.

На фабрике Жиро («Красная Роза») настроение было явно враждебное; партийная работа была очень затруднена.

В «Земпалатке» (около 500 ч.) первое время прочно держалось эсеровское настроение. Влиянием пользовался рабочий этой же фабрики, левый эсер Сазонов (впоследствии член РКП).

Наши агитаторские и пропагандистские силы в апреле для обслуживания Хамовников и Дорогомилова были незначительны: Иванов, Ангарский, Ставрович, Савельев (Шелехес), Саврасов, Пагасянц, Миткевич, Попова, Фаслер, Розанова, Дрожжин, Савин, Касперович, Резчиков.

В то время, как мы были поглощены работой по обслуживанию многочисленных митингов, меньшевики устроили в студенческой столовой, т.-е. почти что в нашем главном штабе, доклад меньшевика Н. Маслова на тему: «Что такое большевики и меньшевики». На собрании присутствовало до 300 человек, но в голосовании участвовали только социал-демократы. Была принята резолюция о поддержке меньшевиков и их газеты «Вперед». Мы, конечно, в долгу не остались и устроили на Высших женских курсах доклад на эту же тему. Сдержанное в начале отношение к меньшевикам было таким образом ликвидировано.

Районный комитет партии оформился во второй половине марта. 18 состоялось первое собрание райкома, 24 — второе, расширенное. На собраниях присутствовало более 30 представителей от заводских комитетов и воинских частей. Из докладов с мест выяснилось, что кадеты пытаются вести агитацию и выступать на ряде предприятий, хотя выступления и кончаются неудачей, что на всех предприятиях вводится явочным порядком 8-часовой рабочий день, и что администрация относится к этому весьма неприязненно. Для отчислений в пользу Совета с заработка, предприниматели требуют личные расписки рабочих. Был заслушан доклад о работе МК и приняты резолюции бюро ЦК РСДРП о временном правительстве и о войне и мире. Этими резолюциями как бы ликвидировался период шатаний в Московской организации по этим двум основным вопросам. На этом же собрании райкома решено было организовать организационно-техническую и пропагандистскую комиссии. Ко всем более или менее значительным предприятиям в районе были прикреплены товарищи из райкома для постоянной работы. Решено было устроить ряд лекций и докладов для фабрично-заводских и ротных комитетов, а также для пропагандистских кружков.

Затем товарищ из районного совета в отчете о своей работе указал, что районный совет ведет слишком будничную, узкую работу, занимается крохоборством — хлебные карточки, продовольствие и проч., и тем самым отгораживает себя от политической

Группа членов Райкома.

жизни, там нет борцов, нет той революционности, которая наблюдается в Центральном совете, с которым районный совет плохо связан. «Наш совет,— говорил докладчик,— является средостением между Центральным СРД и заводскими комитетами». Доклад вызвал оживленные прения. Кое-кто из товарищей пытались отмахнуться от работы в меньшевистском совете. Было решено усилить наше представительство в районном совете и повести работу по переизбранию депутатов на местах. Кроме тов. Тараканчикова в начале апреля в совет направлен был для руководящей работы тов. Саврасов.

Хамовнический совет (организован 7 марта), так же как и Московский совет, находился в то время в руках меньшевиков. Председателем совета был меньшевик, рабочий с завода Второва Николаев, его заместителем — меньшевик прис. пов. Плесков и секретарем тоже меньшевик-об'единенец студент Вартанов. Эти трое опытных старых меньшевиков долгое время держали в своих руках совет, рабски проводя в нем политику соглашения с буржуазией, политику безусловной поддержки «всенародного» временного правительства. Мелкое крохоборство в постоянной будничной работе и рабское копирование меньшевистских резолюций в «большие» политические дни — такова работа районного совета до образования в нем нашего большинства.

28 апреля после известной ноты Милюкова, Хамовнический совет по докладу Гальперина высказывается за коалиционное правительство. Пятого мая совет принимает участие в напутственном молебне на Хамовническом плацу по поводу отправки на фронт нескольких маршевых рот 194 полка. 2 июня обсуждался вопрос об участии в Стокгольмской конференции. Вопрос вызвал горячие прения. Небольшая группа большевиков высказалась о недопустимости и нецелесообразности участия социал-демократии в конференции рядом с оборонцами и героями II Интернационала, но меньшевики, эсеры и об'единенцы стояли за безусловное участие. Совет большинством 37 голосов против 4, при 2 воздержавшихся, высказался за участие в Стокгольмской конференции.

В июльские дни районный совет принимал все меры для недопущения демонстрации, точно так же как во время демократического совещания — против забастовки.

Не лучше обстояло дело и в Дорогомиловском совете, который находился в руках правых эсеров, что вполне соответствовало настроению населения района, главную массу которого составляли ремесленники, извозчики и городская беднота. Председателем был избран эсер Смирнов, секретарем с.-д. Плядбордес, членами исполкома эсеры Филиппов и Никопалский; сочувствующие большевики, беспартийные рабочие — Федосов и несколько других товарищей были отстранены эсерами от активного участия в делах совета. Не лишним будет отметить, что эсер Смир-

нов и к.-д. Шаховская вели в Дорогомилове организационную работу еще от Комитета общественных организаций.

Политическая физиономия совета достаточно характеризуется следующими выступлениями:

14 апреля обсуждался вопрос об отношении к займу свободы. Огромным большинством принимается резолюция: «Пока и поскольку временное правительство выполняет принятые на себя обязательства... мы, рабочие, должны оказывать ему всякую поддержку. Принимая также во внимание, что временное правительство отказалось от всяких захватных целей в продолжающейся войне, СРД считает необходимым для укрепления революции и защиты народной свободы от внешней опасности оказывать самую деятельную поддержку займу свободы».

18 мая Дорогомиловский совет, вместе с представителями заводских комитетов, высказывается за необходимость сплотиться вокруг советов, для того, чтобы обеспечить помощь временному правительству и коалиционному министерству.

7 июля совет провожает и напутствует ударный батальон юнкеров Алексеевского военного училища. Представитель совета произносит следующую речь: «Дорогие товарищи, Дорогомиловский районный совет РД приветствует вас, серых героев, храбро несущих на защиту революции самое драгоценное в мире — свою жизнь. Помните, товарищи: мы, рабочие, с вами, напряжем все силы, чтобы фронт выдержал натиск венценосного деспота».

С Дорогомиловским районом мы были связаны слабо. У нас нехватало сил на его обслуживание, к тому же рабочих в районе было немного, да и те были распылены по мелким предприятиям. Нас всего более интересовали мастерские Московско-Киево-Воронежской жел. дор., с ними мы связались еще в середине марта через тов. Панова, от которого мы тогда же получили 10 винтовок, которые и хранились до октября в студенческой столовой. Только летом мы смогли направить в Дорогомиловский район в помощь т. Саруль на постоянную работу т.т. Фаслер и Голенко. С этого времени мы начинаем устраивать доклады и лекции в народном доме (Смидович, Ангарский, Обух и др.), организуются об'единенные партийные ячейки мелких предприятий, усиливается и расширяется ячейка на Брянском вокзале. Мы выступаем на целом ряде митингов в Товарной конторе на Брянском вокзале. Эсеры бросают на Брянский вокзал значительные силы. На одном многолюдном митинге вместе с эсером Майстрахом выступал переодетый в крестьянский костюм известный эсеровский краснобай и демагог, имевший шумный успех у аудитории. От нас выступали Ангарский и В. Смирнов. Хотя с трудом, но некоторого перелома настроения мы все же добились.

На районном собрании 31 марта присутствовало уже около 150 человек партии.

В апреле в состав райкома и в наиболее активное ядро его входили следующие товарищи: Ангарский Н. (организатор), Иванов В. (секретарь), Зинин С., Климова Е., Красовский Г., Князева Е., Лайва Т., Меднис А., Миткевич О., Попова В., Гарнелис Т., Резчиков А., Орешков С., Реутова С., Розанова О., Фаслер Л., Ставрович А., Саруль М., Панов, Дрожжин И., Савин С., Саврасов Л., Вятич А., Кржишталович Н., Касперович А., Лихачев Н., Тараканчиков, Юревич Эд., Юревич П., Савельев А. (Шелехес), Ярема В., Френкель А., Боголепова Л., Соловьев З., Булимов Ф., Дарзнек П., Журавлев И., Зубарев И, Иванова М., Лебедев Я., Лазда Я., Липицкий О., Окороков Т., из них 26 рабочих и 19 интеллигентов [1]).

На первомайской демонстрации мы выступили отдельно. Рабочие большевики шли не со своими предприятиями, а с Хамовническим комитетом партии во главе. В демонстрации участвовало не менее 300 человек. Такое отдельное выступление большевистской организации вызвало не мало нападок и злословия со стороны меньшевиков и особенно об'единенцев. Нас обвиняли в дезорганизации единого рабочего движения, в желании перенести разногласия в неподготовленную рабочую массу, в стремлении расколоть «единый фронт» революции и т. д. и т. п.

Нам пришлось выступить перед своей аудиторией с подробным раз'яснением, почему мы должны отделять себя от всех соглашательских партий II Интернационала. Простое сопоставление наших революционных лозунгов с лозунгами совета и меньшевистской партии лучше всего говорило о невозможности каких бы то ни было совместных выступлений. На наших плакатах значилось: «Долой войну», «Вся власть советам», «Да здравствует диктатура пролетариата и крестьянства». На советских плакатах — общие места о значении 1 мая, о поддержке коалиционного правительства и т. д. Надо еще припомнить, что мы разоблачали неправильную линию совета, постановившего отработать взамен 1 мая 16 апреля.

1 мая, вечером, на Хамовническом плацу был организован совместно с военной организацией большой митинг солдат 193 и 194 полков. Присутствовало всего до 800 человек. Выступали с большим успехом как солдаты из военной организации, так и наши товарищи. Принята была резолюция о прекращении грабительской войны, против займа свободы, против членов совета солдатских депутатов, голосовавших за заем.

Со второй половины мая на главнейших предприятиях района и на Брянском вокзале были устроены доклады по основным вопросам, обсуждавшимся на Всероссийской апрельской конференции (отношение к войне и временному правительству, аграрный вопрос, II Интернационал). Районная конференция заняла два

---

[1]) Список не претендует на безусловную точность, этот же состав райкома за небольшими исключениями сохранился и до Октября.

дня (25—26 мая). Был заслушан доклад Ангарского об итогах Всероссийской конференции, доклад тов. из областного бюро, перевыборы райкома, выборы в МК, выборы на общегородскую конференцию и выборы в думу.

В конце мая помещение студенческой столовой после длительных переговоров с правлением и несмотря на противодействие меньшевиков — было передано в полное распоряжение райкома.

Дом, где помещалась студенческая столовая (проезд Девичьего поля, д. 6).

28 мая в бывшей студенческой столовой был торжественно открыт партийный клуб. В июне состоялось два заседания райкома, из них одно вместе с активными работниками района и одно общерайонное собрание. В июне, если судить по членским взносам, насчитывалось около 350 членов партии. В конце мая перешел от нас на партийную работу в Басманный райком тов. Иванов В. И., не мало сделавший для укрепления Хамовнической организации.

Вместо Иванова, секретарем райкома была избрана тов. А. А. Ставрович, оставшаяся на этом посту до весны 1918 г.

6 июля Московский Совет опубликовал распоряжение о воспрещении уличных демонстраций в Москве. Московский Комитет партии большевиков решил поддержать питерских солдат и рабочих вооруженной, но мирной демонстрацией. Настроение было напряженное. Были получены известия из Петрограда о респрессиях и арестах. На демонстрацию из Хамовников вышла лишь небольшая группа партийцев, человек 40, которая дошла до Московского Совета, соединившись там с демонстрациями из других районов, пришедших тоже в весьма незначительном числе. Незначительная по числу участников группа демонстрантов из Хамовников об'ясняется тем, что МК очень поздно, чуть ли не перед окончанием работ на заводах, известил райком о решении организовать демонстрацию.

В сентябре активно вошли в партийную работу в Дорогомилове т.т.: Ванторина Н., Ванторин, Горбунов, Федосов И., Блис, Кузнецов, Родионов Ф., Микитно, Ерофеев, Горин, Фонченко, Никодоров М., Савостьянов И., Симкин, Шломин, Цветков, Серегин Н. и др. Всего в сентябре вошло в организацию 30—35 человек.

19 июля состоялось в Лепешкинском общежитии (Смоленский бульвар) собрание делегатов фабрично-заводских комитетов. На собрании присутствовало около 80 делегатов. По основному докладу о роли и значении заводских комитетов вынесено пожелание о том, чтобы завкомы стояли на-страже интересов рабочих и теснее связались с профсоюзами и советами. Завкомы должны участвовать в приеме и увольнении рабочих и служащих и следить за охраной труда. Принято было также постановление об охране заводов рабочими и о необходимости вооружения их за счет предпринимателей. Дебатировался вопрос об экономической разрухе и о роли завкомов в борьбе с нею. Собрание высказалось за необходимость фактического контроля над производством. Все основные резолюции на конференции были проработаны на собрании большевистской фракции, созванной в виду предстоящей общегородской конференции завкомов.

Следует припомнить, что как-раз в это время, после июльских событий, партия отказалась от лозунга «вся власть советам». Партс'езд выдвинул новый лозунг: «Борьба с контр-революционной буржуазией».

Мы в районе старались больше говорить о необходимости свержения контр-революционного правительства, чем развивать и уточнять вопрос о переходе власти к советам. Лишь после корниловщины, поскольку меньшевистские столичные советы, утратив доверие широких рабочих масс, вынуждены были обратиться к большевикам за помощью — лозунг «Вся власть советам» снова приобрел прежнюю силу.

Массы на деле поняли, что советы не только могут, но и должны быть органом пролетарской власти.

Влияние партии в районной думе обнаружилось сейчас же после июльских дней. В спевшемся хоре кадетов и правых эсеров заметно начинают звучать большевистские голоса. В начале июля в Хамовническую районную думу, входили: Антошкин, Касперович, Ставрович, Липицкий, Резчиков. Председателем управы оставался тов. З. Соловьев. Однако, 12 июля, как только большинство думы высказалось за необходимость принять участие в пропаганде и поддержке Займа свободы — т. Соловьев сложил свои полномочия, подав заявление с осуждением тактики большинства думы.

Между тем на общем фоне меньшевистско-эсеровской реакции происходило все большее и большее революционизирование масс. Московская организация партии большевиков вообще и Хамовнический район в частности едва поспевают за ходом событий.

Пятого августа состоялось общее районное собрание членов партии. Присутствовало около 200 человек. Заслушаны были следующие доклады:

1) Отчет т. Ангарского о партийном с'езде.
2) Доклад о конференции фабрично-заводских комитетов.
3) О выборах в учредительное собрание.

6 августа состоялось собрание агитаторской группы райкома, посвященное вопросу о демократическом совещании 9 на заседании райкома были распределены агитаторы для выступления на предприятиях. Постановлено начать энергичную кампанию за проведение 12 августа однодневной политической забастовки протеста. Между тем Хамовнический совет принимал все меры к тому, чтобы не допустить политической забастовки. 11 августа, под председательством меньшевика Плескова, состоялось собрание пленума совета. Основным вопросом был вопрос о настроении масс в связи с Московским демократическим совещанием. Из докладов с мест выяснилось, что на заводе «Каучук» (т. Соловьев) наблюдается отрицательное отношение к совету, и что на заводе третий день идет экономическая забастовка; в Земпалатке (т. Наумов) постановлено 12 августа об'явить забастовку; на заводе «Противогазы» выражено доверие совету; в типографии Мамонтова (т. Буксин) отрицательное отношение к Московскому совещанию; на заводе Второва принята резолюция интернационалистов: заявить на совещании протест и удалиться; в Экономическом о-ве офицеров постановлено об'явить забастовку. От других предприятий информация не была представлена.

В результате страстных прений (от большевиков выступали тт. Афонин, Коризна, Буксин, Уткин) была принята резолюция, предложенная Николаевым, о недопустимости забастовки и демонстраций. Однако, победа большевиков была не блестяща: резолюция принята большинством 36 голосов против 30. Однодневная забастовка в Хамовниках прошла дружно на всех более или менее значительных предприятиях.

Помню многолюдное собрание рабочих завода Второва в саду при клубе у Калужской заставы. Помню образную речь т. Ахапкиной (тогда еще беспартийной) к женщинам о женской тяжелой доле, о необходимости поддержать большевиков. Официальным докладчиком от совета выступал какой-то кадетообразный студент-меньшевик с конспектами в руках и с тезисами о «реконструкции власти» (это на рабочем-то собрании). Говорил он гладко, округляя фразы, и сказанное аккуратно отмечал в конспекте. После него от об'единенцев-интернационалистов выступала тов. Ломтатидзе. Как и полагается об'единенцам, она начала с критики меньшевистской «реконструкции», а закончила приглашением принять участие в совещании для упрочения единого фронта демократии.

Надо заметить, что несколько дней тому назад меньшевикам-интернационалистам удалось на заводе в наше отсутствие провести резолюцию об участии в Московском совещании.

Я защищал точку зрения партии большевиков на это Совещание, как окончательное сплочение контр-революционных сил и начале решительной борьбы с революционной демократией, и призывал к политической забастовке-протесту.

Предложенные меньшевиками и Ломтатидзе резолюции собрали два-три голоса; за нашу весьма краткую резолюцию поднялся лес рук.

— У вас, повидимому, все было подготовлено заранее, — обиженно заявила т. Ломтатидзе. Она в то время еще не понимала, что не мы, а сама жизнь и ход событий неуклонно приближали пролетарскую революцию, мы же лишь раз'ясняли массам сущность событий и неизбежность перехода власти к советам.

Мятеж Корнилова и участие в этом мятеже Савинкова и Керенский вконец дискредитировал партих эсеров. Слухи о возможности выступления Корнилова против Керенского циркулировали в Москве среди узкого круга партийных работников. Говорили, что тов. Хинчук имел даже поручение от Керенского заручиться поддержкой большевиков против выступления Корнилова в Москве. Исполком Моссовета по докладу тов. Хинчука принял постановление о создании «шестерки быстрого действия», составленной из представителей социалистических партий.

В сентябре районный комитет, как и вся Московская организация, развивали огромную работу по охвату широких рабочих масс. Шла лихорадочная подготовка к перевыборам районных дум. Эти перевыборы должны были явиться, и они действительно явились показателем доверия масс к нашей партии. Интересно сопоставить число лиц, вступивших в партию по месяцам. В марте вступило 113 чл., апрель—122, май—68, июнь—57, июль—39 (после июля наблюдалось резкое сокращение притока в партию по всей Московской организации), август—66, сентябрь—186 (после корниловщины). Всего к январю 1918 года в районе было около

900 человек членов партии. Таким образом, сентябрь дает резкое увеличение членов партий. Поворот в настроении масс в сентябре обнаружился почти во всех районах. Из 17 районных дум в 11 мы имели большинство. Хамовническая районная дума шла одной из первых. Из 47 вновь избранных в гласные кадеты получили 12 голосов, народные социалисты—1, эсеры—4, меньшевики—2, большевики—26 и с.-д.-интернационалисты—1. Согласно директивы М. К., управа была составлена нами целиком из большевиков.

Председателем думы был избран т. Ангарский, председателем управы Соловьев, членами управы: тт. Саврасов, Лебедев и Богомолов.

В заседании думы нам пришлось иметь против себя блок всех фракций, от кадетов до меньшевиков и эсеров включительно. Лидерами кадетов в думе были Д. Шаховский, Балицкий, от меньшевиков неизменно выступали Генкин и Николаев. Имея дело со столь искушенными парламентариями, нам тоже пришлось вести дело по всем правилам парламентаризма. Лидером фракции райком выдвинул т. Савельева, который в соответствующие моменты, когда надо было умерить пыл буржуазных болтунов, — выступал с соответствующими предложениями большевистской фракции.

Мы имели большинство даже при блоке всех фракций, и потому кадетам и «социалистам» всех мастей ничего не оставалось делать, как выступать с торжественными декларациями о снятии с себя ответственности за работу большевистской думы. Так выступала эта думская «оппозиция» не только до октября, но и после восстания и победы. Еще в январе Д. Шаховский и Балицкий обвиняли нас в «насилии, братоубийственной резне» и других прегрешениях. Это были их последние выступления: скоро и центральная и районная думы были ликвидированы.

Одновременно с перевыборами в думу райком повел широкую кампанию за перевыборы депутатов в районный совет. В течение сентября и начале октября почти все меньшевики и эсеры на предприятиях были переизбраны, и мы имели уже наше большинство в пленуме районного совета; беспартийные шли за нами. В начале октября мы переизбрали исполком, а затем и председателя совета. Вместо меньшевика Николаева председателем был избран Н. И. Лихачев, рабочий Уваровского парка, его товарищем, вместо адвоката Плескова, — т. Саврасов; секретарем временно был оставлен меньшевик Вартанов.

Получив подавляющее большинство при перевыборах в совет и районную думу, располагая сочувствием огромных масс рабочих на предприятиях — мы в районе неизбежно, в самом процессе повседневной работы, столкнулись с вопросом: что же дальше? Лозунг «вся власть советам» стал общепризнанным лозунгом широких рабочих и солдатских масс. Надо было ставить практический вопрос о взятии власти, иначе агитация за необходимость перехода власти к советам, могла выродиться в беспредметную агитацию.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ [redacted]

В это примерно время Московский комитет получил непосредственно от Ленина письмо, в котором Владимир Ильич настаивал на том, чтобы большевики брали власть немедленно. «Медлить, — писал Владимир Ильич, — преступление. Ждать с'езда советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции. Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас.

Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский совет сразу тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с Питерским советом) правительством. В Москве победа обеспечена и *воевать некому*. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать, и нет спасения, оно сдается... Ибо Московский совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу.... и т. д. Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*».

Это письмо Владимира Ильича горячо обсуждалось на собрании активных работников Московской организации. Собрание высказалось за необходимость начать такую тактику борьбы, которая, в процессе все большего и большего нарастания столкновений и конфликтов на почве борьбы рабочих с локаутом капиталистов, вплотную привела бы нас к восстанию, втянув в водоворот событий широкие рабочие массы. Предложение организовать вооруженную демонстрацию было отвергнуто, и принята так называемая «декретная кампания», которая по сути дела сводилась к захвату власти советами. На пленуме Моссовета 19 октября эта резолюция поучила 331 против 207.

Меньшевики после голосования заявили, что мы идем к захвату власти и «изолируем пролетариат». Поэтому «во имя спасения» революции и рабочего дела они «будут добиваться немедленно первыборов всех членов советов».

Так фактически мы вступили в период восстания. 23 октября у себя в районе мы приступили к осуществлению целого ряда революционных мер в области столкновений рабочих с фабричной администрацией, отменили квартирную плату с рабочих, ввели через фабзавкомы фактический контроль над производством и повели агитацию за неизбежность и необходимость восстания.

Располагая большинством в думе и в районном совете, мы фактически об'единили работу этих двух органов власти, подчинив хозяйственную деятельность думы совету, который с этого момента фактически становится уже органом пролетарской диктатуры.

На заседании Московского комитета 25 октября была выбрана боевая «семерка» на весь период вооруженной борьбы, и намечен состав Военно-революционного комитета.

Пленум Московского совета 25 октября санкционировал восстание. Мы не произносили речей в этом историческом заседании

совета. Настроение раойнов и солдат нам было хорошо известно. Мы знали, что они нас поддержат. Спорить при таких условиях с меньшевиками и эсерами об оценке момента мы считали пустой и ненужной потерей времени.

25 октября в районе, в студенческой столовой, было назначено экстренное собрание райкома с активными работниками и представителями фабрик и заводов.

Уже в полночь, прибыв с пленума совета, я сделал подробный доклад о принятых решениях и о необходимости немедленно предпринять практические шаги к восстанию. Настроение у всех было приподнятое. Чувствовалось, что наступил решающий момент. Представители с мест подтвердили готовность масс к восстанию. Лишь несколько сдержанно характеризовал настроение 193 полка т. Тандитный. Кое-кто из товарищей высказал сомнения в целесообразности избранного момента для восстания, но в конечном счете все голосовали за немедленное восстание.

26 октября утром в нашем совете, на Царицынской улице, все еще было по-старому, и шла обычная будничная работа. Меньшевистские девицы попрежнему занимали две наиболее удобные комнаты для продажи своей партийной литературы и ведения своих организационных дел, в другой комнате сидели эсеры, в третьей размером поменьше — об'единенцы. Все эти представители партий сидели в своих комнатах на законном основании — как представители партий в совете. Однако, это было так несуразно и нелепо, что пришлось сейчас же попросить впавших в благородное негодование девиц очистить помещение для красногвардейцев.

Первые дни, как и всюду в районах, чувствовалось выжидательное настроение, некоторая нерешительность, неясность общего плана боевых действий. Но этого плана Московский военно-революционный комитет не мог еще дать районам; положение его было весьма трудное. Меньшевики критиковали, пугали, увещавали, вели переговоры (они входили в ревком) с Комитетом общественной безопасности. Представители Викжеля (Всероссийский исполком комитета железнодорожников) топтались в хвосте меньшевиков и еще больше увеличивали неразбериху и мешали ВРК взять твердую линию. Рабочие в районах требовали оружия, но его не было. Начавшееся было вооружение рабочих в Кремлевском арсенале было прекращено приказом полковника Рябцева, и юнкера начали окружать Кремль. Военно-революционный комитет выжидал, вел переговоры и только 27 октября вечером об'явил всеобщую забастовку, после первого ультиматума Рябцева. Только с об'явления забастовки фактически в районе начались боевые действия.

С вооружением дело в Хамовниках стало так же плохо, как и в большинстве районов. Об'явив 25 октября восстание, мы продолжали еще хлопотать о вооружении рабочих, доказывая командующему войсками полковнику Рябцеву и Ровному, что мы

вооружаемся для охраны революционного порядка. И первое время мы имели некоторую надежду на возможность, кое-что даже успели получить, но вскоре Кремль был окружен юнкерами, и отобранное нами оружие не удалось увезти.

25 октября в Хамовниках мы располагали лишь дюжиной старых винтовок. Собственно говоря, вооружаться мы начали путем разоружения офицеров. Война не была об'явлена, но военные действия начались. Наши патрули и солдаты то и дело приводили к нам в ревком офицеров как проживающих в Москве, так и прибывших с фронта. Мы разоружали их и частью задерживали, частью отпускали.

Патрули арестовывали и вели в совет всех военных, не пренебрегая военными врачами и отставными генералами. Большинство задержанных мы отправляли под арест в казармы 193 полка. Великодушия у нас в то время было еще немало. Мы позволяли себе иногда роскошь отпускать офицеров на честное слово, если они доказывали, что в Москве находятся временно, проездом, и обещали не бороться против нас. Этим нашим великодушием не были заражены наши патрули, и в особенности солдаты 193 полка. Были нередки случаи расстрела арестованных по пути в казармы.

28 октября в помещении Московского совета войск еще было очень мало. Мне было поручено ВРК вывести из Хамовнических казарм несколько рот для защиты совета. В казармы 193 полка явился около 12 часов ночи, со мной был т. Шелехес, член полкового комитета. Я пред'явил приказ и об'яснил, в каком положении находится совет и почему требуется немедленно поддержка. Полковой комитет был плохо информирован о положении дел в центре и о соотношении борющихся сил. Приказ ревкома был признан недостаточным, и от меня потребовали приказа совета солдатских депутатов, президиум которого был в подавляющем большинстве меньшевистско-эсеровский. Дело явно срывалось. Однако, после долгих пререканий все же решили выступить. Дали знать по ротам. Делалось все вяло, неуверенно, нерешительно.

Сонные одевались солдаты, группами шли во двор. Моросил пронизывающий осенний дождь. Было холодно и темно. Медленно строились ряды, спорили, ругались, несколько раз меняли решение и, наконец, заявили: «Ночью не пойдем».

В ночной темноте разглядел я т. Ярославского, пользовавшегося значительным влиянием в 193 полку. Он молча наблюдал, чем все это кончится. Выступать перед массой с агитационными речами мы не сочли удобным и решили дождаться утра. Признаюсь, я не особенно верил в выступление. Однако, около 10 часов утра три роты действительно выступили. Я провел их по набережной Москва-реки до Пресни, откуда они направились в совет.

Ночью на 29 октября ревком с Царицынской улицы перешел в Хамовнические казармы. Мотивировался этот переход нервной обстановкой, создавшейся в совете, относительно малой его защищенностью от возможного окружения противником и, наконец,

необходимостью координировать свои действия с полковым комитетом 193 полка. В совете на Царицынской остался штаб Красной гвардии и части работников ревкома. Вся оперативная работа сосредоточена была в казармах 193 полка.

31 октября положение в штабе на Царицынской улице было очень тревожное. В связи с наступлением «юнкеров и появлением их броневика» (грузовик с пулеметами) на Плющихе и Смоленском бульваре, пришлось перекопать ряд улиц: Плющиху, Оружейный пер., Смоленский бульвар и Неопалимовский пер.

1 и 2 ноября борьба достигла наибольшего напряжения, и вдруг совершенно неожиданно телефонный звонок... точно голос из другого мира. Беру трубку. Говорит т. Голенко: «ВРК приказывает прекратить огонь. Противник сдался. Мы победили..!» Через некоторе время пришла делегация (Волгин, Голенко и еще кто-то) и сообщила радостную весть о победе.

Весь райком в целом в октябрьские дни принял непосредственное участие в восстании: одни с оружием в руках сражались с юнкерами, другие вели работу по продовольствию и оказанию медицинской помощи раненым. Особенно активное участие в борьбе проявили рабочие Уваровского парка и «Каучука». Эти же наиболее крупные предприятия района дали целый ряд видных работников как в партийной и профессиональной, так и в хозяйственной области.

Л. САВРАСОВ.

Боевые дни в Хамовниках.

Общее положение.

К концу октября положение в Хамовническом районе было таково:

Засилие эсеров и меньшевиков сломлено по всем линиям: на заводах и фабриках, в Уваровском трамвайном парке, на Брянской жел. дороге — всюду имелись если не очень крупные численно, то все же очень влиятельные большевистские ячейки.

В районной думе фракция большевиков была в большинстве, управа состояла из трех большевиков и двух об'единенцев.

В начале октября пал и последний оплот оборонцев — районный совет, в котором мы получили при выборах исполкома большинство (при пропорциональной системе выборов большевики имели в новом исполкоме больше членов, чем все остальные партии, взятые вместе).

Настроение рабочих было боевое; готовились к восстанию. Но техническая подготовка была слаба. Красногвардейские группы на заводах были малочисленны и плохо вооружены. Так, на фабрике «Каучук» было 40—45 красногвардейцев, из которых только около 10 человек имели револьверы; в Уваровском парке—около 40 человек красногвардейцев, оружие только у нескольких; в депо вагонных мастерских Московско-Киево-Воронежской жел. дор.—12—15 человек; револьверы были у четырех, на заводе Второва—тоже; на фабрике Гюбнер—красногвардейцев до октября совсем не было и т. д. Районный комитет имел у себя всего-на-все десятка полтора старых берданок.

В районе были расположены следующие воинские части: 193 пехотный запасный полк, 55 (если не ошибаюсь), Нижегородская ополченская дружина, одна казачья часть и 4-й дивизион тяжелой скорострельной артиллерии.

В 193 пехотном запасном полку наше влияние было довольно сильно, ибо мы обслуживали полк в смысле агитации достаточно энергично.

Остальные части обслуживались гораздо слабее. Ополченцы и казаки присутствовали на общих митингах с солдатами 193 полка, так как были расквартированы по соседству с Хамовническими казармами, где был размещен 193 полк.

В Бутиковских казармах, где размещался артиллерийский дивизион, агитаторы бывали, но нерегулярно.

Кроме этих воинских частей, в районе были лазареты и госпитали, в которых, за недостатком сил, совсем не велось систематической работы.

Лишь в Травматологическом институте (Смоленский бульвар, № 53), в котором находилось очень большое число раненых солдат, устраивались часто митинги по инициативе медицинского персонала, с выступлениями социал-оборонцев и даже кадетов, на которых наши агитаторы выступали почти всегда и с большим успехом.

В милиции наше влияние было слабое, так как, естественно, эсеровская городская управа подбирала в состав милиции своих людей.

Главнейшие силы белых, выступившие против нас в октябрьские дни, были следующие: юнкера 5 школы прапорщиков (угол 1 и 2 Смоленских переулков), юнкера Александровского военного училища (Арбатская площадь — здание, занимаемое ныне Реввоенсоветом), юнкера и офицеры, сосредоточившиеся в помещении штаба Московского Военного Округа (Пречистенка—Остоженка). Буржуазный район Остоженки, Пречистенки, Арбата, с их многочисленными переулками, доставлял офицерам и юнкерам живую боевую силу в лице учащейся молодежи, а равно необходимую санитарную, продовольственную и разведочную помощь. Кроме военных училищ и Штаба Военного Округа, базами белых служили театры, кино, рестораны и другие здания в центральных кварталах района.

Таково было соотношение сил в Хамовническом районе к началу Октябрьского восстания.

Выборы ревкома.

26 октября вечером состоялось экстренное заседание пленума районного совета.

Заседание происходило в студенческой столовой (проезд Девичьего Поля, д. № 6). Кроме членов совета, присутствовали представители фабрично-заводских комитетов и гласные районной думы. Единственный вопрос повестки дня был—об'явление восстания и выборы районного Военно-революционного комитета для руководства восстанием.

В совете, как уже сказано, большевики имели подавляющее большинство, поэтому в Военно-революционный комитет были избраны на основе пропорциональности: меньшевик — Николаев, бывш. председатель Хамовнического районного совета до октябрьских перевыборов; 1 об'единенец — Розеблюм и 5 большевиков — Ангарский, Лихачев (председатель совета), Савельев (Шелехес Александр), Блис (от Дорогомиловского подрайона) и Саврасов. Саврасов был избран председателем ревкома.

Дорогомиловский район, по партийной линии был подрайоном Хамовнического района; в виду особых условий, он всегда находился как бы на отлете и отличался «самостийностью». Не-

смотря на постановление Хамовнического райкома от 26 октября, о том, что Дорогомиловский подрайон подчиняется в отношении боевого руководства общему ревкому, в который был введен представитель Дорогомилова, только некоторые из дорогомиловцев (например, *Фаслер, Петушков)* и несколько красно-

Группа ревкома.

гвардейцев подчинились этому постановлению и влились в организацию Хамовнического ревкома; другие же, считая, что столь важные в стратегическом отношении пункты, как Брянский вокзал и Бородинский мост, не могут обходиться без непосредственного руководства, организовали 29 октября свой собственный ревком, около которого сконцентрировалось несколько десятков красногвардейцев. Дорогомиловский ревком состоял из тт. Федосова, Ванториной, Фонченко.

Подготовка к боевым действиям.

27 октября с раннего утра помещение Хамовнического районного совета наполнилось активными работниками района. Совет еще с марта месяца занимал маленький особнячок ротмистра Судейкина, ныне не существующий, ибо в холодную зиму 1920 года он был разобран на топливо.

Толчея от большого числа собравшихся была невообразимая. Маленькая комната, налево от передней, где помещался президиум совета, была обращена в штаб ревкома. Остальные комнаты нижнего этажа, занимавшиеся партийными организациями и заставленные столами с литературой, были освобождены и отведены для красногвардейцев; негодующие эсеровские и меньшевистские девицы перебрались со своими столами в верхние комнаты, но скоро исчезли и оттуда.

Ревком, прежде всего, приступил к выяснению, учету и мобилизации вооруженных сил, при чем сразу же столкнулся с фактом полнейшего несоответствия наличного оружия числу красногвардейцев; красногвардейцев было свыше сотни, а оружия было: 16 старых винтовок в райкоме, до десятка винтовок на разных заводах и фабриках, некоторое число разнокалиберных револьверов у отдельных красногвардейцев, да еще ручные гранаты, изготовлявшиеся рабочим фабрики «Каучук» тов. Лепицким, который исполнял до Октябрьских дней обязанности организатора Красной гвардии.

Таким образом, перед ревкомом встал серьезнейший и важнейший вопрос о том, чтобы раздобыть оружие. Естественно, что, прежде всего, он обратился за оружием в Центральный Военно-революционный комитет, но безрезультатно: там ничего дать не могли, так как Кремлевский арсенал оказался к этому моменту в руках полковника Рябцева.

Обратились к полковому комитету 193 запасного полка, но получили отказ, мотивированный крайне ограниченным количеством оружия в полку (в то время военное начальство отбирало оружие у ненадежных частей).

Тов. Шелехесу (солдат—член полкового комитета 193 полка) удалось получить только 10 винтовок из штрафной роты под свою ответственность в частном порядке.

В добывании оружия было использовано все, что возможно.

Так, тт. Тараканчиков и Миткевич отправились на автомобиле [1]) с запиской Саврасова на склад Губернского комитета земского союза, на 2-й Тверской-Ямской, где хранилось несколько ящиков 3-линейных винтовок и берданок и патронов к ним, еще со времени февральской революции [2]).

---

[1]) Рабочие завода «Каучук» передали в распоряжение ревкома автомобильный и гужевой транспорт завода.

[2]) Мне удалось в первые дни февральской революции раздобыть от исполнительного комитета общественных организаций ордер на право изъятия оружия, «где бы и у кого бы таковое ни находилось»; в суматохе первых дней марта по этому ордеру я получил из Губернского правления эвакуированное оружие полиции некоторых губерний Царства Польского и еще в некоторых местах большое количество револьверов. Часть оружия была еще летом отправлена со склада земского союза военной организации Московского комитета большевиков, но при перевозке была арестована. Остальное оружие хранилось на складе в моем личном распоряжении.

Л. С.

Ящики с винтовками и патронные ящики были благополучно доставлены в ревком и послужили известным подспорьем: там было десятка два-три винтовок, правда старых, и некоторое количество револьверов разных систем [1]).

Параллельно раздобыванию оружия велась интенсивная подготовительная работа к боевым действиям и в других направлениях.

Все предприятия организовали охрану своих территорий и продовольственные пункты; выделили специальные группы для разведочной службы и для поддержания порядка в районах; на каждом предприятии были выделены революционные руководящие тройки или пятерки.

В. студенческой столовой тов. Боголепова по указанию тов. Соловьева, З. П., спешно организовали санитарные летучки и пункты; там же было организовано питание штаба ревкома и красногвардейцев.

Тт. Соловьев и Лебедев (председатель и член районной управы) принимали экстренные меры к обеспечению района продовольствием; работа в районной управе, помещавшейся в бывшем ресторане «Москва», на углу Смоленского рынка и Смоленской улицы, кипела во-всю. Благодаря этой интенсивной работе, продовольствие в нашем районе отпускалось беспрерывно во все время боев [2]).

---

1) Одновременно с этим я сделал другую попытку в том же направлении. Дело в том, что в марте же я получил от тогдашнего градоначальника, меньшевика Никитина, 50 браунингов полицейского образца (для вооружения отряда милиции в губ. комит. зем. союза), часть которых вместе с значительным количеством револьверов разных систем, из'ятых в разных местах, я передал той же военной организации М. К., а часть (20 шт.) находилась «во временном пользовании» служащих земского союза. Список этих служащих с указанием номера револьвера находился у меня в кармане, и на основании его были написаны на бланках районого совета официальные письма означенным лицом с предложением передать револьверы «подателям сего», красногвардейцам т. Петушкову и др. (из работавших в мастерских земского союза). Письма были подписаны т. Лихачевым, членом ревкома. Красногвардейцы отправились исполнять поручение, но вернулись ни с чем, ибо владельцы револьверов, эсеры и меньшевнки главным образом, заявили, что револьверы они получили от меня, как бывш. начальника милиции зем. союза, а не как председателя ревкома, поэтому ревком не в праве требовать от них это оружие.

Отмечу, что попытка моя заполучить эти револьверы имела следующие последствия: по окончании военных действий, когда начались занятия в учреждениях, эсеры и меньшевики Губ. комит. зем. союза на общем собрании служащих добились об'явления мне бойкота за мои действия по отобранию оружия и возбудили против меня дисциплинарное преследование в Московском совете присяжных поверенных (я был тогда в этой корпорации). Бойкот дал мне возможность в течение первого месяца после Октябрьских дней не посещать службу и работать всецело в ревкоме и совете, а дело в совете присяжных поверенных закончилось с упразднением института присяжной адвокатуры.

2) Подробно о продовольственном деле в Октябрьские дни см. статью т. Лебедева в этом же сборнике. Л. С.

Весь день связь с центром и другими районами поддерживалась нормально. Телефоны работали также вполне исправно.

Около 6 часов вечера члены районной думы отправились в Сухаревский Народный дом на собрание совета районных дум.

Совет районных дум, по решению М. К. (б), должен был явочным порядком заменить городскую эсеровскую думу, являясь органом, более правильно отражающим волю московских трудящихся, ибо выборы районных дум производились в то время, когда достаточно изжиты были оборонческо-патриотические настроения, давшие такой перевес эсерам при выборах в городскую думу.

В разгаре заседания, бурно обсуждавшего вопрос о присоединении к Петрограду и принятии предложения о передаче всей власти Военно-революционному комитету, явился тов. Владимирский, об'явивший о разрыве переговоров между Военно-революционным комитетом и полковником Рябцевым. Это означало начало военных действий.

Собрание быстро закончилось принятием большевистской резолюции, и все немедленно отправились к себе в районы.

Наш ревком в экстренном заседании постановил призвать рабочих района к забастовке и приступить к непосредственным боевым действиям.

В тот же вечер все агитаторские силы были брошены райкомом на проведение экстренных собраний по заводам.

Ночь была проведена без сна в обсуждении техники военных действий и распределений обязанностей между отдельными лицами.

Настроение было приподнятое и нервное. Воцарившаяся ночью на улицах исключительная, полная тревоги, тишина особенно нервировала. На этой почве происходили моменты паники [1]).

Этой ночью тов. Ангарский, по поручению Центрального Военно-революционного комитета отправился в Хамовнические казармы, чтобы добиться посылки подкрепления к Московскому совету. Утром 27 тов. Ангарский вывел 2 роты 193 полка и провел их в центр [2]).

Забрезжило позднее осеннее утро. Ночная нервозность уступила место трезвой, бодрой энергии. В первую очередь ревком

---

1) Я задремал, сидя за столом в комнате ревкома, и был разбужен поднявшимся шумом, стуканьем затворов. „В чем дело"? „Казаки",—был тревожный ответ. Выхожу на крыльцо. В мертвой тишине улиц слышно отчетливое цоканье подков,—как-будто движется конный отряд. Прислушиваюсь и улавливаю знакомые звуки экипажей. Это оказались возвращавшиеся на ночлег легковые извозчики. Успокоились. Я опять задремал и вновь был разбужен такой же тревогой. „Артиллерия".—Перебегаю из комнаты в комнату. Это, конечно, уж было очень неправдоподобно. Я говорю шутя: „Наверное ассенизационный обоз". Вышли на улицу. Моя шутка оказалась действительностью.

2) Об этом см. подробно в ст. Ангарского.

отдал распоряжение красногвардейцам задерживать и приводить в штаб офицеров и вообще военных для разоружения.

Сначала разоружение обставляли известными формальностями. Приводимые офицеры держались с большим апломбом, возмущались, протестовали.

Мы раз'ясняли им, что это временная мера, и что, по наступлении успокоения в городе, оружие, конечно, будет возвращено, а потому всем выдавались расписки в отобранном оружии на бланках за моей подписью, как председателя ревкома; в расписках указывалась система и номер револьвера.

Сначала мы предполагали, что будем распределять отобранные револьверы планомерно. Поэтому я их складывал сзади себя на стол. Около меня была дверь, ведущая в заднюю комнату; через нее беспрерывно двигались люди. Искушение, — увы! — было сильнее дисциплины: револьверы таяли с той же быстротой, как и прибывали — их разбирали без всякой «плановости», и наши призывы подождать были тщетны.

Постепенно картина менялась. Недостаток оружия чувствовался очень остро, но ничего придумать было нельзя, и всем жаждавшим его иметь рабочим мы принуждены были говорить: «ищите сами». Поэтому патрули действовали все более энергично, и приводимые военные держались уже иначе: были растеряны, смущены, напуганы. В конце дня военных обезоруживали не только на улице, но и по квартирам. Узнавали, где живет офицер или юнкер, получали от ревкома ордер на отобрание оружия и с ордером раздобывали, кому что удавалось.

Здание совета кишело людьми. Непрерывным потоком двигались рабочие в совет по разным делам своих фабрик. Шли красногвардейцы и вливались в организуемые десятки. Раздобываемое оружие распределялось между ними крайне неравномерно, как мы ни старались ввести порядок в это дело.

Было много случаев, когда красногвардеец получал винтовку, а имевшийся револьвер, а иногда и два утаивал и не передавал другому. В этом сказалась особенная жадность к оружию, так естественная у новичков, желающих непременно быть «вооруженными до зубов» (молодежь ухитрялась одновременно носить шашку, винтовку и револьвер, а иногда и гранату).

С утра же красногвардейцы стали реквизировать на улицах и в гаражах автомобили частных лиц для нужд ревкома. Заведывание автомобилями взял на себя тов. Тараканчиков. Их постепенно набралось несколько десятков, но пользоваться большинством было нельзя, так как шоферы вынимали магнето и исчезали, не желая служить красным. Но даже, если они скрывались, не «обезвреживая» машин, мы не могли ими пользоваться, за отсутствием умеющих управлять автомобилями.

Днем прибыла для охраны ревкома рота солдат 193 полка.

Считаю не лишним отметить, что, как здесь, так и в других местах, когда упоминаются роты, нужно понимать отнюдь не роты

боевого состава, для которых не хватило бы даже оружия, а лишь части рот в количестве 50—80 человек.

Много заботы доставило нам размещение солдат, так как в маленьком доме советов все было переполнено до отказа.

В конце-концов, тов. Ставрович устроила их в Черняевском институте, по соседству с советом, выдержав настоящий бой с начальницей института и всем персоналом, пришедшим в ужас от перспективы поселить солдат в женском институте. Довольствовались солдаты в общей столовой.

В 55 Нижегородскую дружину и казачью част в этот день никто направлен не был, за отсутствием свободных сил, и настроение этих частей для нас было совершенно неизвестно.

В Бутиковские казармы, где помещался 4 дивизион тяжелой артиллерии, ревком направил несколько агитаторов. Вообще на эту часть было обращено большое внимание.

В результате в ревком пришло несколько десятков солдат из дивизиона, к сожалению невооруженных (артиллеристам не полагалось винтовок), во главе с представителем дивизионного комитета — Первухиным.

Огромная работа по агитации была выполнена, главным образом, тт. Ангарским и Ставрович, которые обошли все предприятия района.

Когда выяснилось, с какими трудностями был сопряжен вывод двух рот 193 полка предыдущей ночью, ревком обсудил положение и констатировал необходимость смены полкового комитета, занимавшего колеблющуюся позицию.

Был найден удобный предлог, в связи с выборами ревкома в районе, заменить полковой комитет Военно-революционным комитетом. Это было поручено солдатам 193 полка тт. Шелехесу Илье и Тандитному, которые успешно выполнили эту задачу. Военно-революционный комитет 193 полка был составлен по тому же принципу представительства от рот, как и прежний полковой. В него были выбраны: прапорщик Померанцев — большевик (председателем), тт. Шелехес и Тандитный, двое подпоручиков или прапорщиков и одиннадцать солдат, в числе коих несколько выборных районных командиров.

С избранием Военно-революционного комитета 193 полк оказался связанным с ревкомом гораздо крепче, что и дало возможность впоследствии использовать живую силу полка для различных операций.

ВРК обнаружил в цейхгаузе спрятанные винтовки и нашел возможным выделить из них шт. 20 для красногвардейцев.

День 28 октября прошел без боевых действий. Ранняя темнота осеннего дня застала нас в таком положении: в здании совета и в студенческой столовой — человек 100 красногвардейцев; в Черняевском институте — человек 50 солдат 193 полка; установлены посты и патрули на всех прилегающих улицах.

Из членов избранного ревкома, как и следовало ожидать, налицо были только большевики; меньшевик Николаев совсем не появлялся; об'единенка побыла некоторое время с утра и исчезла. Тов. Лихачев (председатель райосвета) с 28 октября в ревком не показывался, тов. Блис (из Дорогомиловского подрайона) не являлся совсем. Таким образом, фактически из ревкома налицо были только трое членов: Саврасов, Савельев и Ангарский.

Непосредственно в штабе ревкома работали следующие товарищи: секретарь ревкома Ставрович, казначей—Полис, т. Вятич (Бережных), председатель районной думы—т. Соловьев, член районной думы—т. Лебедев, рабочие Уваровского парка—Дрожжин, Савин, Лысов, Московский, Князева; рабочие «Каучука»—бр. Юревич, Соловьев, Коризно, Касперович, Лайва; рабочие Земпалатки—Лепицкий и Окороков; рабочие фабрики Второва—Ахапкина, Тараканчиков; рабочие фабрики «Гюбнер» — Резчиков, Чернышев; из интеллигентов: Миткевич, Ярема, В. Попова, Боголепова, Розонова.

Вечер этого дня—28 октября—был наполнен тревогой. Настроение было еще более нервным.

Во всех комнатах маленького дома вооруженные красногвардейцы — частью рабочие, частью солдаты из лазаретов и слабосильных команд. Многие рабочие только впервые держали в руках винтовку и учились обращаться с нею.

Поэтому беспрестанно раздавались случайные выстрелы, затем проверка — не ранен ли кто...

Тут же, в одной из комнат, «пленные», приводимые с улиц; часть их после допроса освобождали, часть задерживали.

Непрерывное движение приходящих и уходящих... В общем, порядочный хаос.

С вечера два десятка, которые были к этому времени вооружены винтовками, отправились на разведку по разным направлениям: к Крымскому мосту, к Смоленскому рынку и к Дорогомилову. Они вошли в соприкосновение с пикетами белых, — и поздним вечером стали доноситься выстрелы с разных сторон, что нервировало находившихся в совете. Неоднократно возникала паника. Однажды наши красногвардейцы защелками затворами, выскочили на улицу и начали беспорядочную стрельбу в темноту, якобы по приближающемуся неприятелю. Оказалось — ни на чем не основанная ложная тревога.

Тов. Первухин (председатель комитета 4 артилл. дивизиона), живой и непоседливый, постоянно исчезал на некоторое время в разведку, а потом возвращался с ворохом новостей очень панического характера. Однажды он вбегает и говорит, что был только что на Зубовском бульваре, что там летают всюду пули, «руками ловить можно». Так как это волновало наших и вызывало представление о том, что нас окружают, я взял с собой кого-то из начальников десятков и вместе с Первухиным пошел переулками к Зубовскому бульвару. Выйдя на бульвар, прислушались: со сто-

роны Крымского моста слышалась довольно учащенная перестрелка (это было столкновение наших и замоскворецких товарищей с юнкерами), но, конечно, никаких «летящих пуль» не было. Я пристыдил Первухина за паникерство, но он не переставал вновь и вновь приносить в здание совета всякие волнующие слухи, почему пришлось арестовать его и посадить в одну из задних комнат, за президиумом. Он сидел, плакал и писал мне одну записку за другой. Утром он был освобожден, но к нам более не возвращался и перешел в Замоскворечье [1]).

Б. Пироговская (Б. Царицынская). Знаком ⨯ отмечено место, где было здание первого район. совета, райкома и ревкома.

Уже поздно ночью вновь произошла паника, — по какому поводу, так и не удалось установить. Я задремал, сидя на стуле в комнате ревкома, и проснулся от поднявшейся суматохи: все собрались в задние комнаты; красногвардейцы перемешались с арестованными, перепуганными на-смерть. Все ждали, что снаружи начнется обстрел. Ничего определенного никто не мог сказать. Очевидно, кто-либо пришел с улицы и передал какой-то тревожный слух, один из тех, которые так легко рождаются в глухую темную ночь, когда издали с разных сторон доносятся выстрелы и всюду мерещится опасность.

---

[1]) Там он принимал участие в стрельбе по Кремлю из шестидюймовых орудий, взятых в 4 тяжелом артиллерийском дивизионе. Нужно заметить, что, за отсутствием снарядов, артиллеристы 4 дивизиона только изучали орудия, а в учебной стрельбе не практиковались; этим об'ясняется, что выстрелы бы и неудачны.

Мы произвели обследование окружающих дворов и выяснили, что из здания совета можно выбраться через соседний двор только в Божениновский переулок, но в случае, если неприятель займет с более солидными силами площадь перед советом и этот переулок, мы окажемся в западне. Поэтому ревком принял решение на завтра переменить штаб-квартиру.

Ночь была проведена большинством опять без сна.

В эту ночь отряд юнкеров 5 школы прапорщиков прошел в Дорогомилово, заняв Брянский вокзал, и вывел в центр города прибывший по Брянской дороге отряд ударников. В эту же ночь юнкера 5 школы прапорщиков разгромили совет Дорогомиловского подрайона, помещавшийся на Дорогомиловской улице, № 22 [1]).

Два десятка наших красногвардейцев, выйдя к Крымскому мосту и Крымской площади, приняли участие в перестрелке между замоскворецкими красногвардейцами и юнкерами, занявшими здание Николаевского лицея, на Крымской площади.

Это было начало наших крупных активных действий.

Характер боевых действий.

Прежде чем излагать события последующих дней и боевые действия, считаю необходимым высказать следующие замечания.

Когда читаешь различные материалы, касающиеся Октябрьских дней, в виде воспоминаний и статей, то констатируешь, с одной стороны, наличие огромных противоречий в описании фактов, путаницу дат и лиц; с другой стороны, видишь стремление авторов представить события тех дней, как нечто организованное, происходившее по определенным указаниям и директивам. Чем дальше отстоят такие «воспоминания» от Октября 1917 г., тем момент организованности подчеркивается сильнее. Можно думать, что происходило форменное 6-дневное сражение по заранее намеченному стратегическому и тактическому плану.

Конечно, это только кажется некоторым товарищам «сквозь дымку времени». На самом деле боевые действия развивались в общем стихийно, за редкими исключениями. Красногвардейцы сразу же усвоили основную свою задачу: загнать белых в центр и выбить из тех пунктов, куда они забрались в первые моменты, пользуясь своей организованностью, наличием вооружения и командного состава.

Это удавалось сравнительно легко. Дело в том, что в центральных, чисто буржуазных квартирах города белогвардейцы чувствовали себя в своей стихии, среди своих: их там всячески поддерживали, кормили, обслуживали. Чуть только они выходили к рабочим кварталами, немедленно же оказывались в чуждой, враждебной обстановке; каждый дом таил для них опасность, всякий встречный казался подозрительным, враждебным; появлялось чувство робости, паники. И красногвардейцы, в малом числе, неорганизованные,

[1]) Прим. Подробное о налете юнкеров см. в этом же сборнике, ст. т. Ванториной.

плохо вооруженные, успешно сражались в этих пунктах против превосходящих в боевом отношении белых.

Наш район имел особое значение для белых, ибо через Брянский вокзал они рассчитывали получать крупные подкрепления в виде батальона смерти, ударников, казаков и т. п., верных временному правительству частей.

И, однако же, почти все попытки юнкеров продвинуться к вокзалу потерпели фиаско; только в первый день 28 октября они пробрались до вокзала; в дальнейшем, несмотря на серьезную базу в районе Смоленского рынка (5 школа прапорщиков), они не добирались далее Бородинского моста. И это естественно: Арбат с переулками был надежной цитаделью белых. Но уже перекресток Смоленского рынка проводил грань — начались рабочие кварталы; опоры не было.

С другой стороны: и Замоскворецкие, и наши красногвардейцы при сильной поддержке солдат 193 и 55 полков никак не могли за все время боев продвинуться глубже в район арбатско-пречистенско-остоженских переулков и выгнать юнкеров из зданий Штаба Военного Округа, ибо в этом районе все дома, все жители были для них врагами, темными, насторожившимися. Все усилия были бесплодны.

Теперь о планомерности и стратегии. Конечно, их не было. Было стихийное стремление не пускать к себе юнкеров, теснить их вглубь, в центр города. Но никакой правильной борьбы не было. Традиция полевой войны создала окопы. Была стрельба, мало результатов; были вылазки, порой отчаянные... Но кем они совершались, по каким директивам — это в большинстве случаев осталось невыясненным.

Таковы общие замечания.

Боевая обстановка и расположение сил.

Теперь несколько слов о боевой обстановке, о расположении и направлении сил противников и об основных задачах, ставившихся той и другой борющейся стороной.

Усилия белых были направлены к тому, чтобы установить беспрепятственную связь с Брянским вокзалом и очистить от красных линию Арбат — Смоленская улица — Бородинский мост — Брянский вокзал. Этой основной задаче и была подчинена вся деятельность белых в этом районе. В этом направлении действовали главные их силы. Одной из задач белых на этом фланге было обеспечить свободный проход прибывающим на помощь к ним военным отрядам.

Согласно договора с Викжелем, все воинские части, в том числе и ударники, перевозились по жел. дорогам лишь при том условии, если они были безоружны. Но так как в распоряжении белых имелись большие запасы оружия, то приходившие подкрепления оказывали им большую поддержку, увеличивая их живую силу.

Необходимо отметить, что некоторые эшелоны ударников были перехвачены, не доезжая до Москвы, на жел.-дор. станциях нашими агитаторами и под влиянием этой агитации отказались двигаться на помощь юнкерам.

Были вместе с тем случаи, когда ударники продвигались в центр, минуя Бородинский мост, на лодках через Москва-реку.

Что касается района Пречистенки и Остоженки с их переулками, то здесь белыми защищалась их база — здание Штаба Московского Военного Округа, находящееся между Пречистенкой и Остоженкой.

Можно сказать определенно, что никакого стремления прорваться в этом участке в рабочие кварталы Хамовнического района у белых не было, ибо вести борьбу с нами в районах, с преобладающим рабочим населением, враждебно к ним расположенным, было им не по силам.

На Крымской площади находился Интендантский базисный склад № 1. Этот склад являлся в то время одной из крупных баз по обслуживанию продовольствием воинских частей, расположенных в Москве. Так как в центре города не было других провиантских складов, то, естественно, юнкера обратили внимание в первую очередь на этот склад, и еще до рябцевского ультиматума (27 октября) стали вывозить провиант из этого склада в свои основные базы — Александровское военное училище и Кремлевские казармы. Вывоз провианта производился на грузовиках под охраной юнкеров. Для того, чтобы обеспечить беспрепятственное выполнение этой операции, юнкера заняли подступы к складу со стороны Замоскворечья, а именно — Крымский проезд, где они укрепились в Катковском лицее на углу Остоженки и Крымской площади. Кроме того, они держали заслоны по направлению Зубовской площади.

Когда разведчики поставили об этом в известность ревком, последний 28 октября вечером отдал распоряжение двум десяткам красногвардейцев (каучуковцы и уваровцы) двинуться по Чудовке и по набережной Москвы-реки по направлению к Крымской площади и Крымскому мосту. Одновременно такое же наступление повели и замоскворецкие красногвардейцы. Юнкера оказали ожесточенное сопротивление, и бой в этом районе продолжался до глубокой ночи без результатов, возобновившись с раннего утра 29 октября.

Дальнейшие события на обоих крайних флангах развертывались все в тех же основных направлениях, а именно: белые стремились захватить в свои руки подступы к Брянскому вокзалу и удержать район Штаба Военного Округа; мы же со своей стороны ставили своей задачей парализовать их движение в обоих направлениях.

Перехожу к изложению событий в хронологическом порядке, начиная с 29 октября.

29-е октября.

29 октября утром, в помощь действовавшим в районе Крымской площади красногвардейцам, ревком направил отряд солдат 193 полка, под командой прапорщика Померанцева. Вывоз продо-

ХАМОВНИЧЕСКИЙ РАЙОН
1. ФАБР. ЛАУЗЯ
2. УВАРОВ. ШАРК
3. АРМВ. МАТ. ЮСТ.
4. ЗЕМПАЛАТКА
5. ФАБР. ГЮБНЕРА
6. - - ШВАРТОВСКОГО
7. ХАМОВН. КАЗАРМЫ
8. - - КОМИССАРИАТ
9. ФАБР. ЖИРО
10. ХАМОВН. СОВЕТ
11. ЧЕРНЯЕВ. ИНСТИТУТ
12. СТУДЕНЧ. СТОЛОВАЯ
13. НИКОЛАЕВ. ЛИЦЕЙ
14. ИНТЕНД. СКЛАД
15. ШТАБ М. В. О
16. АЛЕКСАНДР. ВОЕН. УЧ.
17. ХАМОВН. РАЙОН. ДУМА
18. 5-Я ШКОЛА ПРАПОРЩ.
19. ДОРОГОМ. СОВЕТ
20. БРЯНСК. ВОКЗАЛ
Р. МОСКВА
ПРОТОЧН. П.
ПЛОЩ.
СМОЛЕНС. БУЛ.
АРБАТ. ПЛ.
ПРЕЧИСТ. БУЛЬ.
ХРАМ ХРИСТА СПАС.
ЗУБОВ. БУЛЬВ.
ДЕВИЧ. П.
ПЛЕТЕШ. ПЕР.
ПЛЕТЕШ. УЛ.
ПРОТОЧНЫЙ ПЕР.
ПРОТОЧНАЯ УЛ.
ПИРОГОВСК. УЛ.
ПИРОГОВСКАЯ УЛ.
ТОРГОВ. ПЛ.
ВОЗДВИЖ. ПЕР.
ВОЗДВИЖ. УЛ.
ХАМОВН. ПЕР.
ХАМОВН. ПЛАЦ
ХАМОВН. УЛ.
ХАМОВН. БУЛ.
ЧЕСНОК. ПЕР.
ЧЕСНОКОВ. УЛ.
ЧЕСНОКОВСКАЯ УЛИЦА
ЖИВОДЕР. ПЕР.
ЖИВОДЕР. УЛ.
ЖИВОДЕР. ПЕР.
ЖИВОДЕР. ПЕР.
ЖИВОДЕР. ПЕР

дейцами, при чем был захвачен грузовик с консервами, сопровождавшийся студентами и гимназистами. В складе оказалось около десятка солдат, охранявших этот склад и сдавшихся без сопротивления.

В воспоминаниях, писавшихся в 1922 г. этот эпизод описывался, как взятие Интендантского склада отрядом прапорщика Померанцева и красногвардейцами. Конечно, это преувеличено: стоит взглянуть на колоссальные толстые стены склада и чугунные ворота, чтобы понять полнейшую невозможность взять приступом эту твердыню без предварительной основательной артиллерийской подготовки.

Это было уже вечером. Явившийся к этому моменту в склад член районной управы Лебедев, ведавший делом продовольствия, обнаружил полную пустоту в складе. Однако, как выяснилось из переговоров со смотрителем склада, у последнего на руках находилась книжка ордера на продовольственные грузы, прибывшие в адрес склада на Павелецкий (Саратовский) вокзал в Замоскворечьи.

Оттеснив юнкеров на Остоженку, наши и замоскворецкие красногвардейцы, с помощью солдат 193 полка, продолжали теснить юнкеров вниз по Остоженке, при чем продвижение это производилось весьма медленно, в силу большого сопротивления со стороны юнкеров. В конце концов наши укрепились на Остоженке на углу Коробейникова переулка, где ими, с помощью сапер, присланных из Замоскворечья, был вырыт окоп и устроен бруствер из привезенных из Замоскворечья кип хлопка. Параллельно этому, по набережной Москвы-реки и переулкам, красногвардейцы и солдаты из Замоскворечья стали заходить во фланг к зданию Штаба Военного Округа со стороны Зачатьевского монастыря. Операции с этой стороны я не касаюсь, поскольку она относится к деятельности Замоскворецкого района.

Здания Штаба Военного Округа выходят частью на Остоженку, а главным фасадом — на Пречистенку. Естественно, что наши отряды направились к Штабу со стороны Пречистенки. Здесь в боях участвовали и замоскворецкие красногвардейцы, выходившие на Пречистенку со стороны Остоженки. Со стороны юнкеров велось в этом районе контр-наступление. Так как район между Пречистенкой и Остоженкой, как буржуазный, был целиком на их стороне, то они имели возможность опираться на помощь и содействие со стороны населения. Здесь так же, как и на Остоженке, нашим отрядам пришлось прибегнуть к окопам, делая вылазки и держа все время под огнем самый Штаб и выходы в него.

На левом фланге, в Дорогомилове, действия юнкеров в направлении Брянского вокзала продолжались. Поздней ночью прапорщик Петров с командой ударников в 15 человек атаковал дорогомиловских красногвардейцев, в количестве 20 человек, охранявших Бородинский мост. Дорогомиловцы, плохо вооруженные, были разбиты, и 12 человек из них взяты в плен. Несколько белых были

ранены. Батальон смерти (170 человек), для встречи которого было предпринято белыми наступление, был встречен ими у Смоленского рынка и проведен в центр.

Этот же отряд прапорщика Петрова захватил 2-й Хамовнический комиссариат (Плющиха, 9) и в нем забрал 18 берданок. Мы в то время были еще настолько слабы, что не рискнули предупредить юнкеров и сами произвели эту операцию.

Переход ревкома в казармы.

29 октября Хамовнический ревком решил перенести свой штаб в другое место, в виду того, что, с одной стороны, было невозможно руководить боевыми действиями в обстановке маленького дома совета, а с другой стороны,—здание совета легко могло быть окружено неприятельскими силами со стороны Зубовской площади.

Итак, часов в 8 вечера ревком со своим аппаратом перебрался в особняк фабрики Жиро в Теплом переулке. Туда же были перевезены запасы оружия, кстати сказать, в большинстве состоявшего из негодных к употреблению ружей и пистолетов старых систем, представлявших антикварную ценность.

Тотчас же, однако, стало ясно, что выбор помещения был неудачен. Выяснилась безусловная необходимость тесной связи с Военно-революционным комитетом 193 пехотного полка, дабы иметь возможность использовать крупную живую силу, какую представлял собой этот полк.

Поэтому часов в 10 вечера того же 29 октября мы уже обосновались в казармах 193 полка, установив посты между советом и казармами для обеспечения связи.

Для ревкома было отведено помещение бывшего полкового комитета, довольно большая комната, выгороженная из одного из ротных помещений деревянной перегородкой. Комната была без окон, и в ней все время горел огонь. Когда портилось электричество, тогда зажигали керосиновые лампы. В этом помещении ревком оставался до конца военных действий.

К этому времени стало известно о заключенном Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности перемирии на сутки до 12 часов ночи 30 октября [1]). Большинство из нас было так измучено двумя бессонными ночами, что было решено передохнуть эту ночь. Многие разошлись по домам, осталось несколько человек, которые жили в районах, занятых белыми.

Было очень поздно, когда мы заснули, буквально свалившись, где попало: на стульях, столах и прямо на грязном полу.

Выспаться как следует не удалось, так как жизнь в казармах начинается очень рано.

---

[1]) См. «Октябрьское восстание в Москве» стр. 77 и 79 и воззвание ВРК от 30/X 6 ч. 35 м. утра.

Утром постепенно стали появляться все наши работники, и тут скоро выяснилось, что первоначальное предположение обосноваться в казармах со всем аппаратом ревкома совершенно не выполнимо. Не говоря уже об отсутствии места для всех, военные условия казарменной жизни затрудняли нормальную работу. А нарушить воинские порядки мы не считали возможным, ибо это грозило расшатать воинскую дисциплину, и без того не очень в то время твердую.

В отличие от здания совета, куда все проходили свободно, так как часовые в лицо знали всех своих, в казармах часовые пропускали посторонних лиц лишь с разрешения, в каждом отдельном случае, своего начальства или по специальным пропускам. Это было, конечно, очень сложно и стеснительно, главным образом, для рабочих с предприятий. Далее, в нашем аппарате было много женщин, которым нельзя было при всей изворотливости предоставить в специфических условиях казарм возможность проводить продолжительное время, даже днем, не говоря уже о ночных дежурствах.

Поэтому решено было, что штаб Красной гвардии вернется в особняк на Зубове, а с ним те работники, которые наиболее связаны по своей деятельности с предприятиями. Постепенно на Зубово перешло большинство работников, ибо там была более живая связь с районом. Тов. Соловьев также большую часть времени стал проводить там же, являясь в казармы лишь для участия в об'единенных заседаниях ревкома и ВРК полка или для обсуждения особо важных вопросов.

Таким образом, в штабе ревкома работников было очень мало, да и те непостоянные. Большую помощь в технической работе оказывали упоминавшиеся мною три офицера.

Необходимо остановиться несколько подробнее на характере работы ревкома в период его пребывания в Хамовнических казармах, на его взаимоотношениях с Военно-революционным комитетом 193 полка и на взаимоотношениях с работниками, оставшимися в здании Хамовнического совета, который с этого момента представляет собою своего рода филиал ревкома, находившийся в силу своего положения и числа работников в более тесной связи с районом.

Постоянных работников в штабе ревкома в казармах было очень немного. Члены ревкома Савельев и Ангарский бывали в казармах почти исключительно лишь на заседаниях ревкома или об'единенных заседаниях ревкома и ВРК 193 полка. Очень часто, в экстренных случаях, на этих об'единенных заседаниях приходилось участовать только мне и Савельеву, а порой мне одному.

Громоздкий по численности ВРК 193 полка собирался, главным образом, по вопросам, касавшимся самого полка. Необходимо было через ВРК выяснять настроение солдат в отдельных ротах. Их требования и запросы в большинстве мы удовлетворяли, в целях поддержания соответствующего настроения. Так, например, одним

из первых вопросов, который обсуждался нами—было улучшение питания солдат и выдача обмундирования (гимнастерки и сапоги) тем солдатам из состава рот, которые были направляемы в различные пункты района.

Что же касается вопросов тактики, то эти вопросы обсуждались в более узкой коллегии, состоявшей из наличных членов ревкома и входящих в состав ВРК 193 полка офицеров (Померанцева, Сулатского и еще третьего, фамилии которого я не помню).

Здесь уместно будет отметить характерное различие между настроением солдат полка и красногвардейцев.

В то время, как последние, часто при полнейшем неумении обращаться с оружием и незнании военных приемов, были полны энтузиазма и этим энтузиазмом возмещали недостаток опыта, проявляли максимум инициативы, хотя и совершали нередко грубые ошибки, — солдаты, входившие в состав отдельных отрядов, направляемых в разные пункты, относились к своим обязанностям, как к службе, весьма заботясь, в отличие от рабочих, о материальных удобствах. Так, например, солдаты никогда не уходили в окопы или по другим заданиям, не пообедавши или не позавтракавши; требовали выдачи новых гимнастерок, шинелей, сапог и т. п.

Вместе с тем, однако, солдаты проявляли большую выдержку в том смысле, что назначенное им определенное время пребывания в том или ином пункте, выдерживали безоговорочно, чего нельзя было сказать про красногвардейцев, которые после прилива энтузиазма, побуждавшего их на геройские действия, нередко затем, под влиянием той или иной причины, впадали в подавленное душевное состояние, самовольно снимались и уходили.

Правда, нужно помнить, что, в отличие от солдат, рабочие были крайне плохо одеты, а погода стояла все дни дождливая и холодная.

Обычно, перед отправлением отряда из казарм, тот или иной из находившихся в казармах товарищей, чаще всего Ярославский, произносил напутственную речь, с целью поднять настроение, раз'яснить необходимость выступления.

Связь с особняком на Зубове поддерживалась постоянным посещением штаба ревкома товарищами, находившимися в Совете. Телефон в это время уже не действовал, так как белые, укрепившиеся на центральной телефонной станции, выключили почти все телефоны, которыми пользовались наши организации.

Ревком пользовался бланками и печатью Хамовнического совета, которые при переходе ревкома были перевезены в казармы, но требовались и в совете; поэтому время от времени приходившие тт. Миткевич и Ярема брали несколько печатных бланков, а кроме того заготовляли маленькие листочки с оттиском печати, которых требовалось очень много для выдачи всяких ордеров, в том числе ордеров на производство обысков в домах.

Кстати сказать, в связи с этими обысками развились злоупотребления и появились ордера с подложными печатями, использовавшиеся разными проходимцами, которые под видом красногвардейцев заходили в богатые буржуазные квартиры, пред'являли ордера и под предлогом розыска оружия просто-напросто грабили жильцов. Любопытно, что подложность документов обнаруживалась тем, что в подлинной печати была опечатка: слово «района» было выгравировано — «раойна» и, таким образом, если на документе была печать без этой ошибки, это значило, что документ подложный.

Ревкомом было издано несколько приказов и воззваний к населению, в том числе приказ об обязательной сдаче в штаб огнестрельного оружия; приказы печатались в одной из маленьких типографий и расклеивались на стенах домов.

Необходимо также указать, что с самого начала военных действий были приняты меры к усилению охраны винного склада и запрещен отпуск спирта по разрешениям.

30 октября в казармы поступило несколько ящиков с винтовками и патронов к ним (винтовки мы получили на товарной станции М.-Казанской жел. дор., а патроны — с Симоновского порохового склада). В этот же день или накануне второвцы сагитировали и обезоружили военную охрану завода, получив около 100 винтовок.

Появление значительных запасов оружия сразу изменило положение, дав возможность вооружить как следует наличных красногвардейцев и, кроме того, приступить к созданию новых десятков. Эта работа производилась штабом Красной гвардии, начальником которого ревком назначил тов. Лысова, вагоновожатого из Уваровского парка [1]) и которому помогал ряд работников ревкома, оставшихся в доме на Зубове.

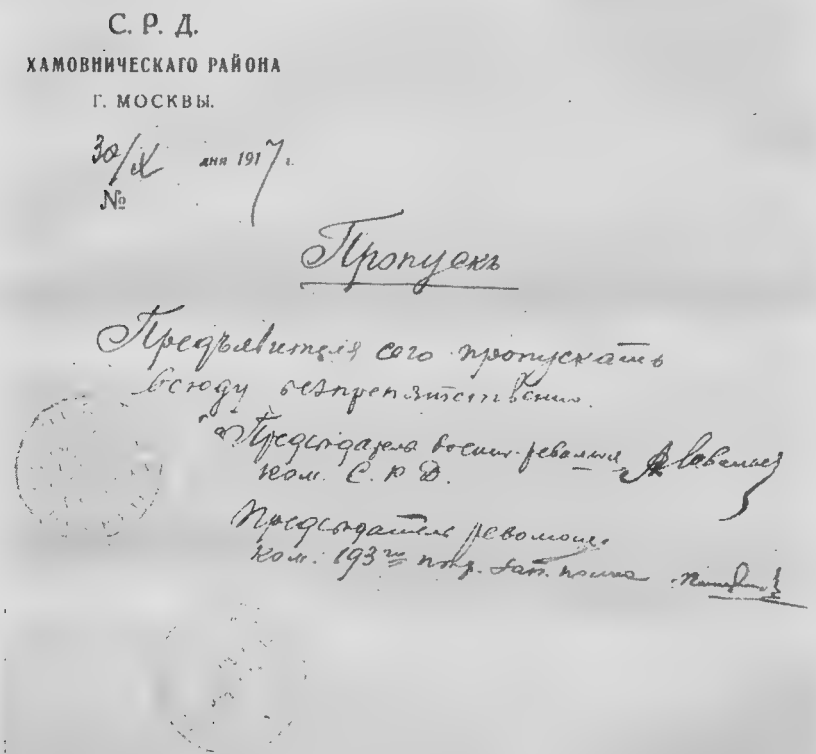
Так как к этому времени к восставшим стали примазываться различные подозрительные элементы, главным образом, из люмпен-пролетариев и солдат-дезертиров, то штабу Красной гвардии было предписано производить подбор десятков самым тщательным образом, требуя рекомендации известных товарищей от тех из записывающихся в Красную гвардию, которые не принадлежат к рабочим фабрик и заводов района. Работа по формированию десятков в силу этих обстоятельств была очень щепетильной, ибо упомянутые подозрительные элементы, при отказе в записи в десятки и в вооружении, устраивали скандалы с демагогическими воплями и обвинениями штаба в отталкивании тех, кто желает бороться за победу революции.

Тогда решили прибегнуть к следующему дипломатическому приему. Сформированные десятки с мандатами направлялись в казармы для снабжения оружием. В том случае, если десяток был ненадежен, мандат составлялся в несколько иных выражениях,

---

[1]) Умер летом текущего года.

как это между ревкомом и штабом было условлено заранее. В этом последнем случае мы в казармах отказывали в выдаче вооружения под тем или иным благовидным предлогом. На этой почве происходили бурные и безобразные сцены, так как, записавшись в десятки, эти лица уже предвкушали возможность помародер-


С. Р. Д.
ХАМОВНИЧЕСКАГО РАЙОНА
Г. МОСКВЫ.
30/X дня 1917 г.
№
Пропускъ
Предъявителя сего пропускать всюду безпрепятственно.
Председатель военно-революц. ком. С. Р. Д.
Председатель революц. ком. 193-го пех. зап. полка

ствовать и, конечно, приходили в ярость, встречая отказ в оружии. Был случай, когда явившиеся два десятка подозрительных личностей, которым я отказал в вооружении, едва меня не растерзали; спасло лишь наличие солдат, которые выпроводили банду.

По нескольку раз в день из совета доставлялись в сопровождении вооруженных красногвардейцев пленные: офицеры, лица,

задержанные по подозрению в стрельбе из домов и в шпионаже в пользу белых, лица, у которых после издания приказа о сдаче оружия таковое оказывалось при обысках и т. п. Обычно, они присылались при лаконической записке: «Препровождается такое-то количество пленных». Об'ясняется это тем, что, несмотря на значительное количество работавших в совете товарищей, тамошняя обстановка не позволяла заняться хотя бы элементарным допросом задержанных. Партии пленных приводились, повторяю, в разное время дня и ночи. Прием их производился всегда лично мною и состоял из занесения в особый листок сведений на задержанных: имя, отчество и фамилия; общественное положение и занятие; где и при каких условиях был задержан; затем тут же писалось, куда это лицо должно быть направлено Дело в том, что в Хамовнических казармах мы устроили два помещения для задержанных. В одном (офицерское собрание) помещались добровольно сдавшиеся офицеры 193 полка и вообще военные, другое помещение было назначено для штатских.

Здесь необходимо вернуться несколько назад.

29 или 30 октября (точно не помню) произошел следующий случай. Как утверждали солдаты из расположенных против казарм домов, где жили офицеры полка, раздались выстрелы. Это было об'яснено «наступлением» офицеров на казармы и привело солдат в такое возмущение и ярость, что они без ведома своих командиров бросились в эти квартиры, захватили находившихся там офицеров и некоторых из них убили и тяжело ранили, при чем выборные командиры не успели этому воспрепятствовать. После указанного инцидента, ради безопасности, остальные офицеры полка были помещены в вышеупомянутое помещение офицерского собрания во дворе казарм. Взятые впоследствии в плен офицеры, приводимые из совета, помещались в этом же офицерском собрании, у которого держали караул наиболее дисциплинированные из солдат, во избежание возможных эксцессов.

Неподалеку от казарм на Хамовническом плацу находился первый Хамовнический комиссариат милиции, который, после перехода ревкома в казармы, был занят нами, при чем начальствующие лица были освобождены от исполнения обязанностей, а рядовые милиционеры, после состоявшегося митинга, дали обязательство подчиняться ревкому. Комиссаром милиции ревком назначил одного товарища (фамилии его теперь я не помню), который перешел к нам в район из Пресненского района. В комиссариате было отведено помещение для захваченных женщин.

Приводимые задержанные держались по-разному. Некоторые были весьма напуганы, доказывали свою полную невиновность, другие заявляли о своей принадлежности к революционным партиям (меньшевиков, правых эсеров, анархистов), держались вызывающе и требовали немедленного освобождения. В сравнительно очень редких случаях, когда было ясно видно, что задержание того или иного лица произошло по излишней подозрительности красно-

гвардейцев, я их освобождал, давая пропуск, чтобы их вновь не задержали патрули. В большинстве же случаев, как уже сказано, направлял в то или иное из арестных помещений, а анкеты передавал в судебно-следственную комиссию тов. Ярославскому и Ангарскому.

Судебно-следственная комиссия занималась более тщательным допросом, выясняла физиономию задержанных и освобождала очень большой процент их, избегая, однако, делать это в отношении офицеров в их же собственных интересах. Озлобление красногвардейцев и солдат против офицеров и юнкеров возрастало с каждым днем боев; на этой почве происходили нежелательные эксцессы [1]).

Кроме райкома и штаба Красной гвардии ревком поддерживал связь с некоторыми фабриками, ближе расположенными к казармам, например, с фабрикой «Каучук» и с Уваровским парком. Уваровский парк сделался в это время продовольственной базой для района, поскольку помещение районной думы на углу Смоленского рынка и Арбата в это время уже было в сфере ожесточенных боев и занято юнкерами.

Что касается связи с районами, то нами поддерживалась связь с соседними Пресненским и Замоскворецким районами; связь эта не была систематической.

Несколько слов о внешних условиях нашей жизни в казармах. Мне лично пришлось пробыть там безвыходно все время до заключения мира. Дни были так заполнены всякими делами, что спать приходилось 3—4 часа, не более. Спали на ящиках, в которых были упакованы винтовки, подкладывая вместо подушки патронные ящики. Конечно, никаких постельных принадлежностей не было. Спали, подложивши одну полу пальто под себя, и другою закрываясь. Однако, усталость была настолько сильна, что на таком неудобном ложе (на ящиках поперек были перекладины из узких досок), все же спали, как убитые, просыпаясь изредка от нечаянных выстрелов, производимых дневальными. Огромное сводчатое помещение казарм подхватывало выстрел и так усиливало их звук, что винтовочные выстрелы казались взрывами снарядов.

---

[1]) Мне припоминается один тяжелый случай. Дело было ночью; я еле сидел за столом от усталости, когда прибыла группа задержанных. Производя вышеуказанный краткий допрос одного из задержанных, молодого студента, спрашиваю его об обстоятельствах, при которых он был задержан, и слышу следующий ответ, произнесенный странным, каким-то деревянным голосом: «Задержан в Хамовническом переулке, шел вместе с отцом, отца убили». Это заявление, естественно, разогнало мой сон, и я стал выяснять подробности.

Оказывается, что студент этот шел вместе со своим отцом военным врачом. Солдаты в темноте, не разобравши погоны и видя красную генеральскую подкладку его шинели, действительно тут же на месте прикончили его.

Питались мы из общего котла с солдатами. У каждого была своя деревянная ложка. Стоило запоздать на обед или ужин на несколько минут, как в миске, предназначавшейся человек на 10, оставалась только жидкость, ибо «порции» (мясо) исчезали в первую очередь. После того, как мясо доедали, борщ терял уже интерес.

Само собою, все мы заросли бородами, загрязнились и производили, с воспаленными от бессонных ночей глазами, впечатление почти больных людей. Должен оговориться, что усталости в эти дни, благодаря обычному нервному под'ему, совсем не чувствовалось и можно было после короткого сна работать 20 часов в сутки.

Условия работы в здании совета были для оставшихся там очень тяжелы. Нужно представить себе картину крохотного дома, набитого людьми, через который, кроме того, двигаются все время толпы людей и записывающихся в Красную гвардию, и представители заводов, и пленные. Число работников ревкома было ограниченное. Спать приходилось урывками; те, кто жил за линией фронта, ходили ночевать к товарищам, живущим внутри района. Работа была самая разнообразная. Нужно было хранить и раздавать оружие и вести ему учет, формировать десятки, посылать их за вооружением в казармы; посылать разведчиков, выслушивать их донесения; сменять посты и патрули; заботиться о питании красногвардейцев и солдат, находившихся в доме совета и в институте (это была очень не легкая задача при отсутствии у нас каких-либо денежных средств; приходилось всячески изворачиваться) заботиться об автомобилях; писать бесчисленные ордера на обыски домов и т. д., и т. под. — и все это в кошмарной обстановке маленьких душных комнат.

Я уже указывал (стр. 30), что эту огромную работу выполняло десятка два товарищей.

По делам Красной гвардии ближайшее содействие Лысову оказывали Полис, Вятич, Юревич, Соловьев, Коризно, Касперович.

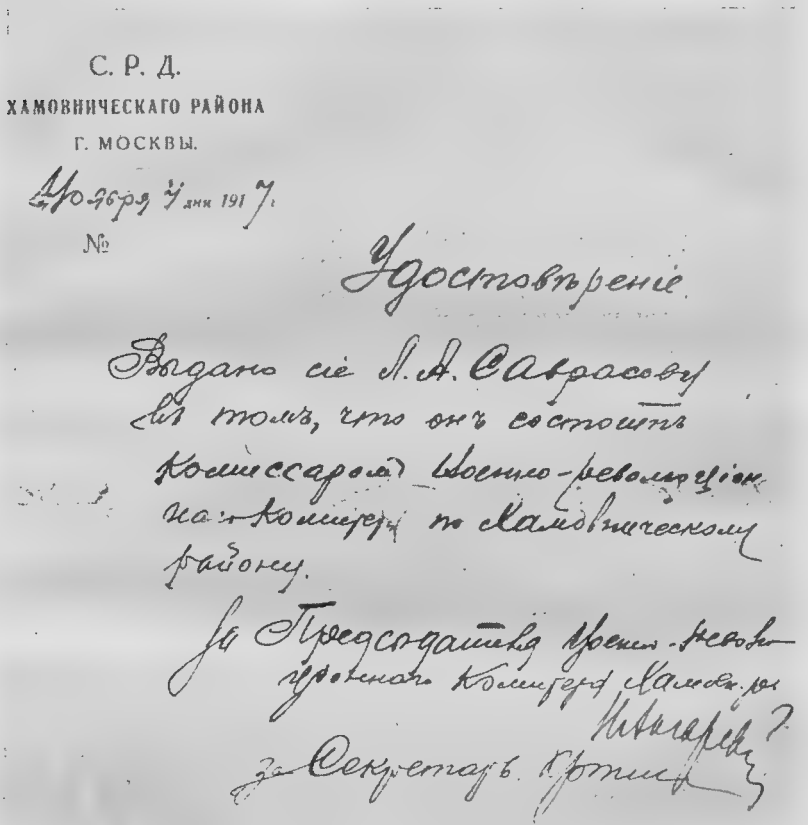
Самой ответственной и опасной работой была разведка внутри районов, занятых белыми. Ее выполняли, главным образом, женщины, которые вообще возбуждали менее подозрений со стороны белых.

Кстати сказать, тов. З. П. Соловьев, живший на Сивцевом Вражке, но проходивший, благодаря своему элегантному костюму свободно через пикеты белых, приносил в казармы очень ценные сведения о расположении сил противника.

По санитарному делу работали Боголепова, Князева, Розанова, Ахапкина...

Обысками и выпиской ордеров ведали Ярема, Миткевич, Попова, Ставрович, кроме разнообразной работы в штабе, обходила по несколько заводов в день с агитационными целями.

30 числа, ранним утром, явился в штаб тов. Лебедев со смотрителем интендантского склада, которому было заявлено, что он остается исполнять свои обязанности с тем, чтобы выдача имеющегося и получаемого с вокзала продовольствия производилась им по требованию воинских частей и по другим требованиям исключительно за моей подписью и печатью Хамовнического совета. Тов. Лебедев, назначенный комиссаром склада, этим же утром организовал отправку большого количества подвод порядчиков, работавших на районную управу и, таким образом, вывез с Павелецкого вокзала большое количество муки и других продуктов. Операция эта повторялась несколько раз в последующие дни



С. Р. Д.
ХАМОВНИЧЕСКАГО РАЙОНА
Г. МОСКВЫ.

7 дня 191 7 г.
№

Удостовѣреніе

Выдано сіе А. А. Сафронову
въ томъ, что онъ состоитъ
Комиссаромъ Военно-революціон-
наго Комитета по Хамовническому
району.

За Председателя Военно-Револю-
ціоннаго Комитета Хамовн. р-на
[illegible]
За Секретарь [illegible]

и, таким образом, Зубовский интендантский склад всегда имел значительные запасы провианта, которым ревком пользовался отчасти для снабжения населения, а отчасти для удовлетворения требований со стороны разных воинских частей.

Утром началось об'единенное заседание ревкома и ВРК 193 полка, затянувшееся с перерывами до вечера. Обсуждался ряд животрепещущих вопросов. Было постановлено: в этот же день направить отряд из состава двух рот (10-й и 13-й) под командой подпоручика Сулатского на Брянский вокзал установить планомерное обслуживание силами полка главных участков фронта: Остоженка, Пречистенка, Бородинский мост и подступы от моста к 5-й школе прапорщиков; командировать роту на Ходынку в помощь артиллерийским частям, расположенным на Ходынке.

Что касается постов и патрулей по улицам, то было решено заведывание теми из них, которые были установлены ранее, поручить штабу Красной гвардии, в распоряжении которого оставить солдат 193 полка, расположенных в Черняевском институте; посты же и патрули на прилегающих к казармам улицах обслуживать силами полка.

Далее, в виду дождливого и холодного времени, признано необходимым снабдить солдат, посылаемых на боевые участки, сапогами и гимнастерками и усилить их питание дополнением к рациону консервов.

Некоторыми из членов ВРК 193 полка выдвигалось более радикальное предложение—о распределении запасов цейхгауза между всеми солдатами, вне зависимости от того, остаются ли они в казармах или обслуживают боевые участки. С этим предложением пришлось усиленно бороться и в общем сошлись на вышеуказанном решении.

В отношении участия солдат в обысках домов было решено посылать отряды от 5 до 10 человек в сопровождении красногвардейцев, по указанию ревкома. Мера эта была вызвана тем обстоятельством, что, как имело место и в других районах Москвы, с легкой руки деклассированных элементов: солдат, дезертировавших с фронта, выздоравливающих из слабосильных команд и госпиталей обыски квартир в поисках оружия сопровождались нередко мародерством. Для оправдания в совет приносились какие-нибудь охотничьи ружья, или археологическое огнестрельное оружие, шашки, кинжалы и т. п., в глубоких карманах шинелей пряталась добыча.

В 193 полку, две роты (9-я и 11-я) настолько разложились, что нам пришлось под разными предлогами уклоняться от выдачи солдатам этих ордеров на производство обысков [1]).

---

[2]) Запомнился такой случай. Командир одной из этих рот обращается ко мне и настойчиво просит выдать ордер на быск одного дома, потому что ему доподлинно известно, что в этом доме живут весьма злостные контр-революционеры. Хотя я с самого начала отнесся к этому сообщению в высшей степени подозрительно, однако обстановка

Как уже упоминалось вначале, около Хамовнических казарм была расположена 55 ополченская дружина и казачья часть, с которыми мы были очень слабо связаны. После перехода ревкома в казармы, мы немедленно пригласили представителей этих частей и вели с ними переговоры, с целью выяснить их позицию. В результате длительных переговоров и убеждений, нам удалось добиться лишь того, что та и другая часть дали обещание сохранять нейтралитет. Обещание свое и ополченцы и казаки выполнили честно.

Согласно постановления ревкома, днем 30 октября, отряд солдат под командой подпоручика Сулатского направился на Брянский вокзал.

В виду обстрела Бородинского моста из 5-й школы прапорщиков, переход через мост пришлось отложить до наступления темноты и на вокзал отряд прибыл только вечером. Солдаты заняли все здания вокзала, установив всюду посты. Железнодорожный комитет служащих и рабочих при станциях Москва М.-Киево-Воронежской жел. дор. 31 октября созвал собрание представителей местного, районного и главного комитетов революционного железнодорожного бюро, которое протестовало против нарушения нейтралитета железных дорог и постановило: «Напомнить военно-революционному комитету о нейтралитете железных дорог, просить его не нарушать этого нейтралитета и вывести с территории станции роту 193 полка. «Это постановление было письменно сообщено тов. Сулатскому, который донес об этом ВРК 193 полка и, конечно, остался на своем посту.

В тот же день отправилась на Ходынку рота солдат, которая добралась до Ходынки через Дорогомилово и Пресню.

30 октября был днем перемирия. Хотя об'явленное Центральным революционным комитетом, по соглашению с Комитетом общественной безопасности, перемирие на сутки, с вечера 29 октября до полуночи 30 октября, было встречено в районе с недоумением, но все же ему подчинились, хотя и не вполне. В наступление не переходили, перестреливались слабо, не оставляя позиций. Линия фронта оставалась там же, что и накануне, но обыски подозрительных домов внутри нашего расположения и аресты подозрительных лиц производились усиленно, и в казарму одна за другой доставлялись партии задержанных.

в то время была такова (это было 31 октября или 1 ноября), что прямой отказ мог бы вызвать нежелательные волнения и в других ротах; пришлось дать ордер, взявши с командира слово, что он лично будет следить за недопущением каких-либо выходок со стороны солдат. Поздно ночью в штаб приходит этот командир; от него заметно пахло вином. Выложив передо мной целую кипу листочков, он заявил: «вот тов. Саврасов, что бы вы не сомневались в нас, прочтите эти документы». Записочки были составлены в таком приблизительно, роде: „Я, такой-то, удостоверяю, что т.т. солдаты 193 полка, производившие обыск в моей квартире по ордеру № такой-то, вели себя вполне корректно, что и подтверждаю своей подписью». Хотя картина происхождения этих «документов» была для меня вполне ясна, пришлось сделать вид, что я им поверил.

31 октября, еще не рассвело, мы были уже на ногах, ибо жизнь закипела. Прежде всего, явилось несколько солдат, прибывших с подводами из разных воинских частей, расположенных в различных районах Москвы, которые, воспользовавшись возможностью проезда через Крымский мост, явились с требованиями в интендантский склад. Смотритель, на основании данного ему приказа, направлял прибывших в казармы. Пришлось проделать большую работу по сокращению пред'явленных требований. Дело в том, что, естественно, каждая воинская часть стремилась выписать как можно больше различных продуктов, чтобы быть обеспеченной на более продолжительный срок. Нам же приходилось считаться с наличием продуктов на складе и необходимостью для склада обслуживать нужды района и поэтому приходилось быть экономными, усиленно сокращая эти требования, что, конечно, вызывало большие пререкания с представителями частей.

С утра попрежнему стали появляться представители с заводов, красногвардейцы с пленными, товарищи из совета и т. д.

В общем, когда вспоминаешь эти дни, то создается впечатление, что события продолжались не семь дней, а гораздо дольше, ибо каждый день был насыщен событиями и разнообразнейшей работой.

В штаб явился тов. Шкловский, именовавшийся тогда Бабушкиным, и просил дать ему работу. Так как, повторяю, одним из важных и вместе с тем отдаленных пунктов от нашего центра был Брянский вокзал, я направил его туда с надлежащим мандатом в качестве комиссара ревкома.

Когда Брянский вокзал был занят ротой 193 полка, то при помощи сочувствующих нам железнодорожников, продвижение ударников прекратилось. Все двигавшиеся по направлению к Москве солдаты с фронта, в том числе ударники, еще не доезжая Москвы, подвергались агитационной обработке, порою очень успешной. Некоторые из них уезжали обратно, а некоторые переходили на нашу сторону. Так, 31 октября или 1 ноября, тов. Московский (вагоновожатый Уваровского парка) привел в казармы 25—30 юных ударников, понявших, что их место не с белыми, а на стороне революции. Ударники эти были оборванные, полураздетые и голодные; когда их накормили, вымыли и дали новое обмундирование, они оказались очень полезными для нас, так как охотно шли в самые опасные пункты.

31 октября, в казармы явился отряд иваново-вознесенских рабочих; их вооружили и они принимали участие в боях; жили и довольствовались в казармах.

Утром 31 октября, под охраной солдат, из посланной накануне на Ходынку роты, прибыли два 3-дюймовых орудия с большим количеством снарядов и всей орудийной прислугой. Не обошлось без курьезного инцидента. Происходило совместное заседание нашего ревкома и ВРК 193 полка в комнате штаба. Вдруг открывается дверь, появляется взволнованный тов. Ангарский и заявляет: «Прекратите заседание,—казаки». Оказалось,

что, отправляясь на завод Второва и зайдя по дороге в казармы, тов. Ангарский был свидетелем такой сцены: в связи с донесением патрулей о приближении конного отряда, солдаты решили, что идут казаки в наступление на казармы и немедленно выбежали с винтовками на-изготовку из казарм на плац для оказания сопротивления. Тревога оказалась ложной, и волнение сменилось ликованием по случаю прибытия орудий.

Было решено поставить орудия у казарм, на плацу и начать обстрел наиболее важных пунктов, занятых белыми. Здесь столкнулись со следующим непредвиденным обстоятельством. При орудиях была вся прислуга, в том числе фейерверкеры и наводчики, но не было ни одного офицера, так что некому было распоряжаться стрельбой. Из офицеров 193 полка, работавших с нами, тоже не было ни одного артиллериста, так как полк был пехотный. Вышли мы из этого затруднения следующим образом.

Я в свое время интересовался теорией орудийной стрельбы и наблюдал работу артиллерии в бытность свою на фронте в 1915 г. С помощью карты мы совместно со старшим фейерверкером установили пункт отметки (одну из колоколен), затем угловое расстояние от нее Александровского военного училища, штаба военного округа и 5-й школы прапорщиков. За отсутствием чертежных приспособлений, пришлось проделать очень кропотливую работу всеми возможными методами. Затем вымерили по плану расстояние от места расположения орудий до указанных выше трех пунктов. Когда в результате этой работы я спросил фейерверка, достаточно ли ему такого распоряжения: отметиться по такому-то пункту, взять влево или вправо настолько-то градусов, на такую-то дистанцию, чтобы бить шрапнелью на удар и на разрыв, он сказал, что этого вполне достаточно.

Дальше нужно было корректировать стрельбу. Для этой цели мы использовали наших разведчиц-работниц и, главным образом, интеллигенток, которые по своему внешнему виду не возбуждали сомнения у юнкеров в их принадлежности к буржуазному лагерю, а поэтому сравнительно свободно пропускались через линию фронта. Для того, чтобы попадать обратно в сферу нашего расположения, разведчицы снабжались нашими пропусками и паролями.

Сначала начали пристреливаться к Александровскому военному училищу. Так как оно занимает почти целый квартал, то к нему пристрелялись сравнительно быстро. Как известно, юнкера принуждены были очистить помещение Александровского военного училища.

Хуже в смысле корректирования стрельбы дело обстояло со штабом военного округа, занимавшим сравнительно небольшой участок и, кроме того, загороженным большими домами. Пробраться к зданию штаба нельзя было ни со стороны Остоженки, ни со стороны Пречистенки, ибо на обеих этих улицах шла почти беспрерывная перестрелка. Впоследствии пришлось слышать, что какие-то шрапнельные снаряды разрывались в рай-

оне Зачатьевского монастыря. Были сбиты верхушки двух куполов церкви Воскресенья на Остоженке. Весьма вероятно, что это были снаряды, выпускавшиеся из наших орудий.

5-ю школу прапорщиков мы сначала не рисковали обстреливать, так как опасались бить по своим, занимавшим прилегающие улицы и переулки.

После того, как были установлены и проверены прицелы, в дальнейшем дело с орудийной стрельбой происходило следующим образом. Время от времени я давал распоряжение выпустить в том или ином направлении известное количество снарядов. Иногда, занятый разнообразными делами, забывал отдать следующий приказ. Тогда в помещение штаба приходил старший фейерверкер, огромного роста детина, фамилии которого не помню, и напоминал: «А что, тов. Саврасов, не пора ли пустить парочку снарядов?». Стрельба из орудий началась 31 октября с утра. В общем, количество выпущенных за три дня шрапнельных снарядов исчислялось свыше сотни.

31 октября, с раннего утра, согласно призыва Центрального военно-революционного комитета, бои возобновились со все возрастающей силой. На Дорогомиловском фланге наши и дорогомиловские красногвардейцы, поддержанные специальным отрядом 193 полка, двинулись по Плющихе и по Смоленской улице от моста на 5-ю школу. Наступление сначала было успешно. Нашим удалось занять церковь Смоленской божьей матери на стрелке, образуемой Плющихой и Смоленской улицей, и даже водрузить на колокольне пулемет. Но к вечеру под натиском превосходящих сил противника пришлось отступить на прежние позиции.

На правом фланге дело в этот день обстояло так:

У Коробейникова пер., был, так сказать, оборонительный окоп, откуда производился обстрел белых, когда они пытались продвинуться по Остоженке в нашу сторону.

31 октября, об'единившиеся хамовнические и замоскворецкие красногвардейцы, а также солдаты 193 и 56 полков, опираясь на окоп и баррикады у Коробейникова пер., стали переходить в наступление, захватывая дом за домом, передвигаясь через дворы и т. п. и, наконец, подошли почти вплотную к штабу, заняв колокольню церкви Воскресения на углу Остоженки и 1-го Зачатьевского пер. и вырыв с помощью сапер неглубокий окоп около церкви. Юнкера в свою очередь заняли дом на углу того же переулка, прямо против этой церкви; из верхнего этажа этого дома они били по нашим ружейным и пулеметным огнем.

Тогда наши, взяв в казармах бомбомет, водрузили его на колокольню церкви и стали бить бомбами по противоположному дому, одновременно действуя пулеметным и ружейным огнем. Бой был очень горячий, так как одновременно замоскворецкие товарищи вели обстрел со стороны Зачатьевского монастыря. Позиции юнкеров были крепче, чем наши; поэтому нашим пришлось отступить и бомбомет с колокольни снять и отнести в окопы.

Вечером ревком с офицерами разработал план широкого наступления первого ноября на 5-ю школу прапорщиков, с целью уничтожения этого наиболее опасного пункта, прикрывающего подступы к Брянскому вокзалу.

Линия фронта к этому моменту держалась с некоторыми колебаниями приблизительно так: Крымская площадь, Остоженка до Полуэктова пер., Полуэктов пер., Пречистенка, Левшинский пер., Смоленский бульвар до Сенной площади, Ружейный пер., Плющиха до Ростовских пер., Смоленская ул., Бородинский мост. Фронт занимали отряды красногвардейцев и солдат, сменявшихся через определенные промежутки времени. Главными пунктами, в которых все время происходила перестрелка, были с одного фланга Остоженка и Пречистенка; с другого — район 5-й школы прапорщиков.

Согласно выработанному плану, отряд солдат 193 полка с прапорщиком Померанцевым должен был пробраться переулками к Арбату, чтобы отрезать школу прапорщиков со стороны Александровского военного училища. Другой отряд солдат под командой офицера должен был через Плющиху, Ростовские переулки и набережную Москва-реки выйти к Бородинскому мосту и двигаться совместно с дорогомиловцами вверх по Смоленской улице к школе. И, наконец, все красногвардейские силы, за исключением постов и патрулей, должны были наступать по Плющихе к Смоленскому рынку.

Кроме того, было решено использовать, по предложению уваровцев, трамвайные вагоны для поддержки наступления. Ночью были вызваны представители уваровцев. План был таков: устроить в двух вагонах досчатые внутренние стенки и расстояние между досками и вагонными стенками заложить мешками с песком; таким образом, получились своего рода блиндированные вагоны, в которых можно было поставить пулеметы и хороших стрелков и пустить их к Смоленскому рынку. Уваровцы той же ночью энергично принялись за выполнение этого плана.

С раннего утра 1 ноября был произведен усиленный обстрел 5-й школы прапорщиков из наших орудий, продолжавшийся до назначенного накануне наступления, которое началось часов в 10 утра.

Продвижение левой группы по направлению к Бородинскому мосту прошло без инцидентов. Правая же группа с прапорщиком Померанцевым двигалась сравнительно медленно, ибо в гуще Арбатско-Пречистенских переулков необходимо было соблюдать максимальную осторожность—посылать разведку, закреплять пройденные места, чтобы обезопасить себя с тыла, со стороны военного округа. В одном месте эта группа попала под пулеметный обстрел. Поэтому, когда центральная группа красногвардейцев подошла к перекрестку Смоленской улицы и Смоленского рынка, то со стороны Бородинского моста у нее было подкрепление, в лице левой группы солдат 193 полка; справа же, со стороны Арбата, помощь еще не подоспела.

Изготовленные уваровцами блиндированные вагоны дошли только до середины Плющихи и там остановились, так как юнкера перерезали электрические провода.

Завязалась горячая перестрелка с юнкерами 5-й школы, оказавшейся в кольце. Очевидно, они дали знать в Александровское училище по телефону. И вот со стороны Арбата внезапно появился грузовик с двумя пулеметами, остановился как раз на перекрестке сходящихся улиц и проездов и открыл ожесточенный пулеметный огонь по всем направлениям. Произошла необыкновенная паника. Красногвардейцы и солдаты бросились врассыпную прятаться по дворам и домам. Конечно, ни о каком сопротивлении нельзя было и думать. Исход для нас был очень печальный, так как, помимо многих убитых и раненых, была взята в плен большая группа красногвардейцев и солдат, спрятавшихся на чердаке аптеки на Смоленском рынке.

Было дано знать тов. Померанцеву, чтобы он со своей частью вернулся обратно, в виду неудавшегося наступления. В результате этой неудачи нам пришлось оттянуть наши силы назад и значительно сократить фронт. Были сняты посты с Сенной площади и с части Смоленского бульвара и Плющихи; таким образом, линия фронта значительно отодвинулась назад, проходя теперь от Бородинского моста через Ростовские переулки, Плющиху до Неопалимовского пер., Неопалимовский пер., далее по внешней стороне Смоленского бульвара до Зубовской площади, переходя на Пречистенку до Мансуровского пер. и далее по Мансуровскому пер. до окопа на Остоженке.

Грузовик с пулеметами, рассеяв наших у Смоленского рынка, пытался продвинуться по Смоленскому бульвару до Зубова, с целью, очевидно, ворваться в самый центр нашего расположения, но не рискнул, видимо, на это, чтобы не оторваться от своих сил, тем более, что в это время у Зубовской площади появился возвращающийся отряд прапорщика Померанцева.

Необходимо было принять меры против возможного нового появление грузовика. Поэтому ревком срочно поручил каучуковцам перекопать Плющиху у Ростовского пер., Смоленский бульвар, Неопалимовский пер., Зубовскую улицу и Ростовские переулки, словом, все те пункты, по которым можно было ожидать повторения нашествия грузовика. Одновременно такое же распоряжение было отдано штабом Красной гвардии уваровцам.

Работа по рытью окопов была произведена очень быстро. Около окопов было установлено постоянное дежурство гранатчиков на случай появления грузовика или броневика.

Дому совета грозила опасность быть окруженным и разгромленным неприятелем. Поэтому было решено перевести штаб Красной гвардии и работников ревкома из совета в 1-й Хамовнический комиссариат, по соседству с казармами. В особняке на Зубове остались только резервы красногвардейцев.

Конец дня прошел тревожно: опасались наступления белых. Но они не развили своего успеха и ограничились лишь орудийной стрельбой по району; снаряды ложились около Уваровского парка и около совета.

2-е ноября.

На другой день 2/XI белые задумали широкое наступление на наш район. Целью их было, по всем данным, добраться до Брянского вокзала, для чего необходимо было обеспечить себя с флангов. В этот день белые имели основание поджидать обещанную из ставки верховного главнокомандующего присылку сильного подкрепления. Вместе с этим, вероятно, юнкера заботились и о том, чтобы обеспечить на случай поражения путь к отступлению. Как бы то ни было, ими были брошены очень крупные силы на Хамовнический и Пресненский районы (в пунктах, примыкающих к Хамовническому рынку). Еще ночью на 2/XI юнкера 5-й школы прапорщиков пытались очистить Бородинский мост от занимавших его дорогомиловцев и солдат 193 полка.

С утра они рассыпались цепью по Варгунихиной горе и открыли усиленный огонь по мосту. Одновременно шел обстрел со стороны Проточного пер. В обстреле участвовали пулеметы с грузовика, который, однако, в наше расположение не продвинулся. Наши, прячась за домами и за колоннами моста, не давали возможности юнкерам подойти к мосту.

Одновременно с этим белыми было предпринято наступление на правом нашем фланге.

Считая, очевидно, что линия фронта около здания Военного Округа достаточно обеспечена наличием окопов и баррикад (что и соответствовало действительности), они оставили там некоторый резерв для поддержания огня, а главными силами начали наступление, двигаясь с Арбата, по Денежному, Малому Левшинскому и Штатному переулкам, с одной стороны к Зубовской площади, в тыл Хамовнического совета, а с другой — в тыл нашим отрядам, расположенным на Пречистенке и Остоженке.

Эта диверсия белых была во-время обнаружена красногвардейцами и солдатами, находившимися на Пречистенке, около Мансуровского пер. Часть их быстро перебралась в один из угловых домов, обращенный лицом к Малому Левшинскому пер., и открыла стрельбу по наступавшим из окон. Часть красногвардейцев забралась на крышу дома, производя учащенный обстрел и бросая гранаты. Юнкера принуждены были отступить. Другая группа юнкеров поставила пулемет на колокольне Троицкой церкви и под его прикрытием двинулась на Зубовскую площадь.

Когда из штаба Красной гвардии сообщение об этом наступлении было получено в ревкоме, то немедленно была послана полурота под командой прапорщика Померанцева оттеснить во что бы то ни стало юнкеров, зашедших так близко в тыл нашего

штаба Красной гвардии. С прибытием этого отряда юнкера, в результате ожесточенной перестрелки, отступали снова на Арбат. В этом сражении прапорщик Померанцев был ранен и вышел из строя.

В результате боев этого дня наш фронт вновь выдвинулся на ту линию, на которой находился до неудачного наступления I/XI.

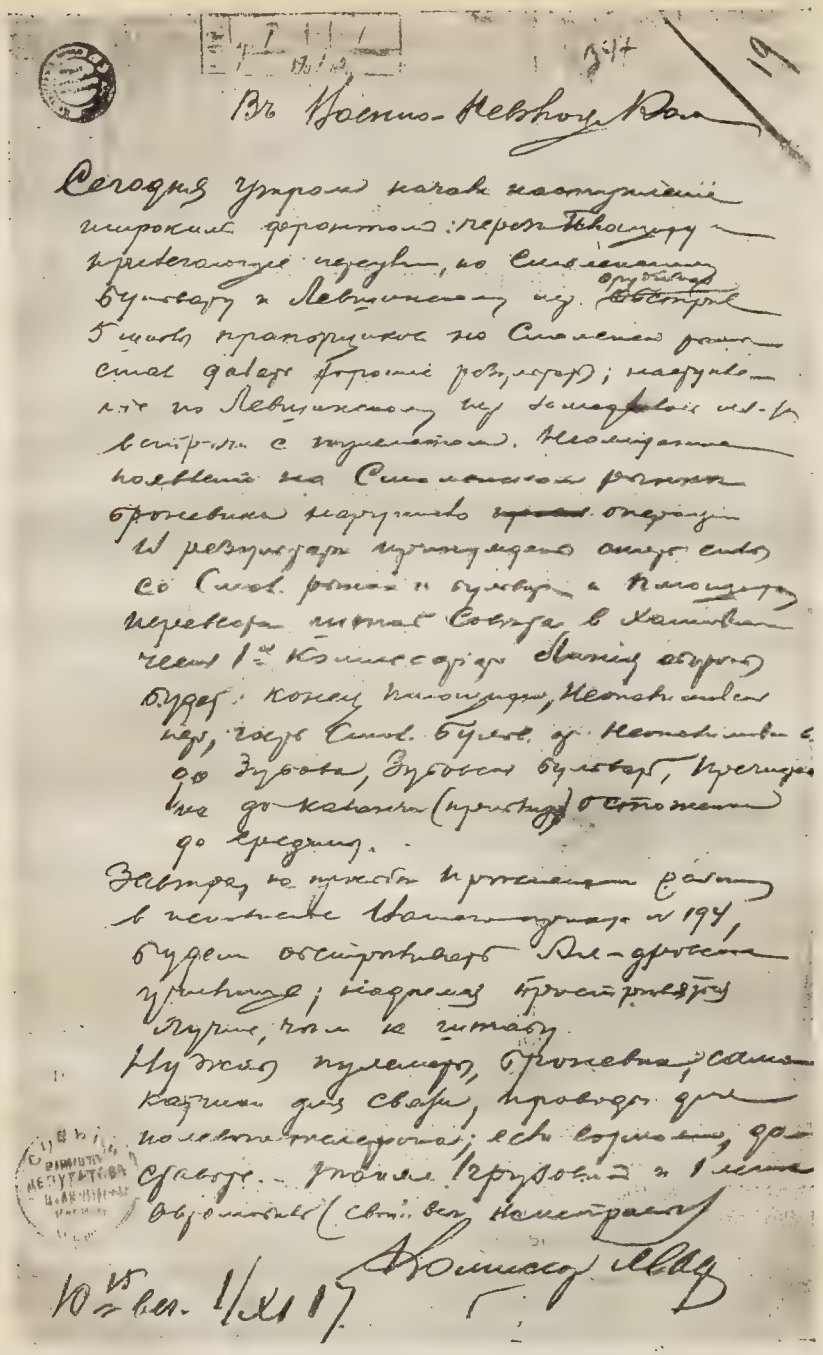
Описанные бои 2/XI были самые ожесточенные за все время боевых действий.

На внутренних улицах стрельба также приняла усиленные размеры.

Нужно сказать, что, кроме линии фронта, посты и патрули концентрировались более густо на улицах, прилегающих к участкам фронта, а на более отдаленных — реже. Казалось бы, что на внутренних улицах не должно было бы быть стрельбы, а между тем, там происходили беспрерывные выстрелы, иногда пачками, в особенности с наступлением темноты. Об'ясняется это следующими особенностями военных действий в обстановке гражданской войны. Все знали, что враги состоят не только из организованных частей, находящихся на боевой линии, но что в каждом доме, населенном буржуазными жильцами, есть сочувствующие и помогающие белым. Первые дни эта помощь выражалась даже в обстреле красных из окон и чердаков. С развитием боевых действий эти случаи если не совсем прекратились, то во всяком случае представляли уже исключение. Но нервы наших патрулей и постов были, конечно, напряжены и им везде чудилась опасность, в особенности в дни наступления белых. Всем, конечно, памятна широко распространенная версия о том, что белые из своих домов сигнализировали электрическими лампочками, сообщая кому нужно о расположении наших сил. Я лично глубоко убежден, что эта версия неправильна, никаких сигнализаций не было, а происходило вот что. Темная осенняя ночь, никакого освещения на улицах; окна домов, выходящих на улицы и переулки, не освещены; проходит патруль и при прохождении его около того или иного дома в нескольких окнах зажигается огонь. Об'яснение этому самое простое: кто-то из задних комнат вышел в комнаты, расположенные по фасаду, и повернул выключатель... Но подозрительно и нервно настроенным красногвардейцам появление света в окнах, как раз в момент их прохождения, кажется подозрительным, и они открывают пальбу по окнам.

Иногда стрельба происходила вдоль улиц, где мерещились прячущиеся за углами, выступами домов и в воротах крадущиеся тени предполагаемых врагов. На самом деле часто это были просто обыватели, принужденные пробираться по улицам. Вообще нужно констатировать, что за все время боев наступлений со стороны юнкеров в ночное время не было.

Но нельзя недооценивать при об'яснении нашей победы морального влияния непрерывной ружейной стрельбы, происходив-



Донесение Хамовнического ревкома в Центр о боевых действиях 1/XI.

шей непрерывно и днем и ночью во всем районе и почти на всех улицах и переулках, а особенно орудийной стрельбы. Хотя и ружейные выстрелы и шрапнель едва ли причиняли много вреда, ибо большинство обывателей сидели в домах и прятались в подвалах, но, конечно, и трескотня выстрелов и разрыв снарядов действовали на них угнетающим образом, а от них настроение передавалось и активным бойцам белых, что и вызвало психологическое следствие — упадок настроения, пессимизм и потерю надежды на победу.

Характер уличных боев.

В самый разгар боевых действий, т.-е. с 31 октября, число вооруженных красногвардейцев в районе не превышало 300—350 человек. Если даже считать, что каждый красногвардеец дежурил в общем не менее 12 часов в сутки, то общее число занятых в каждый данный момент красногвардейцев надо считать 150—175 человек, считая в том числе, кроме рабочих, и солдат из лазаретов и слабосильных команд. Число участвовавших в боевых действиях солдат 193 полка, не считая двух рот, находившихся в центре и одной роты на Брянском вокзале, не превышало в каждый данный момент 150 человек (как указано выше, солдаты несли службу по сменам). Если из этого числа исключить посты, установленные для связи ревкома, штаба Красной гвардии и Брянского вокзала, равно патрули и пикеты, обслуживавшие внутренние улицы района, то на долю двух наиболее серьезных районов боев (Пречистенка и Остоженка, с одной стороны, и Бородинский мост — Смоленский рынок, с другой) приходилось не более 150 человек.

Казалось бы, что при таких слабых силах немыслимо было и думать о том, чтобы удержать наступление превосходящего силой неприятеля. Между тем, это было так. Об'яснение этому непонятному на первый взгляд явлению заключается в обстановке уличных боев.

Само-собой разумеется, никаких массовых передвижений производиться не могло, ибо каждый более или менее значительный отряд, двигающийся по улице, мог быть моментально уничтожен пулеметным и ружейным огнем противника. Продвижение производилось даже не группами, а в одиночку. Начальники отрядов и начальники десятков могли давать красногвардейцам лишь общие указания. Остальное было делом самих сражавшихся. Эта характерная обстановка требовала от бойцов качеств, прямо противоположных качествам солдат в полевой войне; требовала индивидуальной находчивости и уменья ориентироваться во всякой обстановке. Каждый боец должен был пробраться возможно ближе к неприятелю, заняв тот или иной удобный пункт (ворота или выступ дома, окна, чердак, крышу и т. п.). Вполне понятно, что наличие, в определенном участке, нескольких десятков красногвардейцев, спрятанных в недоступных для обстрела местах, не

давало возможности более крупным силам белых продвинуться в желательном для них направлении. При усиленной ружейной стрельбе, поддержанной стрельбой из пулеметов, у белых создавалось впечатление, что у нас силы гораздо больше, чем это было на самом деле.

Необходимо еще отметить, что перестрелка обычно велась непрерывно целыми сутками, и даже в ночное время неприятель не мог рискнуть произвести то или иное передвижение своих сил.

Вообще, следует констатировать, что мы на практике весьма успешно усвоили тактику уличных боев.

Такая же картина, как в Хамовническом районе, наблюдалась, судя по описаниям, и в других районах.

Заключение мира.

Со второй половины дня 2 ноября боевые действия белых как-то сразу стали тише. Мы в районе не знали, что ведутся переговоры между «Комитетом общественной безопасности» и Военно-революционным комитетом о заключении мира. Изнервничавшиеся и измученные, все думали, что это только затишье перед новым боем. В частности мы усиленно посылали в этот день снаряды из наших орудий на Хамовническом плацу по разным направлениям.

Вечером к казармам под'ехал автомобиль, который был обстрелян часовыми, так как не остановился сразу по окрику. На нем приехали представитель Военно-революционного комитета и т. Волгин — представитель об'единенцев, выступавших посредниками между Военно-революционным комитетом и «Комитетом общественной безопасности».

Когда приехавшие сообщили нам о заключении мира и вручили приказ Военно-революционного комитета прекратить боевые действия, мы, признаться, отнеслись к этому скептически, ожидая подвоха со стороны белых.

Однако, получив категорическое распоряжение центра, приходилось привести его в исполнение, и поэтому я, взявши с собой 6 ударников, отправился из казармы снимать посты и отряды. Сначала мы пошли по направлению к Девичьему Полю и по Плющихе, чтобы через Ростовские переулки и Бородинский мост пройти к Брянскому вокзалу. Стрельба на улицах, беспорядочная и как-будто ничем не вызываемая, продолжалась усиленно, и чем ближе мы подходили к Ростовским пер., тем стрельба была сильнее. Очень часто приходилось прятаться за выступами домов, чтобы не попасть под шальную пулю.

К нашему удивлению, мы не встретили постов ни на Девичьем поле, ни на Плющихе, в тех пунктах, где они должны были быть. Еще несколько удивило то обстоятельство, что на углу 6-го и 3-го Ростовских переулков, где должен был находиться целый отряд — резерв для защиты Бородинского моста — также никого не было. Это обстоятельство требовало выяснения. Поэтому вместо того,

чтобы двинуться на Брянский вокзал, я с ударниками вернулся на Девичье Поле в здание совета, где выяснил, что там стало уже известно о заключении мира, почему отряды и были сняты. Ночью остались в некоторых местах лишь небольшие пикеты для задержания и обысков подозрительных лиц [1]).

3 ноября с утра происходил захват и разоружение 5-й школы прапорщиков. В помещении школы оказались большие запасы

Быв. архив минист. юстиции, где помещался ревком и совет после прекращения боевых действий.

продовольствия и обмундирования, которые толпа пыталась растащить, но красногвардейцы, в сознании своей ответственности, не допустили этого.

На другой день, 4 ноября, ревком перешел в новое помещение—архив министерства юстиции на Девичьем Поле, так как помещение совета за время боев было приведено в ужасающее состояние.

---

1) Когда поздней ночью, после семидневного отсутствия, я возвращался к себе домой на Арбат, я был задержан на углу Смоленского рынка одним из этих пикетов, при чем произошел следующий курьез. В имевшемся у меня пропуске было указано: «Пред'явителя сего пропускать всюду беспрепятственно", но кого именно, указано не было. Когда я назвал свою фамилию, один из пикетчиков заявил: «Знаю—это меньшевик». Считаю не лишним отметить эту деталь, как показатель того, что в борьбу были втянуты очень широкие массы, ибо, конечно, более активные рабочие знали меня, так как я работал в районе с марта месяца.

Сколько погибло наших бойцов за эти дни, нам так и не удалось установить. Дело в том, что некоторых хоронили родные частным образом, и общими торжественными похоронами, имевшими место через неделю, хоронили только тех, чьи тела лежали в анатомическом театре клиник, куда свозились убитые. В этих общих похоронах из нашего района хоронили человек 50.

Был яркий морозный день. Тела убитых, замороженные в анатомическом театре, лежали в красных гробах, одетые в легкие рубашки, сквозь которые просвечивали восковые тела. Было много драматических сцен, когда родственники опознавали своих близких. Похороны у Кремлевской стены на Красной площади явились яркой, многоговорящей демонстрацией, и только этим была отмечена память бойцов Октября, ибо взятая нами власть требовала немедленной огромнейшей и напряженнейшей работы, на которую были брошены все оставшиеся в живых силы.

СТАВРОВИЧ.

√

Работа Хамовнического районного комитета с марта по ноябрь 1917 г.

В марте 1917 года Хамовнический райком ютился на Девичьем Поле, в студенческой столовой. Все рабочие организации помещались первое время в одной — двух комнатах, только за разными столами: эсеры, меньшевики, большевики, об'единенцы, анархисты, бундовцы и т. д. У каждого стола толпится народ и днем, и вечером.

Секретарем райкома был Иванов В., ответственным организатором — т. Ангарский.

Положение дел в райкоме было таково:

Несколько крупных заводов и фабрик: Второва, Гюбнер, Гивартовского, Жиро, Земпалатка, Уваровский парк, Шенкова и т. д. имели очень маленькие большевистские группки, и только на заводе «Каучук» было много большевиков.

В районе имелось много мелких фабрик и заводов, лазаретов и госпиталей с выздоравливающими солдатами. Вся масса рабочего населения района нуждалась в агитаторах, пропагандистах, организаторах, литературе, листовках, лозунгах и т. д., а работников в райкоме было мало.

Меня послал МК в Хамовники, как подкрепление. Сейчас же райком направил меня на митинг к Жиро, где работали на 90% женщины (из 800—600 чел.). Фабрика Жиро намечена была к продолжительному перерыву в работе перед пасхальными праздниками. Все работницы уезжали в деревню, и большевикам необходимо было напутствовать уезжающих, рассказать и об'яснить совершающиеся события и наши планы на будущее. Снабдить своей литературой.

На первом же собрании у Жиро я застала большое количество представителей всех оборонческих партий, а от большевиков была одна. Надо отметить, что Хамовнический район являлся гнездом всех оборонческих партий, и, как правило, на всех собраниях в районе представителей оборонцев являлось видимо-невидимо. Оно и понятно — интеллигентский район: вся профессура, адвокатура, студенчество жило и работало здесь.

В последующие месяцы тяжелой борьбы много хлопот и работы задавали эти оборонческие партии Хамовническому райкому и его активу.

Первоначально актив райкома был очень малочисленен: 1—2 рабочих с каждого завода и несколько человек интеллигентов. А Хамовнический райком должен был обслуживать своими силами и Дорогомиловский подрайон, с его заводами и фабриками.

Рабочая масса фабрик и заводов Хамовнического района в большинстве своем была полукрестьянская, не порвавшая с деревней, пассивная и малосознательная (на Второвском заводе укрывалось немало и купеческих сынков от призыва в армию).

Эту малосознательную массу и должен был очень осторожно будить и поднимать актив Хамовнического райкома.

Группа участников октябрьского восстания в Хамовниках.

Приняв во внимание большое территориальное пространство Хамовник и Дорогомилова, полукрестьянскую массу фабрик, разбросанность этих фабрик и заводов по району и несметное количество представителей оборонческих партий, — станет понятным, сколько труда и усилий вложил хамовнический актив, чтобы к октябрю сделать район большевистским.

Обучение стрельбе началось с весны. Вел это обучение за городом первоначально тов. Иванов, быв. секретарь райкома. Оружие райкома (несколько винтовок) хранил он же, первоначально; собирались для обучения все боевики одновременно и в одном месте. С мая месяца все военные упражнения и хранение оружия перешли к Вятичу (казначей райкома по сентябрь месяц).

Представителем от Хамовнического райкома в организации Красной гвардии при МК был т. Лепицкий (рабочий Земпалатки),

с июля у него помощником был т. Вятич. Собирались для обучения утром и вечером на окраине района. Обучение велось главным образом с большевиками-мужчинами. Рабочие свое оружие хранили у себя. Некоторые рабочие знали хорошо стрельбу и не обучались, как участники русско-японской и мировой войны.

За весну в районе было несколько демонстраций: 18/IV — апрельская — против ноты Милюкова, протест против казни Адлера, первомайская. В демонстрациях обычно участвовал актив фабрик и заводов, возглавляемый членами райкома, бывали и красногвардейцы. Обычно демонстрации направлялись в центр, и только одна была в районе, и закончилась митингом у Хамовнических казарм. Июльская демонстрация была организована к Московскому совету, а закончилась у МК партии.

Связь с Хамовническими казармами, где находился 193 полк, хотя и слабая, все же была налажена, так как там был прапорщик Малиновский, отец которого, тов. Малиновский, работал в райкоме. Порвалась эта связь с 193 полком летом, с от'ездом в лагеря, но осенью снова была восстановлена.

Позже, летом 1917 года, партийная организация большевиков так разрослась и расширилась, что заняла все комнаты студенческой столовой и открыла здесь свой клуб.

Всюду: на каждом заводе, на улицах, на площадях, — в этот особенный год происходили митинги и собрания и всюду можно было слышать ораторов-большевиков по всем боевым вопросам.

Тяжело было работникам райкома, когда митинги по очередным кампаниям нашими противниками назначались в один вечер на нескольких фабриках. Так прошли кампании по перевыборам в городскую районную думу и, наконец, выборы в учредительное собрание. У противника сил было много и их всюду хватало. Нас же было мало. Надо не забывать, что весной и летом 1917 года рабочие большевики неохотно выступали на собственных фабриках. Считалось, что своим слишком много приходится говорить у себя на заводе по ряду практических вопросов, и потому их менее охотно слушат рабочая масса. Но все же на всех предприятиях были свои ораторы.

Летом, завладев студенческой столовой и открыв свой клуб, большевистская организация настойчиво и упорно проникала в каждую фабрику, а укрепившись, расширялась, борясь за свое влияние и за искоренение врагов. Временами бывали настоящие бои. Сначала мы терпели некоторое поражение, но своим неустанным упорством добились, в конце-концов, победы. Помнят, конечно, работники Хамовнического района выступления злой памяти Майхстраха (эсер). Явился он очень победоносно и обошел многие крупные фабрики и заводы. Первое его выступление было в Уваровском парке. Там был крепкий большевистский актив сильных товарищей. Обычно они справлялись одни, помощь от райкома просили редко. А тут потребовали, чтобы мы все явились. Так и было сделано. В одно из выступлений Майхстраха там по-

явились следующие товарищи: Саврасов, Савельев, Ставрович и ряд других. Выступали и сами уваровцы.

Майхстрах все критиковал: большевики, начиная с Ленина — немецкие шпионы, запломбированный вагон, проезд через Германию, апрельские тезисы Ленина, война — войне, и тысячу других грехов.

Митинг затянулся далеко за полночь. Поклонников Майхстраха в первый же вечер мы не переубедили. Его с триумфом отвезли в отдельном вагоне. Но наши рабочие были довольны, и долго потом вспоминали и обсуждали отдельных агитаторов или удачные выражения их.

Следующее бурное выступление Майхстраха было на заводе Второва. Эсеров, меньшевиков всех оттенков там было очень много, а наших 7—10 человек и все новички. Там на бой с Майхстрахом были выставлены те же товарищи, плюс обстреленные уже уваровцы. Сражение продолжалось долго. Победа и на этот раз осталась не за нами. Но осенью, в корниловские дни, Майхстрах был выгнан из районного собрания фабзавкомом официально и больше не появлялся.

Июльские дни в Москве и в Хамовническом районе.

Июльское выступление (5 июля), как выражение солидарности Питеру, МК большевиков организовал, вопреки воле Моссовета. Это выступление в Москве было немногочисленным. В Хамовническом районе ряд товарищей в это время были в отпуску. Известия о событиях в Питере получились днем из газет. Рабочие на фабриках и заводах начали волноваться, одни звонили, другие даже приходили в райком за расспросами. Постановления МК партии не было. К концу дня (5 ч. вечера) МК дал директиву о выступлении после работы к Моссовету.

В райкоме только 2 постоянных работника; секретарь райкома т. Ставрович (как правило, на очередных собраниях по заводам и фабрикам) и казначей т. Вятич, сидящий в райкоме весь день. Все же удалось кое-что сделать. Заводы и фабрики разделили на 2 категории: одни сами выйдут на демонстрацию, других надо итти агитировать. От «Каучук» пришли самостоятельно, а у Гивартовского удалось устроить летучий митинг, сейчас же после работы, во дворе. Много там причинили нам зла и тормозили работу местные меньшевики, особенно Косов. То же было и на этот раз, все же часть рабочих удалось вывести.

Тов. Вятич все время звонил ячейкам отдельных заводов, оповещая о постановлении МК.

На демонстрацию в районе собрались от «Каучука», от Гивартовского, группа уваровцев, от Земпалатки. Из итнеллигентов, кроме секретаря и казначея, была только тов. Розанова.

Выступили из райкома после летучего митинга на дворе студенческой столовой. Всего собралось 40—50 чел. Ждать осталь-

ных было некогда. Решили, вследствие своей малочисленности и невооруженности, выйти со свернутыми знаменами. Знамя развернули только около Смоленского рынка, но почти сейчас же, на середине Арбата, заметили идущую встречную демонстрацию. Встречные ударники не только не причинили нам никаких неприятностей, но даже приветствовали нас — большевистскую, противоправительственную и ненавистную им демонстрацию, очевидно не разобрав из-за вагонов надпись на наших флагах.

На Никитском бульваре к нам привязались 2—3 военных с требованием свернуть наше знамя. Волноваться пришлось много и тут: а вдруг сорвут группу рабочих, так наспех собранную и потому малочисленную и невооруженную. Ведь мы так торопились притти на площадь во-время, не опоздать, а тут столько задержек. А вдруг еще кого ранят? Ведь это московский актив, такой нужный в боевой момент. Но удалось благополучно отделаться и здесь.

Когда пришли на Скобелевскую (ныне Советскую) площадь, там была организация только одного района. Разместив свой район, я отправилась в здание Моссовета к т. Марии, технич. секретарь МК, чтобы узнать, как нам быть и что делать.

Моссовет зловеще молчал. В нем были люди и много людей, но они были против нас, против нашей демонстрации, против наших лозунгов, которые отчетливо кричали: «Вся власть советам». Но Моссовет, выбранный еще весной, был соглашательский и всей власти ни за что не хотел. Массы рабочих фабрик и заводов его переросли, но перевыборы и даже довыборы отдельных представителей всячески тормозились его верхушкой.

Моссовет был против нашей демонстрации. Об этом говорили все его газеты с утра. Он был против нас и сейчас. А потому и молчал. Все его окна и двери балкона были наглухо закрыты от нас. Ни слова наших ораторов, ни наши лозунги, ни пение, не достигали ушей Моссовета.

Стояло хорошее знойное лето. Это был чудесный солнечный день и очень теплый вечер. Моссовет задыхался, но оставался с закрытыми окнами и дверьми. Проходя, я видела, что его комнаты кишели представителями всех партий, но к нам никто не выходил. Тов. Мария сообщила, что мы должны подождать другие районы и дальнейших распоряжений. У нее были телефонные сведения, что все районы вышли.

Внизу районные организации постепенно подходили. Подходили и представители нашего района — одиночки. Но площадь, благодаря упорному молчанию и игнорированию Моссовета, становилась зловещей. Пришла рота солдат с винтовками и дружески окружила демонстрацию на площади. Настроение заметно улучшилось. Большевистские ораторы выступали беспрерывно. Поджидали прихода отдельных районов.

Приходил и обыватель посмотреть на «предателей большевиков, на немецких агентов». При чем подходил агрессивный обыва-

тель, шипящий, брызжущий слюной, размахивающий руками и грозящий кулаками. Поведение Моссовета окрыляло этого обывателя, поднимало его агрессивность. Остановиться на этом обывателе необходимо. Подавляющее большинство мужчин были в котелках, женщины, с драгоценностями в ушах, на шее. Возможно, что сказывался Тверской район. Видно было, что выступал класс против класса.

Стоялось нам на площади беспокойно. Хотелось во-время, до наступления темноты, увести лучших представителей фабрик и заводов района в целости.

Жуткость настроения на площади понималась и остальными. До начала темноты мы получили распоряжение от МК организованно уйти всем районом в Леонтьевский пер., к Московскому комитету (Капцовское училище) сплоченной массой, окруженными той же вооруженной ротой.

Вот этот короткий путь от Моссовета до Леонтьевского пер., наверное помнят все московские участники июльских событий и не забудут до конца своей жизни.

Шли мы сплоченной массой один район за другим, очень медленно, так как были буквально оцеплены буржуазией.

Надо было видеть и слышать как держалась эта буржуазия. Они шипели,... свистели... Это форменно был вой и свист диких...

Характерно, что они были уверены в нашей вооруженности и все-таки рвались в бой, провоцировали нас всячески.

Нужно было призвать на помощь всю дисциплинированность рабочих, чтобы не завязалась свалка, чтобы не пойти на неравный, провокационный бой. Даже слабые руки женщин так и хотели вцепиться в свистящие, шипящие и воющие физии котелков. А как было удержаться сильной, мозолистой руке рабочего? Руки каждого из нас были сжаты в кулак, к сожалению, невооруженный. Это нас заставляло сильней сжимать кулаки, стискивать зубы и сдержанно шагать, молча, взглядом, удерживая друг друга.

Только повернувши в Леонтьевский пер., к МК, мы вздохнули свободно, нас перестало преследовать дикое улюлюканье буржуазной толпы. Около МК, перед демонстрацией выступил тов. Волин, советуя хорошенько запомнить только-что слышанную и виденную ненависть буржуазии к рабочему классу и представить себе во что она может вылиться. Всем участникам июльских событий стало до осязательности понятным, как могла буржуазия в Париже, в перчатках, зонтиками и тросточками выкалывать глаза связанным коммунарам. После речи тов. Волина, рабочие кучками, со свернутыми знаменами разошлись в разные стороны.

Через два дня мы узнали об июльском разгроме рабочего выступления большевистских организаций в Питере, поведении социал-предателей там, об аресте части товарищей, о расправе над продавцом «Правды», об уходе в подполье тт. Ленина, Зиновьева и др., и о многом другом.

Как отразилось июльское поражение на рабочих массах района.

Первый момент — как бы тесней сплотились большевики, точно от неожиданного удара. Встречаться и разговаривать хотелось только со своими. Все чувствовали необходимость вооружения. Райком, как организация, интенсивно жил, разрешая тысячу вопросов. Строили планы будущей борьбы, вели текущую работу: митинги, собрания, выступления в районных думах и т. д. Лжи и клеветы лилось на голову партии и ее отдельных представителей без конца. Сплетня ползла и стелилась по району. Райком же работал без перебоев, а через неделю уже начали сказываться результаты — беспартийные рабочие прибывали к нам, искали раз'яснений, хотели услышать освещение большевиками питерских событий. Устали от клеветы. Рабочие от эсеров и меньшевиков также стали переходить чаще к большевикам и чем дальше, тем больше. Вопрос о необходимости вооружения поднимался в райкоме рабочими все чаще. Усиленно начали обучаться стрельбе.

Время от времени бывали и бурные публичные выпады наших политических противников. Например, случай в Хамовнической районной думе 1-го созыва. Нападал ярый эсер, правого уклона, Капуста. В этой районной думе соотношение сил было таково: первыми шли эсеры, потом меньшевики всех оттенков, либералы, анархисты, беспартийные, а нас было всего 5—6 человек. От райкомна были: я и т. Резчиков (фабрика Гюбнера). Председательствовал на этот раз наш, т. Савельев З. П. Как правило, на каждом собрании было очередное околпачивание рабочих масс. Часто нужно было разоблачать предательскую сущность правительства Керенского присутствующим рабочим, партийным и беспартийным. Выступать приходилось, обычно, мне.

Не любили противники наших разоблачений. Взбесились и на этот раз. Каких только бранных слов не прокричал Капуста по нашему адресу. Он, видите ли, был поражен, что после июльских событий, когда обнаружилось, что все наши вожди с Лениным во главе предатели и немецкие шпионы, мы еще существуем, выступаем и по-старому разоблачаем их. Конечно, Капусте была должная отповедь дана, а Хамовническая районная дума к осени стала в подавляющем большинстве — большевистской.

При всей своей малочисленности и при всем наличии крупных вражьих сил Хамовнический райком большевиков развил бешеный темп работы. В силу необходимости, чтобы не оставлять рабочих слушать только предателей революции, нам приходилось обслуживать и Дорогомиловский район и ряд мелких заводов. Отовсюду приходили с требованием или просьбой дать большевистского оратора: «одолевают меньшевики, эсеры, пугают, что большевистские лозунги: «война — войне», «земля трудящимся», «вся власть советам», погубят дело революции. Ну и приходилось секретарю райкома проводить в день по 3—4 митинга.

Поступали такие же просьбы и от лазаретов, а их в нашем районе тоже было много: при Травматологическом институте; при клиниках — это очень крупные, а сколько мелких! Обычно прибегал какой-нибудь товарищ, заявляя, что у них собрались на митинг представители всех партий, нет только от большевиков, и не уходил, поджидая.

Особенно бешено была развита кампания по выборам в учредительное собрание. Район был разбит более чем на 20 пунктов. Противнику легко, у них интеллигентов-ораторов сколько угодно, а у нас большая нехватка. Между тем надо было работников не только для того, чтобы обслужить собрания, надо было послать большевиков присутствовать в избирательных комиссиях, при избирательных урнах, с литературой у столиков и на летучие митинги. Сколько тут боев происходило и самых жарких. Не знали мы тогда, что придется и удастся разогнать их учредилку, а потому дрались за каждый голос.

А после кампании присутствовали в комиссиях по подсчету голосов.

Словом, жаркое было дело. Помню осенью такой случай. Ждали в Москву министра труда Скобелева. Правительственные партии готовились устроить ему встречу с большой помпой. Все подготовлялись и в Хамовническом районе так, чтобы никто и ничто не испортил настроения министру жалобой на труд, или на плохую оплату труда, или условия труда и т. д. А наша задача, как злостных врагов, была испортить эту обедню.

К серьезным и важным разговорам с министром мы не готовились, даже своего представителя МК нам не дал. Тов. Ангарский отсутствовал, и пришлось мне, как секретарю райкома, взять эту обязанность на себя.

Митинг начался в 6 часов вечера. Не очень я торопилась на него, зная, наперед, что долго они на этом митинге будут сами себя хвалить. Так оно и вышло.

Митинг состоялся очень большой на Девичьем Поле, под открытым небом. 2—3 товарища наши дежурили с самого начала, я же сумела провести митинг в Травматологическом институте пока оборонцы и министр расшаркивались друг перед другом, и я явилась с опозданием на 1½—2 часа, а слово получила 18 по очереди. К моему приходу народу собралось много, вечер был хороший. Слушающие уже выражали желание послушать большевиков и при смене оратора, каждый раз кричали: «а где же большевики?» «Почему их нет?» «Почему им слова не дают?» Хотя от меньшевиков, эсеров, об'единенцев, плехановцев и остальных тут был самый цвет. Роль моя была нелегкая, разоблачить тузов правительственных партий, но трудностью мы вообще не страдали. Это было как раз после июльского наступления и поражения на фронте.

К моменту моего выступления рабоче-солдатская масса митинга уже настойчиво требовала большевика. Получивши, нако-

нец, слово 18 или 20 я, конечно, заявила первым делом: «наконец-то вы услышите большевичку».

Раздался гром аплодисментов, так соскучилась от самовосхвалений слушающая масса.

Словом, когда меня потом спрашивали в райкоме, в МК и дома — удачно ли было выступление, я всем отвечала, что судить не могу, но встретила аплодисментами огромная масса Девички только министра и меня...

Министры—«социалисты» за 7—8 месяцев своего правления так мало сделали для рабочих и революции, что мне, рядовому члену партии большевиков, даже не потребовалось никакой подготовки, чтобы выступить с успехом против лучших представителей адвокатуры и профессуры.

Осенью 1917 года.

К осени картина настроения в районе рабочих масс резко меняется: ни у Второва, ни в Уваровском парке уже не слушают представителей правительственных партий. На каждой фабрике и заводе появились большие, сплоченные, сознательные группы большевиков, рабочая масса, в подавляющем большинстве верит и слушает только их. Фабзавкомы наполовину наши или сочувствующие нам. Райком ведет все время работу с фабзавкомами, раз'ясняя им каждый шаг правительства. Каждая фабрика и завод мечтает о вооружении и, хорошо ли, плохо ли, обучается стрельбе, и только слепые могли этого не заметить.

Осенью районные думы и совет, в большинстве из большевиков. По 4—6 митингов в день происходит в районе, в заводах и просто на улицах. Райком изнемогал, еле успевая следить и отбиваться от массы ораторов социалистов. Но большевикам помогало время и события.

Теперь необходимо было работать и с солдатами. Лазареты были полны выздоравливающими, которых необходимо было обслуживать политически, да они и сами требовали. Вернулся 193 полк из лагерей в Хамовнические казармы и требовал к себе внимания.

МК периодически присылал на помощь товарищей: Афонина, Максимовского, Мостовенко, Голенко и др.

Осенью мы настолько разбогатели работниками, что у нас на большой Второвский завод был делегирован товарищ для постоянной работы в клубе (т. Миткевич).

Для Дорогомиловского подрайона выделили специального инструктора тов. Фаслер. Отдаленная и буржуазная пречистенская дума и та имела двух наших представителей: Наумова и Френкель.

Еще летом директива МК о создании в районе союза молодежи, к осени уже приняла реальные формы. Союз молодежи насчитывал в своих рядах десятки товарищей.

Работой с ними мы особенно не занимались, но время от времени, по их требованию, должны были выступать и для них.

Дни октябрьских восстаний в Хамовниках.

25 октября по Москве с утра носилась масса слухов и толков о Питере. 26 октября утром газеты подтвердили все непроверенные слухи о восстании в Питере, о взятии власти большевиками. В Хамовниках на вечер было назначено большевиками большое собрание: всех фабзавкомов, всех членов партии, которое затянулось до 2—3 ч. ночи.

На следующее утро, главной задачей райкома было обойти фабрики и заводы, не полагаясь только на фабзавкомы, чтобы через 1—2 дня остановить работу. С утра же приступили к организации самообороны на заводах и выделению разных групп в район: для боевых действий (всем было ясно, что готовится во-

Помещение районной думы (проезд Смоленского бул., д. 1/2.).

оруженное восстание), для санитарной помощи и других обслуживаний и надобностей, — и все приступили к поискам оружия.

Территориальное положение в Хамовниках было исключительно трудным. Все активные силы белых были расположены кольцом около Хамовников (подробности см. в ст. Саврасова). При таком окружении каждому станет жутко. Но райком не терялся в течение 8 месяцев тяжелого окружения адвокатурой, профессурой и лжесоциалистами, не растерялся и в военном окружении белых. Быстро, смело и дружно принялся за подготовку к боевому положению.

Энтузиазм и порыв к самообороне и даже наступлению был одинаков у всех рабочих районов. Днем к зданию совета пришла

группа работниц от Жиро. Фабрику мы считали очень отсталой, забастовку и у них провели, большего райком от них не ждал. Но они пришли с упреками: «почему не хотят их помощи, ведь и мы за власть советов, и мы ваши».

В дни боев, в совете, на своем посту, были только большевики, другие партии все дни восстания отсутствовали. Работа кипела как ревкома, так и райкома. Началась оборона, принялись за Хамовнические казармы, где был 193 полк.

193 полк сослужил Хамовникам и, пожалуй, Москве, большую службу. Две неполных роты, все дни восстания были при райкоме, разместить мне их поручил тов. Ангарский напротив райкома, в Чернявском училище; 2—3 роты были отданы Моссовету и там оставались все дни боев, 2 роты все дни ходили на охрану Брянского вокзала и т. д. Нужно только отметить разницу работы солдат 193 полка и красногвардейцев-рабочих. Солдаты шли, а рабочие-красногвардейцы были инициативны сами. Идя по одному делу, дорогой они встречали другое, отделялись частью на эту работу, словом, держались как хозяева положения.

Необходимо отметить еще резкую разницу в поведении между верхами оборонческих партий и их массой, которая с ними еще оставалась. Все дни боев эта масса не отходила от большевиков, считая дело боев с белыми, с буржуазией, с правительством Керенского своим рабочим делом, общим и совместным с большевиками, готовая нести за него всю тяжесть последствий.

С первого же дня, работа у маленького особнячка совета кипит. Расстояние от совета до столовки и вообще по всей площади напоминает муравейник: народ на всем протяжении все дни боев, с 7 утра до 4 ч. ночи.

Каждый занят своим делом: вооружаются, учатся стрелять, пробуют вновь приобретенное оружие, организуют боевые отряды патрулей, отряды разведок, санитарные отряды и пункты, устраивают приют и ночлег дежурящим ротам, красногвардейцам, санитарам, устраивают всем бойцам и вообще всем работающим в районе, столовую и чайную (в студенческой столовой). Налаживается доставка газет из центра, листовок и их расклейка по району, и т. д.

А народ все подходит к совету как целыми группами от фабрик, заводов, лазаретов, так и в одиночку.

Совет в эти дни стал всем и единственным учреждением в районе. Идут со своими нуждами и предложениями. Предложениям записаться в красногвардейцы нет конца, так как многие умеют стрелять—были на войне, хотят быть в боевых десятках, и все рвут оружие, особенно комсомольцы района. Приходят и выздоравливающие солдаты из окружающих лазаретов: в такие дни они не хотят лечиться, а хотят участвовать в общем движении, сердятся, когда им не доверяют. Наконец, приходят просто обыватели, чтобы узнать что-нибудь правильное, в противовес массам нелепых слухов и новостей, исходящих от всех сеятелей паники.

Как мы вооружались.

В райкоме оружия было наперечет. В 193 полку тоже не больше полсотни или сотни винтовок на весь полк. Полк был сознательно обезоружен при Керенском, как ненадежный. Сейчас же после постановления МК о вооруженном восстании все товарищи принялись за поиски оружия.

И десятки, и одиночки арестовывали с первого же дня каждого военного и за его счет вооружались. Только таким образом мы и достали вооружение в первые дни, подавляя белых своим количеством.

По городу стрельба во-всю, в районе тише, но тоже стрельба, а к совету вереницей подходят люди, подводят и арестованных офицеров, и других, подводят отобранные автомобили без шоферов.

Держится арестованная публика, в большинстве, отвратительно, унижаются, просят, падают на колени перед женщинами, просят об освобождении, но, обычно, они отсылались с часовыми в 193 полк, где находился наш ревком.

Работа райкома и ревкома в дни восстаний шла параллельно, и дополняла друг друга.

Здание совета, где помещается райком крошечное, точно карточное, стоит тут невероятная толчея от всех приходящих, от боевых десятков штаба красногвардейцев, которые отсюда же направляются по всему району тт. Тумановым, Лысовым и Поповой. Здесь, так сказать, вся подготовительная работа, где же здесь держать арестованных.

До октябрьского восстания обученных, а главное, вооруженных сил у райкома были единицы, правда, с первого дня боев с нами был 193 полк, разоруженный задолго до октября с 50—100 винтовками на весь полк, для обучения. Поэтому надо еще и еще раз подчеркнуть, что если бы не всеобщая готовность рабочих района, независимо от партийности, то разве возможно было бы не то что победить, но хотя бы продержаться 7 дней против врага, правда, малочисленного по количеству в сравнении с рабочими района, но зато вооруженного до зубов и прекрасно снабженного как теплой одеждой, так и продовольствием.

К нам охотно шли на все работы рабочие района без различия пола и возраста, каждый охотно исполнял возложенное на него: копали окопы (2 раза по Остоженке, Пречистенке и в переулках к Смоленскому рынку), шли в боевые отряды, патрулями, с обысками, обезоруживать стреляющие чердаки, санитарами, разведчиками в центр, разведчиками на Брянский вокзал, оттуда ждали ударников (железнодорожники, об'единенные в октябре «Викжелем», могли доставлять против восставшей Москвы войска).

Продовольственная работа района тоже не замирала ни на один день. Надо было разыскать продукты, отвоевать, перевести их под огнем белых, сорганизовать выпечку, чтобы кормить 193

полк, бойцов и работников райкома и, наконец, весь район. С продовольствием нам помогло взятие интендантского склада на Остоженке у белых, где оказался большой запас накладных на продукты.

Всю эту работу делали рабочие и работницы района, под руководством маленькой активной кучки большевиков.

Как район реагировал на перемирие и мир.

Перемирия мы, пожалуй, и не заметили, так как вражеская сторона, заключив перемирие, не остановила своих военных действий в нашем районе. Собственно, все знали, что заключено перемирие, но все видели и слышали, особенно в 2—3 ч. дня, военные действия и об'яснили эти поступки коварством врага. Ночью же у нас все были, как и все дни боев, в напряженном состоянии и даже в боевых действиях.

Вследствие проявления такого коварства при перемирии и мир нами воспринялся не по-настоящему. Помню, как я провожала вестников мира из райкома в столовку, набитую народом, как тов. Голенко сообщил громко о заключении мира с противником и об условиях этого мира, а тов. Оленников, солдат с фронта, рабочий Второва, сейчас же счел нужным добавить «товарищи, крепче держите винтовку эту ночь на своих постах, помня ночь перемирия».

И только днем, на завтра, проверив врага и обезоружив его, мы почувствовали мир.

Так Хамовнический район пришел к власти.

Июль 1927 г.

Л. ФЕДОРОВ.

Хамовнический союз рабочей молодежи.

Вскоре после Февральской революции 1917 года, как известно, при Московском комитете РСДРП (большевиков) создалась организация молодежи. В июне, из этой организации выделилась группа тт. (В. Г. Голенко, Пеньков, Ал. Тольский, А. Тормазова), проживающих в Хамовническом районе, с тем, чтобы начать работу по созданию районной организации молодежи. При помощи райкома РСДРП (большевиков) удалось отвоевать у правления студенческой столовой на Девичьем Поле для организации молодежи маленькую комнатенку, вернее, часть комнаты, отгороженную большим шкафом от остальной части, где и закипела вскоре работа.

К этому времени, по решению Московской организации большевиков, произошла реорганизация партийного союза молодежи в самостоятельный союз рабочей молодежи III Интернационала, что было сделано в целях вовлечения в организацию широких масс рабочей молодежи, стоящей на почве интернационализма. Вышеуказанная группа товарищей начала свою работу с привлечения в организацию сперва одиночек и с политического самообразования. Принялись за совместное чтение Богдановского «Краткого курса экономической науки», брошюры Рожкова «Капитализм и социализм», за организацию библиотеки и за распространение большевистской литературы. Первоначально, в организации преобладала учащаяся молодежь (Владимир Георгиевич Голенко, Алексей, Сергей и Мария Тольские, Мицкевич, Елена Малиновская, Михаил и Софья Шамберги, Самуил Савельевич Шелехес, братья Рожковы, братья Дмитриевы, Гугунова, Александр и Николай Афонины, Лежнев, Хватов (и был лишь незначительный процент рабочей молодежи: Манин (слесарь одного из заводов в Лефортове), Ковалев (фабрика мыльных порошков «Пуль), Наталья Алексеевна Стогова (парфюмерная фабрика Дмитриева), Антонина Тормазова (портниха), Янулевич (завод «Каучук»), Бридкин (завод «Каучук»), Сивов (часовщик), 3—4 паренька с шелко-ткацкой фабрики Жиро, во главе с Бакуновым, бывш. рабочим фабрики Жиро, приехавший с фронта солдат Артур Михельсон, один с кондитерской фабрики Эйнем, да еще двое или трое рабочих, фамилии которых мною, к сожалению, позабыты. Если сюда еще прибавить служащих Пенькова,

Веру Ульянову, сестер Марию и Екатерину Н. Абрамовых, да глухого поэта Мишу Шорина-Абрамова, — вот и весь состав Хамовнического союза рабочей молодежи III Интернационала к сентябрю 1917 года.

В состав районного комитета входили: Голенко, Пеньков, Тольский, Алексей, Дмитриев, Алексей Тормазова. Делегатами от района в Московский комитет союза молодежи являлись: Голенко и Пеньков.

В сентябре деятельность Хамовнического союза рабочей молодежи начинает развиваться и принимает уже характер массовой работы. Союз активно участвует в кампании по проведению выборов в районные думы: в уличной агитации, в распространении воззваний, литературы и бюллетеней РСДРП (большевиков), делегируют своих представителей в избирательные комиссии для участия в подсчете бюллетеней. Развивается и внутренняя работа по политическому самообразованию: практикуются коллективное чтение и обсуждение отдельных брошюр и книг (как, например, брошюры Голубкова «Утопический и научный социализм», книга Богданова «Краткий курс экономической науки», Рожкова «Капитализм и социализм»), устраиваются собеседования и доклады по вопросам текущего момента (так, например, доклад о международном положении т. А. М. Амосова из железнодорожного райкома большевиков), делаются попытки и к постановке докладов собственными силами (делали доклады, кажется, Алексей Тольский и Голенко). Но нужно признать, что на должную высоту эту политико-просветительную работу нам все же поставить не удалось: она не носила систематического характера, проводилась урывками, своими же собственными неподготовленными силами и срывалась часто отсутствием свободного времени у наиболее активных членов союза, заваленных чисто организационной работой. Немного позднее, решено было, при помощи партийного комитета, создать для союза молодежи специальную партийную школу, но события конца октября помешали осуществлению этого начинания.

Вскоре был переизбран районный комитет союза, в новый состав последнего, вошли тт. Пеньков, Голенко, Мицкевич, Стогова, Малиновская, Гугунова, Алексей Дмитриев, Федоров.

Преобладание в союзе учащихся, заставило комитет обратить главное внимание на завязывание связи с фабриками и заводами, на привлечение в союз чисто рабочего элемента, при этом встали на путь чисто практической агитации, агитации делом.

Из мероприятий в этом направлении следует отметить организацию школы по ликвидации безграмотности на шелко-прядильной фабрике Щенковых. Группа девушек, членов союза, М. Абрамова, Стогова, Тормазова, С. Шамберг, Тольская, стали по вечерам, в столовой при общежитии рабочих обучать грамоте работниц. Школу посещало около 60 работниц, не только подростков, но и пожилых женщин. Отсутствие у наших «педагогов»,

в своем большинстве таких же работниц, достаточных знаний и опыта, заранее обрекало на неудачу наше мероприятие в смысле педагогическом, но агитационного значения его отрицать не приходится, равно как и воспитательного значения этой школы для самих «учительниц», получивших таким путем возможность приложить свои силы, рвущиеся к практической, конкретной работе, к выполнению определенных, чисто деловых заданий.

Нельзя обойти молчанием еще одной крупной политической работы, проделанной в то время нашей организацией. На крупнейшем, в то время, предприятии в районе, снарядном заводе Второва, существовал клуб заводской молодежи, находившийся под идейным руководством именующих себя «беспартийными» культурников, во главе с видной внешкольницей О. Белокопытовой. Решив отвоевать второвскую молодежь от «беспартийных» политиканов и влить ее в общесоюзную организацию под знамя III Интернационала, мы повели атаку на крепость «беспартийных» культурников и после двух-трех наших выступлений в клубе, организация второвской молодежи, раскусив аполитичность и «беспартийность» своих культурных покровителей, вступила в ряды борющегося пролетариата и влилась в общесоюзную организацию, войдя в состав Замоскворецкого района, так как клуб завода Второва был расположен по ту сторону Москва-реки.

Наступает октябрь месяц. Настроение рабочих масс крепчает, чувствуется приближение решительных боев... Наш союз молодежи тоже не спит: проводится энергичная и не безуспешная кампания подготовки к демонстрации рабочей молодежи, назначенной на 15 октября, по фабрикам и заводам устраиваются собрания рабочей молодежи, проводимые почти исключительно слабыми силами нашей союзной организации. На кружевной фабрике Гивартовского создается небольшая союзная ячейка. В результате, Хамовнический район выводит на демонстрацию 15 октября, под боевыми лозунгами «Война — войне» и «Вся власть советам» до 500 чел. рабочей молодежи.

К этому времени, по нашей инициативе, создается в Дорогомиловском подрайоне союзная организация с чисто рабочим составом (Алексей Баринов, Николай Цветков, Митрофам Шломин, Сазонов, Мадяев, Александр Кузнецов, Василий и Сергей Митрофановы, Сальников, Никадоров, Михаил Подрябинников, Новиков, Митрошин).

Наступает 26-е октября: к вечеру студенческая столовка на Девичке кишмя-кишит. Идет общерайонное партийное собрание большевиков, в порядке дня вопрос о вооруженном свержении власти капиталистов и помещиков. Боевое выступление Питера всеми горячо приветствуется. Собрание единодушно высказывается за выступление.

А рядом, в соседней небольшой комнате, идет собрание союза молодежи. Настроение у всех приподнятое и углубленно-серьезное. Решается практически вопрос о предстоящем боевом высту-

плении, мобилизуются всесоюзные силы,... выбирается боевая тройка в составе тт Малинова, Голенко и Алексея Тольского. Тут же составляется боевой отряд из 10 человек, поступающий в распоряжение только-что избранного военно-революционного комитета, и в эту ночь, являвшейся единственной боевой силой, так как в смысле организации и подготовки Красной гвардии наш район вступил в боевые октябрьские дни совершенно неподготовленным. На наш отряд немедленно была возложена охрана здания совета, помещавшегося тогда в маленьком одноэтажном особняке на углу Зубовской улицы и Хамовнического переулка (от этого исторического памятника революционной борьбы, к сожалению не осталось и следа: зимою 1920—21 г. его разобрали на топливо), где временно поместился ревком.

Став в первую же минуту на боевом посту, наша организация с честью выполнила свой революционный долг в боевые дни октября, неся беспрерывно, в течение 8 суток, почти в полном своем составе, ту или иную работу, идя беспрекословно всюду, где нужны были наши молодые силы, где они могли быть полезны. Наши ребята были и в окопах, и в бою, и в разведке, и в санитарных летучках, обслуживали связь, продовольственный пункт в студенческой столовке на Девичке, несли караульную и патрульную службу и т. д.

Члены союза, дорогомиловцы, целиком вошли в боевой отряд, а в дальнейшем составили ядро местной Красной гвардии. Из их рядов октябрьские бои вырвали две жертвы: Митрофан Шломин пал 31 октября, при выполнении поручения боевого штаба Дорогомиловского подрайона (он был послан в Московский совет за оружием и на обратном пути автомобиль, на котором он вез оружие, на Смоленском рынке попадает в руки юнкеров, и последние расстреливают тов. Шломина) и Сазонов — убит на Малой Дмитровке, когда пробирался в центр города. Хамовническая молодежь также выдвинула своего боевого героя в лице т. Манинова, в течение 8 суток не выпускавшего берданки из рук и всегда бывшего впереди на самых опасных, боевых пунктах; будучи ранен в шею, он продолжает оставаться в бою, наткнувшись в одном из дворов на Арбате, на юнкерскую засаду, он, благодаря своей находчивости и смелости, ускользает из рук юнкеров. Сын вольных степей Кубани, решительный, смелый, т. Манин не знал колебаний в бою и был непреклонен в борьбе, его горячая, боевая натура не знала покоя и неудержимо стремилась в бой; при первом же получении известия об образовании фронта с гайдамаками на Украине (декабрь 1917 г. — января 1918 г.), он устремляется туда и с тех пор исчезает бесследно, вероятно, сложил в бою за пролетарскую власть свою юную, смелую голову.

Если в ряды непосредственных бойцов в окопы наша организация дала лишь одиночек, то компактная сплоченная группа наших ребят (Н. Стогова, А. Тормазова, М. и В. Абрамовы, М. Тольская, А. и С. Тольские, Гугунова, братья Рожковы, Михаил Шорин,

Здание 5-й шк. прапорщиков (Уг. 1 Смол. пер.).

А. Афонин, Сивов) составила основное ядро санитарных летучек и вынесла на своих плечах почти целиком эту работу. В первый момент, при организации санитарных летучек в последние записалось довольно много курсисток-медичек и сестер милосердия, и предложение наших девиц было отклонено: им предложили итти помогать на кухню, что и было ими исполнено. Но с наступлением боев почти весь квалифицированный медицинский персонал летучек куда-то незаметно исчез, и на наших ребят легла основная тяжесть санитарной работы.

В первый же или второй день боя одна из наших летучек подверглась на Пречистенке обстрелу со стороны белогвардейцев, при чем двое санитаров (ткачиха с фабрики Гивартовского Елена Кузнецова и ее брат 15-летний ученик технического училища) были ранены: первая в обе ноги, второй—смертельно в живот (умер после нескольких суток мучений).

Вслед за рядами наших бойцов по двум главным линиям боя, Пречистенка и Остоженка, неуклонно продвигались и наши летучки. Группами в 3—4 человека днем и ночью дежурили они посменно (от 4 до 8 часов) частенько под пулями, почти у самой линии боя.

Теперь постараюсь несколькими общими мазками обрисовать обстановку и внутреннее содержание нашей жизни в те памятные дни.

События захватили как нас, так и весь вообще район, если не врасплох, то во всяком случае очень мало подготовленными к кровавой борьбе: нашему району пришлось строиться в боевые ряды уже под обстрелом врага в непосредственном ходе боя... Сейчас учесть и воспроизвести наше тогдашнее душевное, психологическое состояние довольно трудно: в водовороте неожиданно нахлынувших событий, все переживания, несмотря на свою подчас яркость и силу, слились в какой-то комок, который очень трудно распутать, особенно теперь почти через 10 лет, когда память очень многое уже утратила.

Основное ядро активных членов союза за редкими исключениями все эти дни провело в нашем, так сказать, штабе, в помещении студенческой столовки на Девичке, порвав в это время в большинстве всякую связь с домом. Боевая обстановка тесно сплотила нас, спаяла общностью дела и переживания: в эти дни мы все жили лишь одним делом, некогда было задумываться, некогда было колебаться: борьба захватила нас целиком, даже об исходе борьбы вообще и о будущем как-то не думалось, инстинктом чувствовали, что отступления быть не может... и делали свое дело. Благо дела было вдоволь. Целые дни и ночи были на ногах, за той или другой работой, и обычно лишь под утро, на рассвете, обессиленно сваливались, как попало, в маленькой комнатке союза, чтобы через два-три часа быть снова на ногах. Любопытную картину представляла тогда эта комнатенка, площадью всего в каких-нибудь 2—2½ квадратных аршина. Небольшой стол, 2—3 стула,

гора литературы и газет в углу и на этом миниатюрном пространстве, буквально всюду, на столе, на стульях, просто на полу, на книгах и газетах и даже на шкафу, составлявшем одну из стен нашего обиталища, вповалку спят 7—8 чел., девчат и парней подчас в обнимку с берданкою (Манинов не расставался с нею даже во время сна). Сваливались от усталости, как убитые, но достаточно было малейшего шума в коридоре или стука в дверь, чтобы все моментально были на ногах; нервы у всех были напряжены в высшей степени и всем своим существом мы целиком были во власти боевого момента.

Так незаметно проходили для нас день за днем. Восприняв происходящее, как неизбежное и должное и будучи лишь выполнителями определенных заданий, мы спокойно и твердо делали свое дело. Наши санитары во время ночных дежурств, сидя в своих прикрытиях в под'езде или в воротах какого-нибудь дома на Пречистенке или Остоженке, коротали время, рассказывая сказки. И лишь под конец на 6 — 7 день стал замечаться некоторый надлом в настроении наших ребят; стало в свободные минуты брать раздумье, а что будет дальше, чем все это кончится, не ждет ли нас поражение. Стала сказываться и чрезмерная физическая усталость, ходили, как тени, едва держались на ногах. Последний день боя 2 ноября был самым тяжелым и критическим днем для нашего района. К середине дня юнкера повели усиленное наступление со стороны Смоленского рынка, где в Смоленском переулке помещалась 5-я школа прапорщиков. К вечеру на Смоленском бульваре, где около Неопалимовского пер. были наши окопы, шла ожесточенная перестрелка: наш отряд в 12 — 15 чел., состоявший из солдат 193 пех. зап. полка и красногвардейцев, едва успевал отстреливаться, непрерывным огнем удерживая наступление врага.

Прошли боевые дни: настала пора лихорадочного строительства нового советского строя.

Созывается 2-я Московская общегородская конференция союза рабочей молодежи III Интернационала, которая, насколько помнится, происходила в конце ноября, в здании бывш. Института благородных девиц у Красных ворот. Из вопросов, стоящих в порядке дня конференции, наибольшие споры и разногласия возбуждал вопрос об организации союзом самостоятельных отрядов Красной гвардии из молодежи. Общее собрание нашей районной организации почти единодушно признало нежелательной и нецелесообразной организацию отдельных отрядов молодежи, и эту линию от лица Хамовнического района мне пришлось отстаивать на конференции. В составе районной делегации на конференции участвовали следующие товарищи: Стогова, Тормазова, Голенко, Пеньков, А. Афонин, Л. К. Федоров, М. Абрамов, А. Тольский, М. и С. Шамберги, Манилов. Вскоре был переизбран районный комитет союза; в новый состав последнего вошли тт. Пеньков, Голенько, Мицкевич, Стогова, Малиновская, Гугунова, Ал. Дмитриев, Федоров.

М. И. ЛЕЬЕДЕВ.

Продовольствие в Октябрьские дни в Хамовническом районе.

Настоящее воспоминание о снабжении Хамовнического района в Октябрьскую революцию пишется ровно через 10 лет, и мне, участвовавшему во всех делах снабжения продовольствием района, часто как и организатору и исполнителю во всех деталях, трудно вспомнить числа тех дней, в какие происходил тот или другой случай со снабжением, но весь ход работы в целом остался в памяти, и я изложу, как это происходило.

На этот участок фронта мне пришлось попасть следующим образом. Работая вагоновожатым в Уваровском парке в 1917 г. я состоял членом Росс. соц. дем. раб. партии (большевиков), принимал активное участие в работе делегатом Моссовета и в профработе, как член правления своего союза. В сентябре 1917 года был избран по списку в гласные Хамовнической районной думы, в каковой работал, как член управы по продовольственному отделу, несколько недель. До Октябрьской революции имел за это время безусловно большой опыт в этом деле.

Собрание районных дум в Сухаревском нардоме присоединилось к резолюции Моссовета: «Вся власть Советам». Когда мы выходили с собрания, преобладающая часть в котором была большевиков, последние пели «Интернационал», а эсеры и меньшевики с кадетами пели: «Смело, товарищи, в ногу». Настроение было таково, что вот-вот начнется бой в зале или в проходе на улицу, но в это время у нас положение было другое, чем это было в июльскую демонстрацию. Тогда мы, рабочие-большевики, на заводах и фабриках были в меньшинстве, рабочие шли еще тогда за эсерами и меньшевиками: перед Октябрем же они были с нами.

Приехав в райком, я сейчас же был послан в Уваровский парк, где уже шло собрание под председательством тов. Лихачева, уже было постановлено не выходить на работу, а начать борьбу против городской думы за власть советов. Я лично информировал собрание о том, что было на собрании районных дум в Сухаревском нардоме и кончил призывом к вооруженной борьбе с кадетами и меньшевиками. Тут же был роздан небольшой запас винтовок, и небольшая группа отправилась в ревком, откуда с Дрожжиным были направлены в 193 полк, где мы встретили Ангарского,

который информировал нас, что полк вывести сейчас из казарм не удалось, так как солдаты, простояв полночи на дворе, разошлись.

Было уже около 4 часов ночи. Рассветало.

28 октября, утром, в ревкоме шла полным ходом организация десятков из рабочих, посылались патрули, которые задерживали офицеров и других вооруженных по району. Тов. Саврасов, встретив меня, немедленно велел отправиться на работу по продовольствию и доносить в ревком, как будет обстоять дело. Я отправился на Смоленский рынок, где помещалась управа и где был центр снабжения района продовольствием (вернее распределение такового), в голове же были самые безотрадные мысли; «где взять продовольствие». Запасов в районе не было никаких, получили из продовольственного комитета по ордерам с его складов, транспорта своего не было: пользовались обозом частного подрядчика из Дорогомилова—Трофимова.

Придя в управу, я нашел из сотрудников технич. работн. Фогель и 3 агентов по продовольствию: Гацука, Заборонока, Федосеева, которые сообщили мне, что за продовольствием уехал старший продовольственный агент Любимов на Сокольническую мельницу (у Рязанского вокзала), но что еще вопрос, приедет ли он к нам в этот день, так как очень часто и в нормальные дни комитет оставлял район без хлеба. Об'яснив продовольственным агентам в чем дело, я задал им вопрос, будут ли они продолжать работу в этой обстановке, и получил удовлетворительный ответ, что работать они будут. Это они доказали на деле, работали, действительно, с большой энергией, на что, задавая вопрос, я надеяться, понятно, не мог. В это время пришли А. И. Богомолов и подрядчик Трофимов. Создавалось в роде небольшого совещания, на котором все указанные лица обсуждали возможность снабжения района и все его ближайшие перспективы, которые были безотрадны. Трофимову было указано, чтобы он безотказно предоставлял транспорт, в противном случае он будет взят у него. Он согласился, что действительно и выполнял во все дни революции. Но его транспорта в количестве 16 лошадей, безусловно, было мало, а потому мною было предложено организовать доставку продовольствия на следующий день на трамвайных вагонах, посылая и трофимовских лошадей. Связь с продовольственным агентом было предложено держать со мной и Богомоловым в ревкоме на Зубовской площади.

Организация трамвайных вагонов была мною проведена, и на следующий день при участии Дрожжина в Уваровском парке выделены были 2 вагона с вагоновожатыми и отдано распоряжение продагентам Гацуку, Забороноку и Федосову отправиться за продовольствием на этих вагонах. С ними же выехал и вагоновожатый Пехов.

28 числа Любимовым было привезено продовольствие и распределено по пекарням (пекарни тогда были все в частных руках)

для выпечки хлеба и выдачи его на другой день по карточкам. Главным образом усилены были хлебопекарни рабочих районов (Больш. и Мал. Царицынские улицы, Усачевка и Дорогомилово).

29 числа транспорт был отправлен за недополученным продовольствием по ордерам продовольственного комитета с продовольственным агентом Любимовым. Свободно прошли от Смоленского рынка на Сухаревскую площадь и на Красносельскую улицу, но заведующий Сокольнической мельницей категорически отказал в муке, об'яснив, что ее нет. Вагоны вернулись пустые. Дело принимало катастрофическое положение. Ясно было, что хлеба у нас не будет, и я потерял надежду, что гужевой транспорт сумеет что-либо нам привезти. Об этом было доложено мною ревкому, который в это время перебирался с Зубовской пл. в казармы 193 полка. Нужно сказать, что с первого же дня мыслили получить продовольствие из интендантского склада № 1, на Крымской площади, но он был в руках у юнкеров. Ревком решил предпринять захват его, но вместе с этим был принят план (мною предложенный) послать трамвайные вагоны на Саратовский вокзал, а также по пути и в пекарню № 3, на Коровьем Валу, в надежде на то, что там удастся что-либо получить из продовольствия. Тут же мною из парка были взяты 2 вагона с вагоновожатыми и отправились.

Доехав до Смоленского рынка, я сошел с вагона, в надежде взять продовольственных агентов из управы, но там было пусто. Выйдя из управы обратно и не видя вагонов, я стал осматриваться куда они ушли, и в это время был остановлен грозным окриком: «стой, руки вверх!» вышедшего патруля юнкеров. В таком виде меня передали по цепи до угла 2-го Смоленского переулка, по которому навстречу мне шел офицер в погонах поручика. В это же время с противоположной стороны вышел гражданин, бедно одетый; его остановили тем же порядком, как и меня, но тут же начали обыскивать и вытащили из кармана бутылку водки; обыскивавший крикнул: «г-н поручик—водка!» Поручик направился прямо туда, я же, не дожидаясь, видя, что он прошел мимо меня, опустил руки и пошел шагом обратно мимо стоящих на другой стороне переулка юнкеров и только перед входом в управу бросился бегом в парадную и кверху, где и спрятался.

Просидев часа 2, когда стало темно, я вышел и благополучно добрался до ревкома, где и доложил, как обстоит дело на Смоленском рынке. Тут же был и А. И. Богомолов.

Было решено перенести продовольственный центр района в Уваровский парк, куда мы тут же все и направились. Было часов 10 вечера, когда пришли наши продагенты, которым, оказывалось, в этот день все же не с мельницы, а из вагонов на Рязанском вокзале удалось получить муку, и они везли ее на 18 подводах, из которых 10 подвод, направлявшиеся в Дорогомилово, на Дорогомиловском мосту были задержаны юнкерами, которые повернули подводы обратно вместе с агентами и свалили муку у себя, в 5-й

школе прапорщиков, о чем пришедшие агенты и доложили (после окончания боев, мука эта была найдена полностью).

Дорогомилово осталось без хлеба.

Этой же ночью мне было отдано распоряжение ревкомом о том, что я назначаюсь комиссаром над интендантским складом № 1, дана инструкция взять все на учет и подлежащие полномочия. Часов в 12 ночи я отправился на Крымскую площадь в склад № 1. На площади встретил патрулей 193 полка, которые сообщили, что они заняли склад без сопротивления час тому назад и что там несколько человек интендантских солдат. Пройдя во двор

Угол Остоженки, продовольств. интендантские склады.

склада и войдя в сторожевое помещение, я нашел, действительно, 6 человек солдат, которые об'яснили мне, что они служат при интендантстве, что заведующий здесь, но спрятался при моем приходе. Действительно, из-под кровати вылез человек, одетый в офицерскую форму без погон, с одними для них местами. Я тут же принялся опрашивать его о продовольствии, каковы запасы склада. Он ответил, что запасов продовольствия нет ни одного фунта. Я не поверил и направился с ним по помещениям склада, не выпуская его из вида, но безрезультатно—продовольствия не было, разбегались от нас одни крысы. На расспросы, как снабжались воинские части и откуда, он мне указал, что снабжение шло главным образом с Саратовского вокзала по ордерам, выдаваемым Штабом Округа, которые у него оказались в форме квитанционной книжки на руках. На вопрос, можно ли по ним получить завтра на Саратовском вокзале продовольствие, он ответил

утвердительно, об'яснив, что его там знают, и достаточно ему подписать ордера и можно забрать весь запас, который имеется на Саратовском вокзале. Я хотел отправить его немедленно в ревком, но он упросил меня (было 2 часа ночи), что он хочет сходить домой, у него семья, его ждут. Под пулями, которые летели с Зубовской площади, мы прошли с ним на квартиру, там было 4 ребят и жена; ничего подозрительного не было. Я оставил его дома, наказав явиться в полк к 9 часам утра назавтра, сам же вернулся в ревком, где был З. П. Соловьев и Саврасов, представлявшие собою каких-то измученных автоматов, а не людей, и доложил им, как обстоит дело. Указал, что продовольствие мы наверное получим завтра с Саратовского вокзала, но в связи с тем, что юнкера заняли Дорогомиловский мост, мы отрезаны от транспорта подрядчика Трофимова. Тут же было решено произвести реквизицию транспорта в местах нашего расположения. Было часа 4 утра 30 октября, когда я оставил ревком для выполнения задания. Ясно—один в поле не воин, поэтому я направился в Уваровский парк; тут было почти пусто, за исключением десятка охраны, из них вызвались на работу по реквизиции Чехов и Чайковский. Медлить было нельзя, мы принялись обсуждать, в каком порядке начать реквизицию, и для нас было ясно, что втроем сделать мы и не успеем и не сможем до 9 часов утра. Подошедшие товарищи Сопрыкин, Пупкин, Куличков и другие, человек 12, были направлены на реквизицию транспорта, и к 9 час. утра уже выяснилось, что мы будем иметь подвод 40, которые взяты были у частных извозчиков, благодаря энергии означенной группы товарищей.

Отправившись в ревком к 9 час. 30 мин. 30 октября доложить, как обстоит дело, я нашел там уже и завед. складом № 1. Из казарм верхами мы с ними отправились на Саратовский вокзал, куда был направлен и реквизированный гужевой транспорт. На Крымском мосту были обстреляны; как потом выяснилось, с храма Христа Спасителя юнкера стреляли из пулеметов. Продовольствие на Саратовском вокзале удалось получить и погрузить: приблизительно 1.500 пудов муки и немного сахару, рису и масла. Вернувшись до прихода транспорта, я сообщил в ревком о том, что продовольствие идет. Нужно было его распределить и в первую очередь дать в Дорогомилово, где 2-й день уже не было хлеба. Мост находился в руках юнкеров. Был выработан план перебросить муку через реку у Ново-Девичьего монастыря, у Окружного моста, доставив до реки на тех же лошадях, которые везли с Саратовского вокзала, не перекладывая и переправив на другую сторону на лодках, а с той стороны организовать трофимовский транспорт для развозки по дорогомиловским пекарням.

План этот выполнить удалось полностью. В Дорогомилово через реку на лодках было переброшено 1.000 пудов хлеба, а там на той стороне принимали продовольствие агенты и на трофимовском транспорте отправляли дальше. Работали всю ночь и утро другого дня. Тяжелая была работа: выносили мешки из лодок по

пояс в воде, так как груженые лодки к берегу не подходили. Исключительную энергию проявили рабочие, переправляя хлеб дорогомиловским рабочим. Особенно проявил себя здесь в этом деле вагоновожатый Пехов.

Часов в 12 ночи, видя, как медленно переползает продовольствие на Дорогомиловский берег, я направился в здание совета, на Зубове, узнать, нельзя ли как-либо пробраться через мост в Дорогомилово, но этого еще было сделать нельзя. Мы разговаривали с тов. Савельевым (Александром) о положении наших дел, информируя друг друга. В это время пришел с Арбата подросток, который рассказал, что в кино-театре «Ампир», на Арбате, у юнкеров организован продовольственный склад, где много всего, юнкеров же человек 8 и те пьяны. Я предложил тов. Савельеву отправиться проверить это и, разбудив часть спавших красногвардейцев, человек 15, предложил им итти со мной на эту вылазку. Быстро сговорившись, мы пошли. Здесь были из Уваровского парка: Жарков, Васильев, Паночкин (еще не помню кто с других фабрик). Дойдя до Смоленского рынка, мы разделились на 2 цепи, взяв в охват Смоленский рынок; тихо его прошли, никого не встретили и начали цепью же по обеим сторонам Арбата проходить дальше. Достигнув «Ампира» и оставив часть охраны снаружи, впятером мы вошли внутрь, обезоружив без выстрела стоявшего на посту типа, и нашли, действительно, в помещении кино полупьяных 7 человек, что-то в роде студентов или кадетов. Оружие валялось в беспорядке, все они были в нетрезвом виде. Собрав эту команду в кучу, я отправил их под конвоем в Штаб; оставшиеся стали проверять наличие продовольствия.

Тут было 90 мешков муки-крупчатки, 200 ящиков консервов, колбаса в ящиках, рыба, чай, боченок масла. Не хотелось упускать такую добычу, и тут же составили план. Оставив Жаркова с товарищами под его командой, расположив их цепью по улице, сам я отправился пешком в Уваровский парк, где у нас стоял грузовой автомобиль, захваченный уваровцами на улице.

В парке же нашел шофера (из вагоновожатых). Вместе с Дрожжиным набрали человек 20 вооруженных на автомобиле к «Ампиру». Раза за три мы все вывезли оттуда и к рассвету покончили с этой работой, разгрузивши все это в Уваровском парке, при чем для охраны и точного учета, назначен был тов. Чайковский.

В последующие дни мы регулярно вывозили с Саратовского вокзала на реквизированном транспорте продовольствие (траспорт довели до 80 подвод) и складывали его на каналах Уваровского парка, где оно находилось под заведыванием Пехова, Чайковского и Куликова. Получили мы его по старым ордерам Штаба Военного Округа при посредстве смотрителя склада № 1.

Мы выдавали продовольствие больницам, лазаретам, всем, кто к нам обращался, также отпускали Замоскворецкому району и Красно-Пресненскому и воинским частям. Когда бои заканчивались, у нас был еще запас муки в 12 тысяч пудов.

Л. БОГОЛЕПОВА.

Медицинская помощь в Октябрьские дни.

Еще за несколько дней до 25 октября было решено, в случае начала военных действий организовать в районе медицинские пункты, обеспечить их персоналом, медикаментами и некоторыми инструментами. 24 октября П. З. Соловьев, председатель районной управы и ведающий в то время организацией медицинской помощи в Хамовниках, вызывал меня среди дня в совет и сказал, что положение угрожающее; возможно, вечером начнутся бои, надо приступить к организации медпунктов. Был составлен длинный список необходимых вещей для 3 пунктов, и эти вещи были получены, по записке З. П. Соловьева, в союзе городов. Было решено организовать один пункт вблизи районного комитета и совета, на Девичьем Поле; второй—в помещении управы, на Смоленском рынке; для третьего — подыскать место в районе Хамовнических казарм. Этот третий пункт был намечен, в конце-концов, в здании Высших женских курсов, но за неимением медперсонала, он так и остался в проекте. Пункт на Смоленском рынке развернулся, и для его обслуживания была направлена т. Е. С. Попова, курсистка-медичка и кажется, т. Р. В. Оболенская. Но просуществовал он недолго, так как вскоре юнкера заняли окружающий район, управа ушла из этого помещения, и существовать там пункту было незачем.

Главным медико-санитарным штабом осталась «столовка». Там одна большая комната была вымыта, вычищена, лекарства и перевязочный материал уложены в шкаф, посредине стоял стол, покрытый чистой простыней, с необходимыми инструментами и стерилизованным материалом для экстренной помощи. Приходили главным образом, с фабрики Гивартовского и записывались в санитарные летучки, устанавливались часы дежурств. Обзавелись и носилками. Но недолго просуществовала наша «организованность» в таком виде. Студенческая организация, которой принадлежала знаменитая «столовка», решила тоже устроить санитарные дружины и взялась очень «энергично» за это дело. Наводнили нашу комнату, нагрязнили в ней до неузнаваемости и перепутали все наши планы. Но во-время подоспел З. П. Соловьев, накричал на них самым бесцеремонным образом и предложил им удалиться в другое помещение. Скоро пришли и другие товарищи, помогшие нам. Снова пришлось работникам вымыть полы и общими усили-

ями водворить чистоту и порядок, о чем мы и донесли через некоторое время в совет.

Из участников нашего пункта помню т. Трудко — студента-медика, т. Оболенскую — медичку; т. Попова Васса работала по продовольствию, но все время была поблизости. На второй или третий день явился к нам фельдшер из Хамовнических казарм с двумя военными полевыми повозками для раненых и предложил свои услуги (не помню, к сожалению, его фамилию). Мы его использовали, и несколько раз ему пришлось оказать помощь по перевозке раненых в госпитали. Заходили и предлагали свои услуги д-р Розенштейн, д-р Касперский и д-р Семковский. Последние два были военными врачами и застряли в районе. Мы их не оставили дежурить, кажется, потому, что было это в конце боевой недели, у нас дела было немного, а они могли уже пройти в свои части.

Работницы приходили на дежурство аккуратно, и у нас всегда была группа для посылки по требованию. Но из без этого требования время от времени в течение дня и ночи происходили обходы санитарных отрядов по району, особенно к местам военных действий. В один из таких обходов погибла т. Кузнецова, работница с фабрики Гивартовского и ее маленький братишка.

Некоторые моменты из работы нашего пункта особенно ярко остались в памяти.

В один из первых дней революции меня вызвал З. П. Соловьев в Хамовнические казармы, где помещался ревком, и предложил заняться медицинским осмотром арестованных, с целью выяснения, есть ли среди них больные, о чем заявляли многие из них, надеясь на освобождение. Я и д-р Касперский принялись за это дело. В одной из больших комнат Хамовнических казарм под стражей содержалось десятков 5—6 арестованных всех возрастов, рангов и положений. Некоторые жаловались, что они больны венерическими болезнями и могут заразить других.

Вдвоем начали мы выяснять, поскольку это было возможно в окружающей обстановке, кто болен и кто здоров. Список, по нашему мнению, заслуживающих внимания в своих жалобах был представлен в ревком.

Другой раз позвали меня удостоверить, отчего произошла смерть одного солдата, павшего в бою. Труп лежал в подвальном помещении Пушкинского училища, над ним рыдала жена, а колотая рана штыком в горло ясно говорила о причине смерти.

В одну из темных и дождливых ночей нам сообщили, что на Бутиковской фабрике есть тяжело раненые, лежащие без медицинской помощи. Захватив фонарь, носилки и перевязочный материал, идем туда с летучкой. Продвигаться пришлось буквально ощупью, из-за окружающей темноты и грязи. Идем к Крымскому мосту и дальше по набережной до фабрики. Наводим справки, разыскиваем приемный покой. Там действительно есть тяжело раненый пулей в бок рабочий; большое кровоизлияние из легкого не

дает ему дышать. Смертельно бледный, в полусидячем положении, он ловит воздух открытым ртом. Он переодет в чистое белье, перевязан местной фельдшерицей, но его надо немедленно перевезти в больницу. Сейчас, ночью, это сделать невозможно, единственный выход — ждать утра, прислать повозку и перевезти его в 1-ю Городскую больницу. С этим мы и уходим, весьма мало удовлетворенные.

В один из тяжелых и напряженных вечеров борьбы распространился в «столовке» кем-то пущенный слух, что из Дорогомилова идет вражеский броневик, что совет уже эвакуируется в другое место, а медицинскому пункту приказано свернуться. В один момент огни в «столовке» были потушены, и наступила тишина и безлюдье. Мы решаем огней не тушить, вывесить снаружи белый лист с красным крестом, а если будет стрельба в окно — уйти в заднюю комнату и лечь на пол. Через некоторое время удивленные, что если верен слух о приближении броневика, то почему нашему пункту нет официального известия из райкома и совета. Посылаем туда т. Трудко. В это время Царицынская ул., через которую надо было переходить от «столовки» к совету, все время жужжала пулями, посылаемыми юнкерами с Пречистенки. Недолго мы ждали известий: вернувшийся тов. Трудко сообщил нам, что райком и совет на своем месте, не думают никуда уходить, и слухи о броневике ложны. Опять осветилась вся «столовка» и наводнилась людьми, опять заработал там продовольственный отряд.

За время существования нашего пункта нам пришлось оказать несколько раз помощь перевязкой заходившим раненым и на улице, во время обходов. Тяжело раненых мы отправляли в госпитали и в хирургическую клинику.

Первые дни было очень трудно в обеспечении тяжело раненых надлежащим местом и уходом, но вскоре у нас наладилась связь с хирургической клиникой, благодаря д-ру Смирницкой, служившей там ординатором и пошедшей с готовностью помогать революционной борьбе.

Мы пытались вести дневник нашего пункта, но записи были коротки, неполны, велись они карандашом на простом листе бумаги. Но и этот примитивный документ погиб после окончания боев вместе со шкафом, где были медикаменты, в той бурной перетряске, которую претерпела «столовка», когда победа осталась за большевиками.

Мы не знаем точно, сколько было раненых в боях нашего района, называли цифру 400 и 700. Одно мы знаем хорошо, что 10 ноября (по старому стилю) Хамовнический район нес 27 красных гробов в братскую могилу на Красной площади.

Дорогомилово.

Группа дорогомиловцев участников восстания.

Дорогомиловский район по количеству фабрик и заводов и по числу рабочих не велик.

В октябре 1917 г. фабрично-заводских рабочих насчитывалось в районе тысяч 6—7, остальную массу населения составляли ремесленники, работающие дома, беднота, извозчики, рабочие фабрик других районов.

Первые месяцы Февральской революции никто, ни с.-р., ни с.-д., ни большевики не обращали внимания на этот район, и только к.-д. и немного полевее их группы организовали «к-т общественн. организаций», который заседал у попа на квартире. В марте был организован Совет Р. Депутатов. Председателем совета был избран с.-р. Смирнов, секретарем — с.-д. Плядбардес, для формы были проведены в совет т. Федосов и несколько беспартийных рабочих, хотя им особенно не доверяли и часто собрания устраивали без них. Большевики ближнего Хамовнического района почему-то не обращали долгое время внимания на этот район и только в августе раскачались и прислали для работы в совете от партии тов. Голенко-отца, тов. Фаслер — ему в помощники и тов. Голенко-сына—для работы среди молодежи. Вскоре они устроили две-три лекции тт. Ангарского и Смидовича, которые собрали много рабочих и пользовались успехом. С появлением этих тт. в Дорогомилове начались собрания большевиков воедино и организовалась при совете большевистская фракция.

К октябрю в Дорогомилове было человек 50 большевиков, исключительно рабочих и солдат; была организована партийная

школа, которую посещало много солдат из находящихся в районе госпиталей и лазаретов, а также рабочих с фабрик и заводов.

После решения Моссовета об организации Красной гвардии, мы организовали десятка 2—3 и направили тов. Петушкова в МК РКП к тов. Пече, для обучения баррикадной борьбе, добычи нескольких винтовок, и приступили к обучению.

Соглашательский исполком, конечно, не шел навстречу организации Красной гвардии, а меньшевики в своей газете «Вперед» поместили заметку, что в Дорогомилове красногвардейцы разбили цистерну со спиртом, напились пьяными и учинили разбой, чего,

Здание Дорогомиловского совета.

конечно, не было, а когда мы написали опровержение, то его, конечно, не поместили.

Вечером 26 октября в Дорогомиловском совете выбирается ревком, в который вошли тт. Фаслер, Блис, Шломин, Меднис, Панов. С.-д. Кобенков хочет закрыть совет, на основании постановления исполкома. Тов. Панов не выдерживает, выставляет его из совета, а тов. Федосов отбирает наган. Начинают собираться красногвардейцы. Но сейчас же выяснилось, что Хамовники дать сил Дорогомилову не могут, и поэтому приказывают красногвардейцам и ревкому влиться в Хамовники. Ушли почти все: ушел Петушков с 6 винтовками и своими красногвардейцами в Хамовники, ушла т. Фаслер, ушел Голенко-отец в Моссовет и сын в Хамовники. Дорогомилово осталось совсем без оружия.

Утром 27 октября в совете и около группировались рабочие фабрик и заводов и солдаты выздоравливающих команд. Мы раздавали полученную газету «Социал-Демократ» часов до 2 дня.

Потом, на основе распоряжения, стали убирать документы и литературу кто куда, и решили закрыть совет, но часов около 6 вечера было дано распоряжение из Хамовников встретить белогвардейский автомобиль, который должен был пройти в Дорогомилово, но мы его прождали безрезультатно. В то же время товарищи в совете с оставшейся винтовкой и 2 вагонами решили послать группы тт. по 3 человека для отбора оружия на Брянский вокзал у приезжающих офицеров. Отобрали 12 револьверов и 1 винтовку. Привезли в совет 2 офицеров, отобрали у них оружие и, вежливо обойдясь, отпустили. Но часа через 1½ эти офицеры, довольно-таки невежливо, явились с отрядом юнкеров, разгромили совет, порвали знамя, перекрошили всю мебель, все документы поизорвали и разбросали, но дух разрушения, повидимому, не совсем ими овладел: пишущую машинку отнесли наверх к какой-то сестре милосердия; забрали Ванторину, Серегина, Викодорова и др. в плен. Панова побили винтовками, Ванторину отпустили. При нападении тт. попробовали оказать сопротивление, но, конечно, безуспешно, так как в совете вооружение состояло из 3 револьверов и 1 винтовки.

На утро 28 октября перед разгромленным советом собрались рабочие и просто обыватели и требовали его восстановления; к середине дня 28 октября ревком организовался вновь, в составе Ванториной, Фонченко и Федосова; стали прибывать красногвардейцы и солдаты. К вечеру набралось много народу, но оружия не было. Из Моссовета звонят, что можно прислать за оружием людей. Послали солдат из госпиталей и рабочих, но те к ночи вернулись ни с чем, так как оружия в совете не оказалось, а их обстреляли в то время, когда они стояли в очереди за оружием. Все время работала комисия по отбору оружия у офицеров, и поэтому часть удалось вооружить револьверами. Вернувшись в этот день, т. Фонченко сообщил, что в Моссовете можно получить оружие. Тов. Шломин сам вызвался и пошел в Моссовет, автомобиля ему не дали, хотя у нас был таковой, отобранный у юнкеров на Дорогомиловском мосту; дошел до совета благополучно. Там ему дали 75 винтовок, автомобиль, 6—7 ящиков патронов, предложили дать охрану в 20—30 солдат, но он отказался, говоря, что без охраны доедет более незаметно. На Смоленском рынке его задержали юнкера у 5-й школы прапорщиков, допрашивали, ничего не добились и велели бежать. Во время бегства он был убит несколькими пулями. То же проделали и с шофером; ему тоже велели бежать, стреляли в него, но не попали, и он уцелел.

На Брянском вокзале всего рабочих было около 3 тысяч, которые, за исключением службы движения (которые сочувствовали большевикам), были на стороне Викжеля, а большевиков всего было 10 чел. (2 брата Фонченко, Горбунов—умер, Микитко, Горин, Ерофеев — убитый во время взрыва Дорогомиловского совета в 1918 г. и др.) и ряд беспартийных тт., фамилий которых не запомнили. На основании того, что преобладающее большинство рабочих было на стороне Викжеля, общий местком взял под свой

контроль телеграф и телефон, получил было распоряжение от своего ж.-д. района двинуть силы красногвардейцев к Моссовету, но так как для исполнения этого необходимо было снять Дорогомиловский контроль и обнажить железную дорогу, то это не было выполнено. Узнав, что на путях есть вагоны с винтовками, стали разыскивать, вскрывая вагоны и проверяя документы. Было установлено, что как только началось восстание, 5 вагонов с винтовками и патронами было отправлено в Калугу. Вскоре нашли один вагон с винтовками «Ветерис», но без патронов, и несколько катушек колючей проволоки, которой загородили мост. Были получены сведения, что в Москву движется эшелон безоружных ударников. Его задержали в Наро-Фоминской, послали несколько товарищей для агитации. Эшелон был с'агитирован, и только поборники Керенского и к.-д. одиночками пробрались на Брянский вокзал, напали на склад эсеровск. жел.-дор. милиции, из'яли несколько десятков берданок и прорвались за мост, где наскочили на Голенко-сына, который попробовал было их с'агитировать, выбрал от них делегацию и направился с нею в ревком, но офицеры, воспользовавшись отсутствием наших представителей, увели ударников в Александровское воен. училище. Другая группа ударников наткнулась на наш караул на мосту и была возвращена обратно, часть же из них приняла участие в боях плечо в плечо с нами, 6 человек мы посадили в подвал.

С 28 на 29 в ночь была стычка на мосту (вероятно та, о которой доносит прапорщ. Петров, см. в «Творчестве» «Октябрьское восстание в Москве»), и нас действительно разбили. Но утром мы снова собрались. Возможно, что двух красногвардейцев прапорщик Петров и бросил в Москву-реку, так как у нас дралось порядочно солдат из госпиталей, которых мы тогда не всех знали, и взял в плен несколько красногвардейцев, в том числе солдата т. Чечурко (впоследствии начальник Красной гвардии Дорогомиловского подрайона, убит случайным выстрелом в декабре 1917 года).

30 октября к нам прибыла рота солдат 193 полка под командой прапорщика Слуцкого, и началось наступление на 5-ю школу, окончившееся отчасти неудачно, хотя мост был окончательно нами занят, благодаря чему мы связались с артиллеристами, поставившими 2 орудия у Горбатого моста, бившими без промаха по 5-й школе прапорщиков, при чем ни один снаряд не задел даже крыши других домов, несмотря на их скученность. С прибытием в Дорогомилово роты солдат, положение стало твердым и несколько атак юнкеров было отбито, также был сбит пулемет, поставленный на колокольне церкви на Смоленском рынке. Плохо обстояло дело с продовольствием, которое брали из кооператива «Наша лавка», и часть привозили из Хамовнических казарм. Бои закончились у нас после всех, так как юнкера и после перемирия вели бои, и закончились уже в ночь на 3 ноября.

Очерк составлен группой товарищей, работавших в Дорогомилове: *Ванториной, Фаслер, Петушковым и Фонченко.*

Е. ВАНТОРИНА.

Октябрь в Дорогомилове.

Я помню, как 27 октября я пришла в совет часов около 5 вечера, где уже были наши ребята и где я узнала, что восстание неизбежно. Мы, т.-е. большевики, собрали исполком, а он у нас был из меньшевиков и эсеров, которые после нашего об'явления о восстании категорически отказались (за исключением т. Федосова, бывшего тогда еще беспартийным), итти с нами, заявив, что они умывают руки и в восстании не участвуют. После их отказа мы остались одни. Надо отметить, что до момента восстания у эсеров организовывалась Красная гвардия и список записавшихся был вывешен в совете. Но когда они отказались участвовать, то и список был сорван. Утром 28 по улицам стали собираться толпы граждан. Часть фабрик и заводов забастовали в знак солидарности с нами. К моменту восстания у нас по заводам было организовано несколько десятков Красной гвардии, начальниками коих были следующие тт.: Петушков, Федосов, Шломин, Симкин, но оружия имелось всего 10 винтовок, которые по распоряжению Хамовнического района были сданы в Хамовники, а мы, дорогомиловцы, остались, что называется, с голыми руками. Только у трех тт. были револьверы и кем-то из солдат была принесена одна винтовка. Вот и все вооружение Дорогомиловского совета. А по моему мнению, Дорогомиловский район был очень серьезен, как стратегический пункт, ибо там был Брянский вокзал, на который было возможно прибытие войск с фронта, и для белых эта позиция, без сомнения, была важна. Я хочу отметить, что нас, владеющих оружием, было много, но, увы, оружия не было. Вечером с 27 на 28, во время нашего дежурства, нам из Хамовнического совета прислали распоряжение оставить Дорогомиловский совет и явиться в Хамовники, что мы выполнить не могли, благодаря вот чему: во-первых, нам было сообщено из Хамовников, что в Дорогомилово, в целях разведки пройдет вооруженный автомобиль с юнкерами. Дабы задержать автомобиль, мы устроили засаду у Дорогомиловской заставы и баррикады по Дорогомиловской улице, прождав автомобиль безрезультатно часов около 2; автомобиль якобы прошел другой улицей мимо Брянского вокзала, по Дорогомиловскому мосту, никем не задержанный. Возвратившись из засады часов в 11 вечера, мы решили, прежде чем пойти в Ха-

мовники, предварительно вооружиться. С этой целью мы послали несколько товарищей на Брянский вокзал отбирать оружие у приезжающих военных и штатских.

С отбором оружия товарищи очень опоздали. Как сейчас помню, несколько товарищей привели 2 офицеров, которые категорически заявили, что они оружия не отдадут. Их привели к нам в совет, и в совете один из них заявил, что он дает честное слово офицера, что он в Москву обратно не вернется и едет прямо на фронт. Тов. Панов, будучи начальником Красной гвардии, отпустил его с миром, поверив его честному слову. Но офицер на фронт не поехал, а пошел в 5-ю юнкерскую школу и оттуда привел часа через два полроты или больше юнкеров, которые обложили наш совет, повидимому, хотели нас всех арестовать. Но это им не совсем удалось. Часовой, стоявший у двери, успел заметить и крикнул нам: «кругом юнкера». Мы стали выбегать на улицу, и в виду того, что кто-то из убегавших успел погасить свет и на улице была полная темнота, то стрелять было невозможно. Юнкера, встречая нас в дверях, били прикладами. Я успела захватить с собой печать совета, которую боялась оставить, чтобы ее не захватили юнкера и не использовали.

Нам троим удалось пробраться во двор, рассчитав, что через ворота удастся выйти в переулок и мы сможем уйти, но ворота снаружи были уже заняты юнкерами, и нам пришлось спрятаться в конюшне. Двое товарищей залезли на сеновал и тем спаслись от ареста, я же была арестована вошедшими во двор юнкерами. Меня привели в совет, и там меня офицер спросил, узнаю ли я его. Я узнала, это был тот, который дал честное слово. Я ему напомнила его офицерское слово, но он, смеясь, ответил, что не считает нужным сдерживать слово перед хулиганами. Тогда меня вывели из совета, и я увидела, что помимо меня арестовано еще 11 товарищей, из них помню тт. Ницодорович, Серегина. Повидимому нас хотели вести в Александровское военное училище, но, дойдя до Варгунихиной горы, юнкера остановились и, посовещавшись, решили меня отпустить: повидимому, они боялись, что со мной придется долго итти и наши их могут перехватить... Я вернулась обратно. Совет горел всеми огнями. Я решила проверить, нет ли засады юнкеров в совете, или около. Таковой не оказалось. Я прошла во двор и помогла товарищам выбраться с сеновала. Мы втроем вернулись в совет, одного послали на Брянский вокзал, позвонить в Хамовники, что мы разгромлены. Оставшись вдвоем с т. Саруль, мы предварительно устроили баррикаду из столов и стульев у дверей, чтобы белые не могли так скоро ворваться в совет, и стали приводить в порядок наше имущество. Юнкера побезобразничали изрядно: наши знамена топтались ногами, а знамя совета РКиКД было порвано и исколото штыками.

Продежурив до 7 утра, я, оставив т. Саруль в совете, пошла по лазаретам посмотреть раненых после нашей ночной стычки с юнкерами. Таковых не оказалось. Часов около 10 утра у совета

стояла огромная толпа рабочих и солдат из лазаретов, которые очень возмущались поступками юнкеров по отношению к знаменам и умоляли дать им оружие: они пойдут защищать совет от белогвардейцев. Но, увы, оружия не было. В этот момент по зданию совета и по толпе стали стрелять юнкера с Варгунихиной горы. Пришлось товарищей, жаждущих сражаться, послать в Хамовники, а совет закрыть, ибо без оружия в нем делать было нечего. Я тоже отправилась в Хамовники просить подкрепления для Дорогомилова и охраны Брянского вокзала. Но в Хамовниках мне ответили, что подкрепления нет и неизвестно, когда будет, на всякий случай велели дежурить в ночь с 28 на 29. Я вернулась, что называется, ни с чем.

Варгунихина гора с Дорогомиловского моста.

На мосту меня встретили наши ребята, и мы уговорились собраться вечером в госпитале на 2-й Бородинской, который нам предложил т. Шапошников из команды выздоравливающих солдат, для организации штаба. Но помещение оказалось неподходящим и пришлось разойтись. Около 9 ч. вечера я пошла на Дорогомиловский мост, где уже стреляли кое-чем вооруженные красногвардейцы.

По мосту с Варгунихиной горы стреляли из пулемета белогвардейцы, но определенной цели ни у них, ни у нас не было, благодаря абсолютной темноте и проливному дождю. Около 12 ч. ночи из Хамовников пришли тт. Симкин и Фонченко и повели меня с моста на Брянский вокзал отбирать оружие у приезжающих. Во время отбора оружия смотрю стоят на платформе во-

оруженные солдаты. Я было подумала, что это юнкера заняли вокзал и Дорогомилово, но оказалось, что это наши. Это было около часу ночи. Заняв важные пункты вокзала и убедясь, что железная дорога за нами, я и т. Московский, который привел солдат на вокзал 29 утром, часов около 7, оставили Брянский вокзал, предварительно оставив дежурить на вокзале т. Симкина. Около 10 ч. утра я пошла к совету, там меня уже разыскивали из карточного бюро, ибо у меня хранилась печать совета.

В карточном бюро я пробыла часов до 4 дня. За мной прислали, чтобы я шла в совет, который тт. решили открыть. В совете я застала уже т. Федосова и несколько других. Мы тут же решили избрать ревком, в который вошли следующие тт.: Федосов, Фонченко и Ванторина. Перед ревкомом стояли следующие задачи; во-первых, достать оружие, за которым в ночь с 29 на 30 в центр был послан т. Шломин, на обратном пути задержанный юнкерами 5-й школы и растрелянный у Смоленского рынка. Во-вторых, надо было связаться с центром и ближайшими районами, куда были посланы следующие тт.: в центр — Фонченко, в Хамовники — Саруль, на Пресню — Сальников. В-третьих, вопрос о питании Красной гвардии и солдат. Тут нам помог т. Горбунов, председатель железнодорожного кооператива. Через него нам удалось получить из кооператива продовольствие. Если память не изменяет, 30 утром в ревком прибежал тов. Симкин и говорит, что солдаты, которые охраняют Брянский вокзал, хотят уходить, потому что они голодны, и для выяснения положения принуждена была пойти я, потому что в это время остальных членов ревкома никого не было. Пришедши я хотела поговорить с их командным составом, но оказалось, что командный состав заперся в комнате, ибо солдаты так свирепели, что хотели их побить и даже могло быть хуже. Я, поговорив с солдатами, обещала, что попытаюсь достать хлеба, сахар и табак; в этом деле помог мне т. Горбунов. Должна сказать, что у солдат настроение менялось, и часть их себя не очень доблестно вела. Был случай такой. Надо было вести наступление на 5-ю юнкерскую школу. В Народном доме, где было организовано питание, в этот день нехватило второго блюда всем, и опять пришлось с ними толковать и совестить, доказывать, что то питание, которое они получают в Народном доме, оплачивается рабочими, которые действительно собрали 5.000 руб. Это были рабочие Хамовнического завода, на Красном Лугу, и часть железнодорожников и других рабочих с фабрик, которые, несмотря на то, что не работали в то время, помогли не только мужеством, энергией, защитой революции, но и деньгами, чтобы поддержать раненых и солдат, сами же вели себя действительно героями: ни от одного не было ропота.

Жены рабочих тоже были за нас. Когда я пришла брать в так называемой «Нашей лавке» для солдат продукты, то они подняли было крик, но виноват был приказчик, помню, заявивший им, что, мол, совет заберет, а вам не достанется и неизвестно, когда будет

отдано; но после переговоров женщины согласились дать в долг, потому что эта лавка была в роде кооперативной. Кроме этого в Миусском парке удалось достать консервов, за которыми ездили на автомобиле, рискуя быть убитыми т.т. Митраков и Ванторин.

На этом автомобиле проезжало несколько офицеров на Брянский вокзал которых мы обезоружили, а автомобиль у них отняли.

Медицинская помощь раненым (у нас было их только 5 человек, Сахаров, который умер, Баринов, А. Вдо-Вышневский, Цветков, Николай, который был легко ранен) оказывалась ближайшим лазаретом. Для первичной помощи был организован санитарный отряд.

30-го вечером, около 7 ч., были присланы из центра 80 чел. орехово-зуевцев. В этот же вечер часов около 11 тов. Саруль были приведены полроты солдат из Хамовнических казарм для подкрепления Брянского вокзала через Окружной мост.

1-го утром мы наступали на 5-ю школу прапорщиков, но были ими отбиты, потому что они нас осыпали пулеметным огнем. Ночью со 2 на 3 ноября к нам в совет привели двух парламентеров от 5-й юнкерской школы, которые заявили, что они сдаются, рассчитывая на милость победителей и просят, чтобы их отпустили. Но я протестовала, наученная горьким опытом, ибо нами еще не было получено известий, что мир с белыми заключен. Однако скоро пришла т. Саруль из центра и заявила, что мир заключен и бой должен кончиться. Наши товарищи солдаты и красногвардейцы протестовали, говоря, что мир заключен очень некстати, и мы могли бы победить, ибо уже имели оружие.

С. В. САВИН.

Октябрь 1917 года в Хамовниках.

Октябрьские события в Хамовниках так же, как и в Москве вообще, с неизбежностью приближались. На всех главнейших предприятиях меньшевики и эсеры были отозваны из советов и заменены большевиками. Повсюду организовалась охрана предприятий, а также же приступили к организации Красной гвардии. Настроение рабочих было боевое, забастовку можно было об'явить в любую минуту.

Работал я в это время в Уваровском, ныне Артамоновском, трамвайном парке, секретарем месткома и секретарем ячейки большевиков парка; в то же время был членом райкома, райисполкома и районной думы Хамовнического района.

Штаб Красной гвардии помещался в канцелярии «Земпалатки», в фанерном бараке, в саду Немчиновой. В штабе хранилось оружие в количестве 3 винтовок. Теперь от этих легких фанерных построек не осталось и следа, в то время их было на Царицынской площади очень много.

Время было чрезвычайно тревожное. На предприятиях было установлено дежурство в ячейки большевиков по охране предприятий. В штабе Красной гвардии также было установлено дежурство членов райкома и активных товарищей. Районным штабом Красной гвардии было командировано на грузовике несколько товарищей во главе с тов. Страховым, рабочим завода Второва, в Кремль за оружием, Страхов был задержан юнкерами, и таким образом оружия получить не смог. В ночь на 26 октября, мне с тов. Метловичем, рабочим Земпалатки, пришлось дежурить в штабе. Часов в 10 вечера, к нам для связи пришло 3 товарища из Дорогомиловского подрайона, в том числе активный работник Дорогомилова тов. Петушков.

Около 11 часов ночи мы по телефону были вызваны с оружием покойным Савельевым в помещение совета, угол Хамовнического переулка.

Взяв винтовки, все 5 чел. направились в совет. По пути тов. Метков вызвал из квартиры тов. Окорокова, рабочего завода «Каучук», который лично имел винтовку-карабин русского образца.

Зачем нам было приказано явиться в совет с оружием, нам было неизвестно. Придя в совет, мы там застали человек 10 рабочих разных предприятий, кроме этого, там был Савельев и его брат Шелехес из 193 полка.

Тов. Савельев информировал нас о том, что ожидается ночью захват белыми Зубовской площади, а затем и совета. Прежде всего не доставало оружия и людей. Было решено отправиться в Хамовнические казармы в 193 полк за оружием и по телефону вызвать с предприятий дежуривших там рабочих.

Тов. Шелехесу, с большим трудом, под его ответственность, удалось получить в полку 15 винтовок, а за это время собралось 25 человек рабочих, готовых защищаться с оружием в руках. Но тут же было обнаружено новое препятствие: большинство рабочих не умело обращаться вовсе с винтовкой. Нашлись инструктора, и тут же в здании совета начались занятия и обучение элементарным приемам обращения с винтовкой. Дело оказалось не безнадежным, заряжать и стрелять быстро все научились. Приступили к распределению сил: 10 человек было направлено на Зубовскую площадь, двое поставлено на пост у дверей совета, а остальные — в резерв.

Мне пришлось быть в резерве. Около 2 часов ночи, в одной из комнат совета резерв отдыхал в ожидании смены товарищей, бывших на посту. В 5 или 6 часов утра нас разбудили и отпустили по предприятиям, так как посты были сняты, пока что совсем, в виду того, что ночь прошла спокойно.

Тревога этой ночью была как бы предварительной репетицией предстоящих событий. День 26 октября был в районе относительно спокойным, т.-е. бои еще не начинались, но это было в полном смысле затишье перед бурей, которая могла разразиться в каждую минуту. Кремль был окружен юнкерами. Штаб Красной гвардии был окончательно перенесен в совет, и непосредственное руководство подготовкой восстания перешло в руки ревкома, который тут же заседал в совете. Погода была пасмурная, но сухая. По улицам бешено носились автомобили и извозчики с вооруженными офицерами. Они везли покрытые рогожами винтовки, пулеметы и патроны. Было видно каждому, как они готовятся к расправе с рабочими.

К 4 или 5 час. дня, линия трамваев № 34, 17, 4 и др. прекратили работу. Линии трамваев «А» и «Б» продолжали еще работать. Я несколько раз ходил в разведку по Пречистенке, наблюдая за расположением юнкеров. Примерно, в 6 час. вечера юнкера выдвинули свои посты к Музею Искусств и Храму Христа по Волхонке. Юнкера медленно редкой цепью приближались к Пречистенским воротам, по обеим сторонам улицы, никого не пропуская в центр. В штабе округа в форточку окна, выставив дуло, стоял пулемет. В под'езде штаба, за стеклянной дверью, завешенной плакатами, было полно вооруженных винтовками юнкеров. Юнкера подошли к Пречистенскому бульвару. Трамвай «А» прекратил работу.

Интересуясь, что делается в Кремле, где находился в плену Страхов, я решил пройти минуя Храм Христа, через Каменный мост правой стороной реки и взглянуть на Кремль через реку. Это мне удалось. Со стороны Москвы-реки, я ничего не заметил, несмотря на то, что прошел до Москворецкого моста. Пройти на Красную площадь было нельзя вследствие того, что кремлевская сторона моста была занята юнкерами. На обратном пути у Каменного моста был встречен и обыскан юнкерами. В Хамовники, через Каменный мост меня не пустили и предложили итти через Крымский. Делать было нечего, пришлось итти. Не без труда, в темноте, по грязи набережной добрался я до Крымского моста. Здесь меня встретила застава красногвардейцев Замоскворечья. И, несмотря на все мои доводы и просьбы, в Хамовники, через Крымский мост не пустили Оставался один выход — ночевать в Замоскворечье, но где—неизвестно. Решил пойти в Замоскворецкий трамвайный парк. По пути на Шаболовку, я видел, как Красная гвардия Замоскворечья строила на Калужской площади передвижные окопы из кип хлопка. В парк меня долго охрана не пускала, было уже поздно, но наконец, я упросил позвонить в Уваровский парк, после чего не без подозрения меня впустили и предложили ночевать в пустом помещении клуба.

Ночью на 27 послышались вначале редкие отдаленные выстрелы, затем выстрелы приближались и становились чаще. Рано утром ружейная трескотня началась со всех сторон. Это шла борьба между белыми и красными за овладение Крымским мостом. Я переправился через Москва-реку на лодке к Хамовническим казармам.

Придя в Уваровский парк, я слышал, как с гордостью некоторые рабочие, участники боя, рассказывали о том, как они отбивали у юнкеров Крымский мост. До октября Уваровский парк был местом постоянных боев; все политические партии, начиная от анархистов — Гордина, и кончая правыми эсерами — Майхстрохом. Кончилось дело тем, что все были выгнаны за ворота, но большевики Ангарский и Ставрович пользовались громадной популярностью и авторитетом.

Перед октябрем, в парке, в ячейке большевиков, было несколько десятков человек и столько же красногвардейцев. Все организации парка работали под руководством ячейки большевиков. Эсеровской городской думе было пред'явлено требование об увеличении зарплаты. Затяжка удовлетворения нервировала рабочих, дело неоднократно доходило до неорганизованного выступления.

Решения городской конференции большевиков возлагали на ячейку обязанность использовать настроение тогда, когда это будет нужно. Это стоило больших трудов.

Утром 27, в парке на общем собрании было решено принять участие в вооруженном восстании. Местному Комитету было

поручено составлять ежедневно наряд на дежурство днем и ночью по двести человек (по сто мужчин и женщин, всего же в парке было около 2.000 человек).

Днем этого числа шла всюду перестрелка; на Смоленском бульваре, на Пречистенке и на Крымской площади. В районе Девичьего поля отряды красногвардейцев и отдельные товарищи разоружали офицеров и генералов и приводили их в ревком, задерживали грузовые и легковые автомобили и передавались также ревкому. В самом ревкоме велась энергичная работа по распределению бойцов, получалось и распределялось оружие, выдавались пропуска, ордера на обыск, обучали обращению с винтовкой,

Артамоновский трамвайный парк (быв. Уваровский).

регистрировались вновь прибывающие солдаты и рабочие, выслушивались доклады разведки, велись дознания задержанных. Маленький дворянский особнячок ротмистра Судейкина превратился в людской муравейник. Было видно, как Хамовники на-ходу ежеминутно крепнут, организуются и вооружаются, и что они не только могут обороняться, но и наступать.

Уваровский парк, обладая значительным количеством рабочих, средствами передвижения, находясь в центре рабочего района, превратился в некоторого рода базу снабжения и вооружения. Это об'ясняется еще тем, что парк был непрерывно связан со всеми революционными организациями.

Представители парка были и в ревкоме, и в райкоме, и в райисполкоме, и управе районной думы. В парке для непосредственного руководства всеми средствами, которыми он располагал, и его работой было установлено дежурство большевиков, членов месткома.

Ночью перед наступлением на штаб округа, из ревкома по телефону, из парка потребовали прислать всех наличных рабочих, способных владеть оружием. Дежурным был я, Дрожжин и Пупунин. Быстро отобрав рабочих, направились в ревком. В ревкоме нам сообщили, что сейчас начнется наступление на штаб округа на Пречистенке и Остоженке, в котором мы должны принять участие. Всем прибывшим рабочим винтовок не хватило. Я и Дрожжин схватились за одну винтовку, но после некоторого спора винтовка осталась у меня. Под руководством тов. Туманова рабочего-портного «Земпалатки», двинулись цепью, прижимаясь к стенам домов на Зубовскую площадь. Была еще темная ночь, шел мелкий дождик, было грязно и сыро, с крыш домов капали холодные дождевые капли воды, попадая за воротник пальто.

На Пречистенке шла перестрелка между заставами красных и белых. Мы слились с нашей цепью заставой, которая вела перестрелку. В первых рядах цепи с одной и с другой стороны улицы выстрелы стали чаще и стройней. Это началось наступление. От тумбы к тумбе, от одного угла к другому мы стали двигаться вперед, стреляя беспрерывно, стараясь использовать всякое прикрытие. Было видно, что белые отступали, но старались отбить наступление. Пули жужжали, как пчелы, они с визгом ударялись о мостовую, тротуар, стены домов и чугунные мачты трамвая и летели рикошетом во все стороны. В это время было трудно где-либо укрыться от неприятельских выстрелов, так как они стреляли с крыш и из окон домов и чердаков.

Впереди меня было трое солдат, а позади — тов. Пупунин.

У Троицкого переулка, который мы обстреливали, нас нагнали Лысов и Дрожжин. Лысов переулком направился на Остоженку, Дрожжин остался с нами. Начинало светать, но наступление все продолжалось.

Вот мы уже близко от Полуэктова переулка, и из-за массивных колонн дома стреляем по направлению к Мертвому пер. Первые ряды нашей цепи остановились, белые начали стрелять из пулемета. Пули равномерно падали на мостовую и тротуар у самых наших ног, выбивая красные искры огня. При свете наступавшего дня мы не могли устоять против пулеметного огня. Была дана команда, медленно отстреливаясь, отступать на исходную позицию к Зубовской площади.

За эту дерзкую попытку захвата штаба, юнкера, очевидно, решили с нами расплатиться. До обеда наш район был обстрелян из легких орудий или из бомбомета. Снаряды падали на площадь около совета, попадали в стены парка и в детскую клинику имени Хлудова, а до наступления темноты с крыши какого-то дома из пулемета было обстреляно помещение ревкома. После этого ревком был вынужден переехать вначале на фабрику бывш. Жиро, а затем в Хамовнические казармы.

С 30 на 31 октября, в 2—3 часа ночи, я был вызван из парка по телефону в ревком, в Хамовнич. казармы на совещание. Пред-

седательствовал на совещании т. Саврасов, присутствовали 2 прапорщика, З. П. Соловьев и солдат по фамилии, кажется Тандитный. На совещании был разработан план наступления на Смоленский рынок и Арбат.

Нам было поручено забронировать два вагона трамвая, с помощью которых предлагалось наступать. Поручение ревкома уваровцами было выполнено, но при наступлении вагоны были выведены из строя, не вступив в бой, перерывом белыми воздушных проводов. Наступление в целом было не удачно. Наступавшие были разбиты и частью остались в тылу неприятеля, попрятавшись по чердакам. Это был, мне кажется, один из критических моментов района. Думали, что белые при помощи броневика захватят район.

Ревкому, очевидно, приходилось обращаться за помощью к различным организациям, так как в Хамовническом районе было сосредоточено большое количество белых. Тут и Штаб округа, и Александровское военное училище, и 5 школа прапорщиков, к тому же район был аристократический и проживало много офицеров, оказывавших содействие юнкерам.

Перед такой силой контр-революции своими силами устоять было трудно.

Днем прибыли на Хамовнический плац артиллерийские орудия, а вечером группа иваново-вознесенских рабочих. Артиллерия приступила к обстрелу Александровского училища и штаба округа, это ободрило всех и подняло упавшее настроение после неудавшегося наступления красногвардейцев, солдат и рабочих. Ревком решил с наступлением темноты перекопать все улицы района, по которым может двигаться броневик по направлению к зданию совета. Кондуктора и вожатые запаслись ломами и лопатами, готовились к рытью окопов. В парк приехали Ангарский и Лысов. Привезли какой-то ящик и поставили на стол в месткоме. Тут же приступили к вербовке товарищей, готовых итти встречать броневик с бомбами. Охотники нашлись быстро. Началось ознакомление с бомбами. Было назначено несколько постов по два человека. Мне пришлось быть в паре с т. Пупуниным. Темная, дождливая, страшная последняя ночь... Стоим мы на углу Трубного и Долгого переулков нас два санитара с носилками. Идет мелкий дождик. На Зубовский площади и Смоленском бульваре стреляют беспрерывно пачками. Эти залпы как бы говорят: — «хотя наступление не удалось, но мы еще сильны и готовы продолжать борьбу».

В переулках — ни души, лишь только какой-то случайный или сознательный луч света падает на нас; это нас страшно нервирует. Невидимая рука искала нас, когда мы отходили несколько в сторону. Но делать было нечего. Стрелять из револьвера в то окно, из которого падал луч, было бессмысленно, так как окно находилось на значительном расстоянии, бросать бомбу — тоже.

Это мучительное и напряженное ожидание броневика продолжалось часов до 11 ночи, и вдруг... с большой силой над нами что-то рвануло железо крыш, неожиданно для нас. Санитарный пост, бросив носилки, бежал по направлению к Девичьему полю. Через несколько минут что-то с большой силой взорвалось. Мы пришли к заключению, что кто-то стреляет шрапнелью. Через несколько времени последовало еще два выстрела.

Ружейная стрельба не прекращалась. Несколько позже пришел Лысов, снял нас с поста и повел в студенческую столовую, что на Девичьем поле. Здесь нас угостили горячей картошкой в мундире и сообщили нам, что белые подписали мир, мы не поверили. Через несколько времени пришел т. Голенко и прочел условия договора. Этому не верил никто, было решено не бросать позиций до утра. Нас с т. Пупуниным отпустили, и мы направились в парк.

Утром 3 ноября нас несколько человек прошло по Остоженке и Пречистенке, где у штаба были кладушки дров, а затем по Пречистенскому бульвару к Арбатской площади... Против здания Александровского училища мы увидели груду винтовок. Это юнкера сложили оружие. На Остоженке мы встретили значительную группу человек в 20 красногвардейцев Замоскворецкого района. В момент нашей встречи, недалеко от штаба округа, против Савеловского переулка, раздалась команда стрелять по дому. Дом был обстрелян, говорили по причине выстрела из окна, но мы несколько недоумевали в чем дело.

Так, в общих чертах, проходили и оканчивались Октябрьские дни в Хамовническом районе. Останавливаться на отдельных деталях и подробностях здесь нет возможности.

В заключение считаю необходимым отметить энергичную деятельность небольшой по количеству группы революционной большевистской интеллигенции, работавшей до Октября в Хамовническом районе. В числе их я хорошо помню были Н. С. Ангарский, З. П. Соловьев, Саврасов, Ставрович, Савелов, Боголепова, Иванов, И. И., Погосьянц, Миткевич, Попова, В., Фаслер и Савросова. Они своей повседневной работой воспитывали классовое сознание рабочих района, они подготовляли и организовывали борьбу и победу Октябрьской революции. Они первые взяли на себя инициативу об'единить вокруг себя все, что есть здорового и революционного среди рабочих, организовать районную большевистскую партийную организацию и ударить по всем противникам. Только при помощи их передовые рабочие массовики смогли выполнить свою героическую роль.

Каучуковцы в Октябре.

После февральской революции завод «Каучук» попал всецело под руководство большевиков. Первым партийным организатором и агитатором на заводе явился Владимир Иванович Иванов. Явился он к нам вскоре после февральской революции с целой кипой большевистской литературы. В таком виде запечатлелась в памяти рабочих фигура тов. Иванова. Был он у нас первое время, что называется, за одного: и агитатором, и организатором, и пропагандистом...

Влияние партии было настолько сильно, что из 500 рабочих завода 300 записались в партию, а остальные 200 сочувствовали. Лишь несколько меньшевиков и конторских служащих были не с нами. Меньшевики никаким влиянием на заводе не пользовались, а эсеров и анархистов на заводе совсем не водилось.

Для иллюстрации влияния партии в этот период достаточно указать на участие рабочих «Каучука» в демонстрации в июльские дни. Во главе с Хамовническим райкомом рабочие направились к бывшей Скобелевской площади с грозными для буржуазии плакатами: «долой десять министров-социалистов» и «вся власть Советам». На Арбатской площади нам пришлось сцепиться с офицерами, пытавшимися уничтожить наши знамена. Но мы их отстояли и торжественно пронесли их по Тверской сквозь строй буржуазии, стоявшей шпалерами на тротуарах и неистово улюлюкавшей, свистевшей, визжавшей и отплевывавшейся... Это был незабываемый наглядный урок поистине звериной злобы буржуазии против рабочего класса.

Октябрьские дни застали рабочих «Каучука» вполне политически созревшими и сорганизовавшимися. Подготовка к Октябрьскому восстанию происходила под руководством следующих наших активных товарищей-рабочих: Юревича Эдуарда, Зубарева, Лайвы, Дарзнека, Закиса, Булимова, Каспирович, Каризно и Соловьева. Последний в то время был еще «об'единенцем» формально, но фактически шел и работал с нами, за что и был, в конце-концов, исключен из партии «об'единенцев». Часть этих товарищей постоянно находилась в организованной связи с райкомом.

Накануне Октябрьского восстания в Москве на заводе явно было заметно боевое настроение под влиянием питерских изве-

стий... Сомневаться, что рабочие примкнут к постановлению МК о восстании не приходилось. В 11 час. утра явился из района т. Юревич с постановлением МК и райкома. Созванный заводский комитет без прений принял решение об'явить забастовку и примкнуть к восстанию... Через четверть часа эта весть облетела все мастерские, и рабочие явились на общее собрание. Никогда не забыть этого спокойного, сосредоточенно-серьезного собрания... Дело было ясно, и говорить было некогда... Надо действовать... Общее собрание избрало революционную тройку в лице т.т. Лазды, Булимова и Зубарева, на которых возложило обязанности по орга-

Группа участников восстания (Завод „Каучук").

низации боевых отрядов, транспортных средств и санитарной помощи... И тут же, не расходясь с собрания, рабочие разбились на десятки... Было постановлено, чтобы на заводе постоянно находился дежурный отряд в 50 человк и все начальники десятков... Каждый начальник знал адреса своего десятка и обязан был их собирать по первому требованию. Оружия на заводе не было, за исключением 12 старых австрийских ружей, полученных как-то для охраны завода... Конечно, эти ружья были сейчас же разобраны. Забрали и кирки с лопатами для рытья окопов. До получения оружия из ревкома, которое попало к нам только к вечеру второго дня восстания, рабочим приходилось вести борьбу своими

средствами: у кого был револьвер, кто сумел реквизнуть у буржуя или отобрать у пленного юнкера или офицера...

Боевые действия каучуковцев начались с разведки в районе Смоленского бульвара и Пречистенки. Под первый обстрел каучуковцы попали при разведке в Левшинском переулке: стреляли из белого большого дома № 10. Разведка обнаружила наиболее опасные пункты, это: штаб московского военного округа на Пречистенке, Александровское военное училище на Арбатской площади, 5-я школа прапорщиков и некоторые дома. Главным районом действия каучуковцев была Пречистенка. Но некоторым каучуковцам приходилось работать и в районе Смоленского и Зубовского бульваров с прилегающими к ним переулками, а также на Плющихе и на Крымской площади. Работали преимущественно десятками под командой своего же начальника десятка. Рыли окопы (на Пречистенке, возле Зубовской площади, на Плющихе и др.), ходили в разведку и патрулями, производили обыски в буржуазных домах... Каждый десяток получал определенную боевую задачу. Разумеется, часто бывало, когда десятки, ориентировавшись на месте, расширяли свое задание или совершенно изменяли его.... Связь все время поддерживалась с райкомом через заводскую революционную тройку. Постоянный обстрел наших патрулей и разведчиков почти со всех буржуазных домов в первые дни восстания заставлял товарищей быть очень осторожными: пробираться, крадучись, по стенам домов и всячески изловчаться.

Поверять десятки приходилось большей частью ночью: их месторасположение, сколько они за день успели продвинуться, сколько обыскали домов и сколько отняли оружия. При этом нередко приходилось обнаруживать свои десятки между двух огней: займут, например, какой-либо переулок или окоп, а в тылу их тоже окажутся белые. Особенно опасная работа досталась тем каучуковцам, которые вели борьбу со штабом военного округа, где засели юнкера.

Первый день восстания был особенно тяжелым в виду полной неизвестности боевых операций и настроения в 193 полку, расположенном в Хамовнических казармах. В первый день к нам присоединилась только одна рота. На второй день настроение улучшилось под влиянием присоединения к нам и других рот полка (правда, многие солдаты в Хамовнических казармах держались пассивно, но это нас не печалило). А на третий день вечером, когда к нам прибыла артиллерия (принятая, было, нами сначала за белую) и открыла огонь с площади Хамовнических казарм по юнкерам, настроение наше стало уверенным. Но зато уверенность эта отразилась отрицательно на дисциплине; с третьего дня рабочие начинали «шабашить» с 11 часов вечера и заваливались спать до утра.

В связи с действием артиллерии необходимо отметить помощь нашего каучуковского рабочего, товарища Юревича, вызвавшегося доставить для артиллерии снаряды. Ему пришлось отправиться

пешком к Сухаревке, чтобы достать грузовик и наряд в загородный артиллерийский склад. Это опасное поручение т. Юревич выполнил ночью, рискуя быть подстреленным как белыми, так и своим по ошибке. Тов. Юревич доставил, кроме снарядов, и ручные гранаты, которые нам очень пригодились.

Помимо боевых действий завод «Каучук» был базой автотранспорта для ревкома, обслуживая своим автоимуществом (шинами, покрышками и бензином). Все автомобили, как свои, так и реквизированные, стояли у ревкома. Кроме того, были использованы и лошади завода для доставки продовольствия.

Женщины-работницы «Каучука» были заняты преимущественно санитарной работой в студенческой столовой, где был санитарный пункт. Но, бывало, ходили и в разведку. Например, Каспирович с одной работницей и мальчиком Юнелевичем были посланы тов. Розановой проверить слух, верно ли, что Александровское училище сдалось... Слух оказался неверным, и все трое попали в плен, откуда т. Каспирович только при помощи хитрости удалось скоро освободиться, прикинувшись обывательницей.

Нельзя не отметить также и некоторых случаев паники. Например, охранявшие Ружейный переулок каучуковцы заметили прорвавшийся на Плющиху броневик юнкеров.

— Эх, пропало дело! — решили наши.

— Надо утекать!

Однако, броневик, напоровшись на окоп на площади, где впоследствии помещался Хамовнический совет, повернул обратно.

Пять дней длилось восстание.

Рабочие «Каучука» твердо держались, всецело доверяясь ревкому в лице тов. Саврасова, Савельева, Ангарского и других.

На «Каучуке» хранился и архив райкома, что служит лучшим доказательством полного доверия партии к рабочим «Каучука». Это взаимное доверие и организационная связь между партией и рабочими «Каучука» осталась крепкой и до настоящего времени и, надеемся, никогда не ослабнет...

Она связана общими страданиями и жертвами в Октябрьские дни и закреплена нашей общей победой.

Слава боровшимся товарищам!

Вечная память павшим в Октябрьскую революцию!

Насколько удалось нам выяснить, во время восстания были ранены следующие товарищи-каучуковцы: Козловский, Закатов, Пыркин и тов. Эмилия (фамилии которой установить не удалось).

Группа старых каучуковцев.

М. ЗАБОРОНОК.

Воспоминание об Октябре.

Приближаются дни Октября, Октября, принесшего великую победу пролетариату.

Как-то невольно всплывают в памяти некоторые живые эпизоды тех дней, участником которых я был вместе с другими товарищами.

На мою долю выпала важная в то время работа по продовольствию. До октябрьского переворота продовольственные отделы были при районных управах. Хамовническая районная управа помещалась в б. ресторане «Москва» на Смоленском рынке. Работать в районной управе я начал только в октябрьские дни. Еще в самом начале событий в Москве, когда до Москвы доходили только слухи о начинавшейся революции в Ленинграде, тов. Богомолов, один из членов управы, предложил мне принять участие в работе по продовольствию. И вот на другой же день тов. Богомолов дает мне задание пробраться в центр, в городскую думу, получить ордера на продовольствие. Зав. распределением, коему вначале была поручена эта задача, отказался от нее, об'яснив, что это невыполнимо, так как уже в центре были юнкера и уже началась перестрелка. Было 6 часов вечера. На улицах баррикады, патрули юнкеров. У Арбатских ворот меня задерживают и приводят в штаб юнкеров, который помещался в Художественном кино-театре на Арбате. Привели к самому начальнику штаба. Это был совершенно молодой жандармский полковник. Он очень подозрительно отнесся к моему решению пробраться на Красную площадь. Долго расспрашивал, интересовался что собой представляет районая управа, ее руководители. И, наконец, все-таки выдал мне пропуск за своей подписью. Имея такой документ на руках, я беспрепятственно добрался до цели. Но, к сожалению, там уже никого не было. Пришлось вернуться обратно в райуправу ни с чем. С тем же пропуском я на другой день, рано утром, смог пройти до городской думы и получить ордера на муку.

Вспоминаю налет юнкеров на нашу управу. Было 11 часов дня. Вдруг к нам в помещение врывается группа юнкеров во главе с подпрапорщиком. Обошли все комнаты. Заглянули и в кабинеты наших членов управы, в одном из которых были врачи, сестры милосердия и тов. Соловьев. Последний был с повязкой красного

креста на руке, что доказывало принадлежность его к санотряду. В управе помещался санитарный отряд, который имел два назначения: одно — прямое, второе — отвлечь и скрыть нашу деятельность. Не найдя ничего подозрительного, они ушли. Но через несколько минут врываются обратно и направляются прямо к кабинету тов. Соловьева. Но его уже не было. Он после первого посещения юнкеров счел необходимым скрыться, и, повидимому, не напрасно. Нужно полагать, что его выдал кто-то из своих же сотрудников. Его долго искали. Но он уже переменил свое местопребывание. Да и нам в скором времени пришлось всем перебраться в Уваровский трамвайный парк.

С этим подпрапорщиком мы еще раз встретились на другой день. Был уже вечер, а с продовольствием обстояло очень не важно. Отовсюду являлись представители, справляясь, получат ли они сегодня хоть что-нибудь для того, чтобы успешно довести начатое дело до конца. Мука имелась только на Интендантском складе, доставленная туда раньше, но это был запас, который имели в виду на крайний случай. Для организации распределения и транспортирования тов. Лебедев предложил и нам, части сотрудников, явиться туда. Прибыв туда, застали уже лошадей возчика Трофимова, который, как ни странно, в то время оказывал большую помощь своим транспортом. Там уже были и т. Богомолов и Лебедев. Возчики совместно с нами погрузили около 25 подвод, мукой, которую предстояло ночью же развезти по пекарням, чтобы население утром могло получить ценные тогда ¼ ф. хлеба. Но началась довольно сильная перестрелка и часть возчиков отказались ехать с нами, в особенности в район Дорогомилова. Мы решили их заменить. И вот мы отправились. Несколько раз нас задерживали. Часть муки попала к юнкерам, но все-таки мы добрались до цели. Было как-то жутко, ночью за Дорогомиловской заставой, где не было ни души, и даже булочники не скоро открывали ворота, чтобы разгрузить подводы. Мы совершенно вымазавшись в муке, по колено в грязи, мокрые от дождя, далеко за полночь, развезли муку по пекарням. Подводы сдали там же в Дорогомилове Трофимову и возвращаемся втроем: я, тов. Любимов и Радзько. На Дорогомиловском мосту нас задерживает патруль красногвардейцев. Пред'явили документы и об'яснили причину столь позднего пребывания на улицах; нас хотели пропустить. Но одному из них, в матросской форме, мы показались почему-то подозрительными, и он нас решил проводить до районной управы, чтобы убедиться в правильности наших об'яснений. Когда мы прошли мост и поднялись к Смоленскому рынку, к нам выскочил отряд юнкеров 5-й школы прапорщиков, которая помещалась в Смоленских переулках. Нам предложили бросить оружие на землю и поднять руки вверх. Оружия у нас не было, только у матроса, сопровождавшего нас, была винтовка. Почему-то тов. Радзько стало смешно, не то смешным показалось, что даже после тщательного обыска нас заставили итти все же с подня-

тыми руками, или же, что по задержании Красной гвардией нас задержали юнкера. Но все-таки он улыбнулся и за эту улыбку получил прикладом в спину. Нас провели в комнату, где были дежурный офицер и еще один уже знакомый нам подпрапорщик. Сопровождавшего нас матроса тут же вывели и расстреляли. Нас же очень долгое время допрашивали и, несмотря на то, что мы об'ясняли, что нашей задачей было доставить в пекарни муку, что доказывал и наш вид, нам, повидимому, не совсем доверяли. Несколько раз мы слышали фразу, произносимую подпрапорщиком, что довольно допросов, нужно приступить к делу. Он ходил с револьвером в руках и вызывал несколько раз офицера в другую комнату. Как потом мне об'яснила женщина-врач, бывшая в этой школе врачом и присутствовавшая при нашем допросе, этот подпрапорщик считал необходимым и нас отправить туда же, куда был уже отправлен матрос. Она же мне говорила (с ней я встретился потом случайно, когда она была врачом Штаба Реввоенсовета), что ей принадлежит честь спасения нас от этой участи. Наша молодость, как она говорила, побудила обратиться с просьбой к офицеру освободить нас. И вот в сопровождении двух юнкеров нас проводили до управы, где мы могли спокойно отдохнуть после пережитого. Было уже утро. Жестокость подпрапорщика и такую подозрительность при нашем аресте эта женщина-врач об'яснила тем, что незадолго до нашего ареста ими были задержаны 2 большевика, один из которых при обыске выхватил револьвер и выстрелил в упор в подпрапорщика, но промахнулся. Конечно, оба были расстреляны.

Нельзя не отметить, что для Хамовнического района эта 5-я школа прапорщиков была белым фортом, который все время препятствовал работе по бесперебойному снабжению продовольствием населения и боевых отрядов и мешал успешному развитию наших операций, не давая возможности связаться с Красной Пресней, что было очень важно.

Вспоминаю картину наступления на эту школу, организованного и не плохо проведенного нашими отрядами. Одновременно было начато наступление с Хамовников, с Дорогомилова и с Красной Пресни. Подошли вплотную к зданию школы. Были подвезены даже орудия. Как будто бы настал момент сдачи. Но вот, вдруг появляется грузовой автомобиль, на нем 2 пулемета и несколько юнкеров Александровского училища. Беглый огонь пулеметов заставил наших отступить и, таким образом, сдача школы была отсрочена. Упомянутая женщина-врач рассказывала, как юнкера уже решились сдаться, но один из юнкеров предложил добраться до Александровского военного училища и просить помощи; ими и был отправлен этот автомобиль.

Несмотря на все трудности, благодаря энергии руководителей и сотрудников, все же в эти дни в Хамовническом районе население и наши боевые штабы снабжались продовольствием. И, конечно, это сыграло не малую роль в достижении победы.

В. ПОПОВА.

В Октябре.

Перед Октябрьскими днями, с августа 1917 года, я работала в Хамовническом районе «партийным профессионалом» в качестве организатора и агитатора.

С утра до поздней ночи напряжение, партийная горячка организационной работы на фабриках и заводах, в рабочих общежитиях, в ротах 193 полка (расположенного тогда в Хамовнических казармах), каждый день проходят десятки митингов, докладов бесед. Партия от мала до велика в работе.

В воздухе носился вызов, смелый клич сплотиться и готовиться к великим событиям. Никогда, кажется, еще за все время не было таких многолюдных фабричных митингов, на трибунах которых бились, как бы репетируя в словесной форме, ожесточенные бои раз'яренных врагов, которые уже на завтра должны были перейти от слов к оружию.

Можно ли говорить об искусственном подогревании большевиками настроения на фабриках и заводах? Напротив, нам казалось необходимым несколько сдерживать, накоплять безудержную энергию рабочих, недовольство и озлобленность которых, казалось, раньше времени готовы были хлынуть через край переполненной чаши долготерпения. Мы говорили о необходимости серьезной боевой подготовки, полного сознания ответственности момента, о предстоящих жертвах и о длительной тяжелой борьбе.

У нас в Хамовниках, как и в других районах, снова приступили к организации Красной гвардии на всех фабриках и заводах. Кроме партийных, все больше и больше в Красную гвардию входили беспартийные рабочие, и не только мужчины, но и женщины. Однако, обучение рабочих затруднялось, не было оружия, нехватало опытных инструкторов. Организаторы Красной гвардии (Липицкий, Юревич, Савельев) были неутомимы в поисках оружия, патронов и инструкторов, и скоро у них, всюду были искренно преданные, любившие свое детище, Красную гвардию, свои товарищи, горячо взявшиеся за дело.

День за днем атмосфера сгущалась, каждый готовился на завтра...

Очередные перевыборы районного совета дали нам полную победу: рабочие и работницы всюду проводили большевиков, классовый инстинкт подсказал, что близится такой момент, когда руководящая головка рабочей массы должна быть большевистской.

Наша партия оказалась вместе с революционерами беспартийными в исключительном большинстве — мы диктовали: исполком и президиум районного совета состояли теперь из большевиков и одного об'единенца (женщины Розенблюм, тепер коммунистки). Вместо меньшевика Николаева, злостного его сотоварища интеллигента, кажется юриста Плескова, председателем совета был избран рабочий Уваровского парка — Лихачев и заместителем его тов. Саврасов. Моя кандидатура была выдвинута в секретари совета вместо т. Вартанова. Это было совсем за несколько дней до 25 октября, кажется, 20 — 21 октября.

На первом заседании нового президиума совета уже без особых конспираций, как законный член данного собрания, восседал тов. Ангарский, организатор района, член МК. Это было в малюсенькой комнате налево, при входе в белый исторический домик в районе, угол Зубовского проезда и Хамовнического переулка, где все время в 2 — 3 комнатах помещался районный совет и комитеты партий (большевики, меньшевики, эсеры, об'единенцы).

Теперь в порядке дня президиума совета открыто стояли вопросы организации Красной гвардии, вооружения рабочих районов и т. д.

Итак, наш район уже одержал первую моральную победу: крепость, возвышающаяся по пути к цели, пала: в районном совете большинство в руках подлинных революционеров, а так как районная дума в Хамовниках к тому времени была также большевистская, то ясно, что фактически власть в районе была в руках большевистского совета. Так было в районах г. Москвы.

Партия призывала открыто к вооруженному восстанию.

Наш район получил извещение об этом на заседании пленума районного совета 25 октября поздно вечером. Заседание было в большой комнате маленькой студенческой столовки (проезд Девичьего поля № 6).

Комната была битком набита рабочими, работницами и солдатами. Доклад Ангарского молнией пронизал аудиторию. Не помню, какие обсуждались вопросы, оставалось в памяти лишь напряженное состояние готовности итти в бой.

На этом совещании, уже в более узком составе, поздно ночью был избран революционный комитет и распределены обязанности. В ревком входили: Савельев, Саврасов, Ангарский, Лихачев (рабочий Уваровского парка).

Соловьев, З. П. и тов. Богомолов тогда об'единенцы, теперь чл. ВКП (б) обязаны были оставаться на своих постах в районной управе. Они ведали снабжением продовольствием рабочего населения и Красной гвардии района. Организацию питания Красной гвардии и всего состава работников района поручили мне, так как я был членом правления студенческой столовки, которую мы заранее наметили нашей продбазой. Медицинская часть была поручена тов. Боголеповой, большевичке-врачу. Под руководством З. Соловьева она организовала районный красный крест, который был всецело в руках союза.

25/X — организовалась помощь районной управе для охраны продскладов с продовольствием и перевозки мешков муки со складов в районные булочные. Отрядам из работниц и мне вместе с другими была поручена эта работа. Это было опасное предприятие, так как сидевшие на возах работницы каждую минуту могли подвергнуться избиению контрреволюционной части населения, еще хуже, нападению вооруженных юнкеров-белогвардейцев. Старались, конечно, развозить муку ночью. Трудно забыть черную, черную осеннюю ночь, когда мы под трескотню пулеметов и грохот ружейной стрельбы возили муку к хлебопекарне на углу Зубовской площади.

Энергичные жесты и приказывающий тон женщин в атмосфере непрерывной стрельбы имел свое воздействие и мы заставляли возчиков везти, а хозяев хлебопекарен не прекращать выпечки хлеба. Мы ведь знали какое важное значение имел тот факт, что большевики дают необходимый паек хлеба голодным ребятам и женам рабочих кварталов.

Несколько человек нас осталось на всю ночь в столовке, в правлении, малюсенькой комнаты в мезонине.

С раннего утра все было на ногах: бледные серьезные лица, нервный блеск глаз, но уверенные и сильные движения.

На улицах между тем легкая паника, сильно подогреваемая женщинами, возвращающимися с рынка с ребятами, сидевшими на улицах и шопотком передававшими друг другу всякие слухи.

В центре уже не пропускают без пропусков. Закрыт проход через мосты, всюду стоят патрули, охрана: снуют автомобили там и здесь. Идут вооруженные люди, то в одиночку, то группами. Рядовые обыватели спешат забраться в свои жилища, робко и опасливо озираясь кругом. Только уличные ребятки следят за событиями на улицах.

С утра 26 октября мы уже стали останавливать автомобили и реквизировать их, если они были не наши. Тов. Тараканчиков и тов. Туманов деловито суетились, принимая и приводя в порядок машину за машиной, которыми в час был заполнен дворик совета. Но внутреннего спокойствия и уверенности в своей об'ективной силе у нас еще не было; ведь у нас было десятка два винтовок, очень мало патронов и несколько револьверов. И первый день с нами, особенно с утра, было всего человек 30—50 активных членов партии и несколько беспартийных, преданных революции рабочих. Партийцы-рабочие фабрик оставались с рабочей массой на заводе. И невольно сжималось сердце, а вдруг рабочая масса не поймет все сразу, вдруг классовый инстинкт ее окажется слишком слабым. А вдруг, у тех, кто вчера еще горел энтузиазмом и ненавистью к буржуазии, сегодня не хватит активности и мужества принять вызов и победить, рискуя умереть.

Уже вдали слышались первые выстрелы из ружей, уже где-то начинали свою бесчувственную тупую трескотню пулеметы, а у нас, наши маленькие комнатки были еще пусты и были кругом

лишь все те же знакомые лица членов партии. Но на лицах у всех было сознание правоты своего дела, бодрость и уверенность, что через час, два к нам повалят толпы рабочих, работниц и солдат. Ведь наши агитаторы уехали на автомобилях останавливать заводы и другие предприятия и оповестить рабочих о событиях. А тем временем оставшиеся задерживали проходивших генералов, офицеров, юнкеров и солдат и реквизировали их оружие, пополняя, таким образом, свой районный арсенал. Арестовывали сначала лишь некоторых, особо строптивых и сопровождали их, отводя под конвоем в студенческую столовку [1]), где держали под охраной в одной из задних комнат. Почему-то первый день они были под моим непосредственным наблюдением. Я должна была заботиться об их питании и выдерживала натиск проклятий и личных оскорблений со стороны студентов, знавших меня, как курсистку, интеллигентку, а теперь вдруг встретив меня в кругу «красных бандитов» взбунтовавшейся черни и т. д.

Нельзя не отметить — я тогда внутренне гордилась — этой бесконечной гуманностью нашего ревкома с задержанными и арестованными, особенно в первые дни. Белогвардейцы думали, что мы, некультурная чернь, будем расправляться с ними,—и сами уже бесчинствовали, издевались в своих штабах над нашими рабочими и работницами, а наши товарищи из ревкома, т. Савельев и Саврасов и даже рабочие Лихачев, Лебедев и Резчиков, хмуро-сосредоточенно, но изысканно вежливо допрашивали одного за другим этих надменных.

Помню, что рабочие, как партийные, так и беспартийные, высказывали большое беспокойство, минутами даже относились подозрительно к тем, которым они не смели не доверять за слишком гуманное отношение к пленным врагам. В памяти сохранился один тяжелый эпизод, когда ко мне явился один рабочий и резко сказал: «а я, тов. Попова, расстрелял по дороге генерала, не довел, все равно его бы вы выпустили»... И они зорко наблюдали за судьбой арестованных.

Позже пришлось всех пленных сосредоточить в казармах, в Хамовниках, где дела их рассматривала следственная комиссия.

К вечеру стрельба все усиливалась и, казалось, какой-то лавиной двигалась к нашему штабу, подходя уже к Зубовской площади.

У нас не было стратегов, не было военных спецов, тогда как в нашем районе было два сильнейших белогвардейских центра. На Пречистенке 7, штаб военного округа и в начале Арбата — Александровское юнкерское училище: они с самого начала имели в составе даже рядовых только офицеров и юнкеров — военных специалистов. К 26 октября уже все комнаты штаба были набиты рабочими так, что нехватало воздуха дышать, нельзя было по-

---

[1]) Как общее правило, пленные помещались сначала в совет, а потом отправлялись в казармы 193 полка. — Ред.

вернуться, чтобы зарядить винтовку. И кругом на площади перед штабом появились массы рабочих и солдат.

Только теперь стало убийственно ясно, как мало у нас оружия. Ведь мы совершенно не в состоянии удовлетворить винтовками всех рвущихся в бой. Слышится ропот недовольства, что ревком не сумел во время запастись оружием и приходится теперь ждать очереди, чтобы получить винтовку у только что пришедшего с поста товарища.

Первое время растерянные начальники Красной гвардии беспорядочно выдавали оружие, беспорядочно рассылали все новые и новые «десятки», предоставляя им полную свободу и инициативу борьбы. Нашей задачей было не пускать белогвардейцев вглубь района, задержать их движение вперед и наши беспорядочные, казалось, десятки скоро выполнили эту задачу. Уже на второй день, 27 октября, кажется, к вечеру, по Пречистенке, белогвардейцы, уже подошедшие к Троицкому переулку, были оттеснены сперва к следующему переулку, потом дальше к пожарной команде и, наконец, к переулку около штаба округа [1]).

В нашем штабе уже 28 — 29 приводилось все в порядок. Нужно было дорожить оружием, а главное, дорожить людьми, сохранять их силы, не допускать лишних жертв, действовать более планомерно. Бой затягивался. Я помню себя с 28 октября в штабе Красной гвардии, так как аппарат питания в столовой был поставлен на ноги и уже работал почти механически. Кажется, никем не назначенная, лишь только безмолвно допущенная, я с утра до поздней ночи уже не покидала штаба.

Постоянно работали в штабе и в ревкоме женщины-курсистки: т.т. Миткевич, Ярема, Фаслер, и т.т.: Вятич, Тараканчиков, Туманова и Лысов.

Потом мы принялись за учет оружия, своих сил, установили сеть постов и посылали уже свои силы более планомерно и по заданиям ревкома.

Главные военные операции, под руководством ревкома, вел какой-то юный офицер с солдатами 193 полка, в Хамовнических казармах, т. Померанцев, единственный из офицеров, перешедший на нашу сторону. И с каким благоговением и любовью все мы называли его имя, он казался нам всемогущим и непобедимым. Я сама его никогда и не видела.

В ночь на 30 было об'явлено перемирие.

Недовольство сквозило в каждом из наших красногвардейцев, мы не на шутку были злы, что нам центр мешал сломить врага, и руководителям стоило больших трудов сдерживать ретивых, которые не могли мириться с этим «перемирием». Но через 24 условных часа настали еще и еще дни отчаянных боев. Для нашего района это были тяжелые дни, может быть, более трудные, чем

---

1) Там, где Попова касается оперативных вопросов и фактов — она излагает их не точно и ошибается в датах. Ред.

когда-либо. Повидимому, белогвардейцев сильно оттеснили из центра, сдавив кольцом из всех районов к их штабу, который был в нашем районе. И они с отчаянием погибающих ринулись на нас вглубь района.

Связь с центром все время была слабой, но все же удавалось какой-нибудь чопорной даме, переодетой под буржуйку коммунистке, или скромной сестре милосердия, под прикрытием красного креста, пробраться по поручению ревкома в здание Московского Совета и Московского Комитета большевиков. Кроме того, все время были с нами организаторы района тов. Савельев (умер-

Пречистенка. Штаб моск. воен. округа.

ший теперь от туберкулеза), тов. Ангарский, который то появлялся, передавая директивы центра, то исчезал снова.

От МК на 3 день приехал тов. Лихачев (Влас). Потеряв возможность наладить правильную связь с районами, Моск. Комитет решил распределить свои силы по районам.

На территории района появились броневики. Отряды юнкеров стали наступать снова по всем линиям, приближаясь к нашему штабу. А тут еще через Дорогомиловский мост прорвался с Брянского вокзала отряд ударников, который прошел по Арбату, усилив нашего врага.

Одному находчивому товарищу Алексею Туманову (он теперь умер) удалось. водворить спокойствие тем, что он громогласно, с авторитетом, заявил, что «броневик» — пустяки, нужно лишь пачками стрелять вниз, в шины. Но эта смелая выходка снова воодушевила всех. Теперь ведь мы не были безоружены против этой адской машины. К тому же в районе появилась артиллерия — несколько пушек — и настроение в нашей армии поднялось.

М. ИВАНОВА.

Листки воспоминаний.

Гражданская война началась.

Гражданская война началась.

Я проснулась от тревожных переговоров соседки моей, большевички Веры Птицыной с другой соседкой по студенческому общежитию — Генкиной.

— Что это за странные звуки... Вы слышите? — спрашивала Птицына.

— Это, наверное, стреляют, — отвечала Генкина. Я стала прислушиваться и вдруг, действительно, услыхала какие-то странные, точно плоские звуки. Звуки эти раздавались тесно один за другим.

Да, это была стрельба.

Спать дальше мы уже не могли, и пошли в районный совет узнать в чем дело.

У входа в совет стояли солдаты с винтовками и красногвардейцы тоже с винтовками на веревках за плечами.

В совете было битком набито и солдатами и рабочими. Было темно. По углам раздавался храп и в растяжку лежали спящие солдаты. В углах же кучами стояли винтовки.

Тут я узнала историю с Рябцевым, с юнкерами. Но, как видно, наши были неуверены в своих силах.

Хоть и ждали боя, а все же он пришел как-то неожиданно. С напряженным вниманием выслушивались вести о действиях врагов. Одни рассказывали о том, что в Москву едет целый поезд казаков, другие сообщали с сияющими лицами о том, что 200 чел. казаков отказались итти против нас.

Юнкера представлялись темной и злобной силой.

В маленькой комнатушке, налево при входе в совет, помещался ревком. Из состава его мне запомнились особенно: Савельев, Миткевич, Саврасов и Ангарский.

В ревком никого не пускали. Но мне удалось туда проникнуть. Здесь было сердце и мозг октябрьских боев Хамовнического района. Отсюда шли распоряжения, давались указания, здесь допрашивали арестованных.

Мне поручили связь с фабриками и заводами, устройство митингов.

Некоторое время я усиленно занималась этой работой, но потом пришла т. Ярма и взялась также за эту работу. Я решила передать ей дело, а самой взяться за связь района с центром.

Подумав, я решила, что лучше всего будет изобразить собою сестру красного креста.

Я и Надя Адрианова — тоже студентка из того же Неаполимовского общежития, что и я — потребовали из своей амбулатории материалов, нацепили повязки красного креста на рукава и отправились в центр в гостиницу «Дрезден», где тогда помещался МК большевиков.

Пропуск в центр мы получили в ревкоме.

Между центром и районом.

Мы шли по Пречистенке. Кругом было тихо, ни живой души, только изредка грянет выстрел и раскатистое эхо так и загрохочет по крышам.

Мы втроем: Н. Адрианова, В. Птицына и я шли гуськом, держась ближе к стенам домов.

В нас стали стрелять, пули ударялись в стенку, к которой мы жались, близко от нас. Сыпалась штукатурка.

Какой-то солдат отчаянно махал нам руками. Тогда мы завернули за угол и пошли к Арбату.

На углах везде стояли патрули из юнкеров. Эта часть города была целиком во вражьих руках.

Юнкера обступают нас и требуют пропусков.

— Да мы же сестры, разве вы не видете, — заявляем мы им. Иные пропускают, другие грозят забрать и куда-то отослать, третьи шутят.

— Поворачивайте назад, — заявляет на одном углу злой-презлой юнкер, — туда нельзя, там стрельба.

— Так нам туда и нужно, там наверное — говорим мы. Юнкеру как видно не до нас, он поручает проверить наши пропуска другим. Те начинают шутить:

— Вы не большевички ли?

— Они самые,— заявила я ему самым серьезным тоном, но так, что это могло сойти за ответную шутку.

Те засмеялись и пропустили нас, поверив нашему буржуазному виду (на нас была хорошая одежда). На улице вдруг показалась летучка Красного креста — несколько сестер и санитаров в белых халатах. Впереди шел студент в халате с перевязью на руке и, широко размахивая белым флагом, высматривал раненых.

Страшно пустынно было на Моховой. На углах только патрули из юнкеров. Мы добрались до Тверской и пошли вверх к Скобелевской площади.

На Тверской тоже глухо. Ни живой души, даже окна мертвы. Только обсыпавшаяся штукатурка со стен от пуль да разбитые, в лучистых дырьях, стекла говорят о жаркой битве.

На верху Тверской идет стрельба.

...Об'явлено перемирие с 12 ч. ночи. Тогда мы решаем итти обратно в район и рассказать по дороге своим, и там в Ревкоме,

о том, что слышали и видели в центре. Район совсем оторван от центра и там всякая весточка — на вес золота.

Опять в путь. Но на этот раз уже тише. Через своих мы проходим свободно. На Садовой пустынно, выстрелов не слышно вовсе. На улицах темно. Только Кудринская ярко освещена мертвым светом. Проходить через нее страшно. Того гляди тяпнет какая-нибудь шальная.

На пути к Смоленскому нам попадаются двое. Мы было собрались итти с ними, но потом они нам показались подозрительными, и мы отстали. Все встречающиеся очень осторожны друг с другом и не говорят кто за кого. Вдруг выдаст.

Когда мы подходили к Арбату, из темноты раздался крик: «Кто идет? Стой!» Вера Птицына бросилась было бежать.

— Стой, стрелять буду, — раздался вторично, на этот раз истерический крик. Кто идет? Из темноты выбежал человек в шинели и стал нас укорять: Что вы делаете, господа, ведь сейчас бы стрелять стал, зачем бежите... По одному только слову «господа» мы догадались моментально: переодетый юнкер.

Дальше, на Смоленском были уже свои. Один из них рассказывал, как одна буржуйка, сестра, чуть не застрелила его сегодня из револьвера.

Мы же со своей стороны рассказывали ему о том, что слышали в Ревкоме о Питере, о наших успехах, старались подбодрить его. Он казался таким заброшенным среди этой пустынной темноты, и слушал нас с жадностью. Сообщили мы и о перемирии, на что он только усмехнулся кривой улыбкой.

Почти беспрепятственно добрались мы до своего района.

Я сообщила в районе о том, что слышала в центре, и снова принялась за текущую работу.

Я писала пропуска, мандаты и прочую мелкую работу, пока меня снова не вызвали в Ревком. Здесь сидел Савельев, от бессонных ночей темный и раздражительный. Никогда таким я его раньше не видела. — Вот вам Иванова, — сказала Миткевич. Савельев об'яснил, что от меня требовалось и я, забрав бумажки и записочки, писанные от руки, пошла в Хамовнические казармы, где был наш штаб.

Нужно было дать печатать приказ, поставить печати на документы и т. п.

В штабе я встретила Саврасова, Шелехеса, Ярославского.

Мне запомнилось, как т. Ярославский говорил какому-то солдату с горячим укором:

— Вы теперь явились, когда тихо, а когда вас звали в бой, вас не было.

В коридоре метались какие-то ободранные серые шинели и к каждому бросались с вопросом:

— Где записываются в Красную гвардию? — я указала им, где записываться.

Когда бумаги были готовы, я пошла в совет обратно. Хотелось есть, но было уже 5 часов и обеда не осталось.

В студенческой столовке была кутерьма, там был перевязочный пункт, организовались, кажется, под руководством т. Боголеповой, летучие отряды, обучались на скорую руку.

Когда стало сильно темнеть, ко мне обратилась с вопросом Миткевич: могу ли я пойти в центр с донесением. Я согласилась, хотя и было поздно.

Мне написали пропуск от Ревкома, сказали условную фразу. Речь шла о наших пунктах на Воробьевых горах. Я должна была дать знать центру, что пушки установлены на Воробьевых горах.

Условная фраза была, приблизительно, такая: две монеты серебряных и три золотых. Или, наоборот, — запомнилось только, что речь шла о серебряных и золотых монетах, т.-е. пушках.

Я должна была разыскать тов. Аросева и рассказать ему о нашем положении в Хамовниках. Так как я не знала переулков, то в центр на этот раз отправилась под прямым углом, через Кудринскую, по Садовой и Тверской.

Вдоль Сенной стояли баррикады. Я шла и не испытывала ни малейшего страха.

Вдруг из темноты выскакивает какой-то человек.

— Не ходите туда, барышня, — говорит он мне взволнованным голосом, — там последнее вытаскивают из карманов.

Тогда я решила пересечь бульвар и итти по стенке другой стороны. Это мне и удалось.

Вдоль бульвара стояли возы с дровами — баррикады. Шла отчаянная пальба из ружей. Но я прошла благополучно по другой стороне. Здесь шла, держась к стенке, и так дошла до Кудринской. Она, как и вчера, была ярко освещена.

— Можно пройти? — подошла я с вопросом к патрулю. Здесь стоял молодой красногвардеец.

— Идите скорее, сейчас тут будет жаркая битва, — заторопил он меня. Я пошла. Было светло, как днем. Я проходила мимо огней, и мне казалось, что сейчас шальная пуля тупнет меня.

По Садовой меня никто не остановил и, идя, я думала, что закричи я о помощи, никто, ни одна живая душа, не отзовется. Стучи в дверь, никто не откликнется. Пропадай, как знаешь.

На Тверской стали попадаться уже свои солдаты. На одном углу потребовали пропуск, и когда я показала штемпель Революционного комитета, меня пропустили.

— Своя, своя, пропусти! — кричал вслед мне, другим патрулям, длинный солдат.

Один патруль приютил свечку в окне громадного дома. Он взял мой пропуск и стал расспрашивать, как дела. А германца в руках нет? недоверчиво пошутил другой. Видно, был уже учен на печальном опыте с белыми сестрами.

Я засмеялась, сразу сообразив, что подразумевает патруль под словом «германец», — нет!

Наконец, добралась к своим комитетчикам. Народу в Моссовете было так много, что приходилось работать чуть ли не локтями. Увидела Ногина, Смидовича и др. Близким, родным, повеяло на меня от них. Добралась до Аросева.

Вид у него был, как у больного, глаза красные, как видно, от бессонных ночей. Он смотрел на меня, улыбался и, мне казалось, что едва ли он понимает то, о чем я говорю. Я рассказала о том, что мне было поручено сообщить, передала и секретную фразу.

Он слушал напряженно.

А они принимают меры... вот это хорошо... Очень хорошо.

Сообщив, что нужно и узнав, в каком положении наши дела в центре, я направилась обратно домой. Пошли мы на этот раз вдвоем с Адриановой, которая оставалась в Моссовете.

На этот раз было уже страшнее. По Тверской иногда раздавались выстрелы. Моросил мелкий, дробный дождь.

Опять патрули. Опять крики: стой, кто идет, и прямо на нас наставленные дула винтовок.

Мы добрались до Смоленского. Но тут нас дальше не пропускают. Идет отчаянная пальба. Нам заявили, что отправят нас в казармы ночевать.

В это время подошел какой-то человек в штатском. Мы решили для храбрости итти с ним.

По дороге он стал нам задавать вопросы о том, кто мы, куда идем, кого перевязываем, где штаб большевиков, когда я стала расспрашивать Адрианову — куда это хотел отправить нас солдат.

Как только задал вопрос о большевистском штабе наш спутник, я моментально почувствовала недоброе и сжала руку Адриановой, которая пустилась было в откровенные разговоры.

— Не наш, думала я, я всех московских большевиков в лицо знаю, не даром ни одно межрайонное совещание, ни одна конференция не проходили без того, чтобы я на них не была.

И действительно, я не ошиблась.

Наш спутник отстал от нас несколько и я, наблюдая за ним, видела, как он снял свою фуражку и точно провел рукой по волосам.

Делал он это тайно от нас.

Завидя на углу патруль, он подошел к нему и спросил: Здесь школа юнкеров?

— Да. Слава богу, — заявил он.

— Значит он белогвардеец, подумала я с ужасом. Но зачем он снимал фуражку?

На следующем углу нам снова грубо крикнули:

— Стой! Кто идет? Иди сюда!

Это был снова юнкер. Тут наш спутник обрадовался. Снял фуражку, взял какую-то бумажку с волос и протянул и ее, и другую юнкеру:

— Я разведчик, — рекомендовался он юнкеру, — иду с Николаевского вокзала, вот вам два пропуска. Вот — поддельный, от Революционного комитета. А сам я переодетый прапорщик, обратился он к нам.

Как видно, он по одежке принял нас за своих, как и все юнкера вообще.

Мы же стояли ни живы, ни мертвы.

Думала, сейчас скажет: это — большевички, арестуйте их.

Тогда наверное нас обыщут, найдут пропуск от Ревкома, партбилет и расстреляют.

— А это сестры из летучки, идут домой, на Плющиху,—говорил между тем, страшно волнуясь, белогвардеец. Очевидно, он сильно боялся того, что юнкера ему не поверят. Но юнкера, как видно, ему поверили.

Нас отпустили также, и мы, только завернули, как чуть не бегом бросились бежать.

А на утро, встречая меня, товарищи удивлялись, видя меня живой и невредимой.

— Мы думали, ты погибла, — говорила мне Миткевич...

Но я оставалась живой и невредимой, и снова шла из центра в район, из района в центр.

Нервы измотались вконец, и мне казалось, что я вижу какой-то страшно-кошмарный сон. Мне казалось, еще немного, что день, и я сойду с ума.

Но тут вдруг стало тихо.

Замолкли выстрелы.

«Мир и победа» — встретили меня в районе. — Наша победа.

Я обнимала, душила от безумной радости ту, которая мне первая сообщила эту весть.

Победа. Какое счастье! Теперь строить новую жизнь!

С. КАЮКОВ.

Боевые дни.

27 октября я был в совете (на уг. Б. Царицынской ул. и Хамовнического пер.). Ревком заседал без перерыва. Организовали госпиталь и питательный пункт в студенческой столовой. Ревком поручил т. Лысову командование над Красной гвардией района, т. Ватичу — заведывать оружием, т. Полис был инструктором по обучению с оружием, т.т. Ставрович, Шелехес, Попова Васса, Иванова, Ярема, Ахапкина — энергично работали в ревкоме, а также вели разведку вместе с молодняком (т. Тормазова, Голенко, Шелехес (Михаил и Соня), Буканов, Бубнов (от Жиро), студент Мерсопянс и др.

В штабе у т. Вятича оружия не было, за исключением старых винтовок. В ночь на 28 я с десятком гивартовских рабочих (тт. Власовым, Семеновым и др.) пошли снимать полицейские посты, где и набрали 11 берданок, которыми вооружили свой десяток.

28 октября утром пришли т. Соловьев от «Каучука», Дрожжин, Савин от Уваровского трамвайного парка, Юревичи, оба брата, все с рабочими.

28 октября юнкера штаба МВО уже таскали мешки с песком поперек Пречистенки. Мы их залпами обстреливали. К вечеру 28 положение было тяжелое, так как рабочих к совету подходило много, но оружия не было. Поздно вечером из казарм принесли 10 — 13 винтовок, потом еще штук 20 винтовок с патронами; положение улучшилось.

Вечером 28 я получил от т. Лысова записку, чтобы немедленно занять Чудовскую улицу со своим десятком, и вести наступление на Интендантский склад, на Крымской площади.

29 октября Интендантский склад был взят нами с помощью 193 полка.

Связь с Замоскворецким районом наладилась, повезли трамваем печеный хлеб.

29 октября днем была сильная перестрелка. С наступлением темноты уваровцы, каучуковцы и др., у кого не было оружия, начали под прикрытием нашего обстрела рыть окопы по Пречистенке, у Левшинского пер., и на Остоженке, у Мансуровского пер.

Из 193 полка притащили бомбомет, поставили в окопах на Остоженке. И так, три дня не пришлось уснуть и отдохнуть.

31 октября, утром, я пришел в штаб со своим десятком передохнуть, уселись кто на скамейки, а кто и на полу. Быстро заснули. Не знаю, сколько я спал, будят меня, говорят: «5 школа прапорщиков громит Дорогомиловский совет и наступает на Плющиху». Вскакиваю, растолкал своих спящих красногвардейцев. Полетели на Плющиху. Но 5 школа прапорщиков успела отрезать от нас Дорогомилово. Добравшись до церкви Смоленской Богоматери, на углу Плющихи и Дорогомилова, и пройдя церковным двором, цепью, я с товарищами залег за оградой церковного двора, против переулка, где помещалась 5 школа прапорщиков, и начали обстрел школы. Ответы были слабые. Мы решили оставить засаду во дворе, чтобы не тратить зря патронов. Я с тремя товарищами оставили это место, вышли на Плющиху, к Смоленскому рынку. Неожиданно вышел со стороны Смоленского рынка и стал на стрелке Арбата и Плющихи броневик. Двое ребят успели нырнуть за трубы у тротуара, я шел по мостовой, бросился за тротуарную мачту и растянулся. При падении, по всей вероятности, дулом винтовки ткнул землю. Вгорячах дернул курок и сразу не мог сообразить, в чем дело. Оказалось, при выстреле у меня разорвало дуло винтовки. Хорошо, что я лежал за мачтой, голова была за ней, но плечо долго болело. Встал оглушенный, частью от своей винтовки и частью от пуль броневика, который стрелял по Плющихе, и много пуль всадил в мачту.

Того же, 31 октября, юнкера повели наступление по Пречистенке и Остоженке от штаба МВО, а 5 школа прапорщиков — со стороны Смоленского рынка, по Плющихе и Смоленскому бульвару. Мы с вечера начали перерытие Плющихи у Оружейного переулка, и на Смоленском бульваре, у Неопалимовского пер., так как броневики действительно были со стороны юнкеров. Многие из ребят никогда не слыхали такого обстрела, да еще впотьмах, все же рабочие дружно перерыли окопы.

Несколько раз юнкера пытались вытеснить нас из окопов, под прикрытием броневиков, которые подходили чуть ли не к окопам. Благодаря стойкости товарищей, юнкерам вытеснить нас не удалось.

В ночь на 31 я был в резерве, в штабе, ходили в разведку на уг. Мертвого пер. и Б. Левшинского пер. Юнкера закололи одного товарища от Жиро, фамилии я его не помню. Когда мы услыхали впотьмах его крики (шли врассыпную), то подбежали к нему, я с частью товарищей подобрали его, отнесли, не помню куда, в штаб или в столовую, где он и умер.

Положение к утру нужно было считать окрепшим. Днем я тоже был в резерве, т.-е. ходил отбирать оружие по домкомам. В ночь на 1 ноября, в 12 час., меня послали заменить десяток каучуковцев т. Соловьева на Остоженку, где уже были товарищи

из Замоскворечья. Ночь прошла более спокойно; часов в 11 днем, меня пришел сменить т. Тараканчиков. Я пошел по Остоженке, к штабу, вместе с Люсей из Замоскворечья.

Дошли мы с ней до Еропкинского пер., простились. Перебежал я к переулку, оглянулся, хотел Люсе помахать шапкой, смотрю, она лежит. Я вернулся обратно к ней, подошел; подошло еще несколько товарищей; наши попытки поднять ее были безрезультатны. Она была убита предательской пулей из какого-то дома, что тогда практиковалось юнкерами.

Вечером я был послан к 5 школе прапорщиков.

2 ноября школа была занята. Днем была еще перестрелка. Часов в 10 веч. я узнал о мире.

3 ноября меня назначили помощником комиссара 1-го Хамовнического комиссариата милиции.

А. ВЯТИЧ-БЕРЕЖНЫХ.

Хамовническая молодежь.

(Из воспоминаний).

Группироваться молодежь на местах, вокруг районных комитетов партии, начала значительно раньше того, как в центре были разработаны первые организационные формы юношеского движения.

Помню, например, что у нас в Хамовническом районе такая группка была при райкоме уже в марте—апреле 1917 года. Душой этого основного тогда ядра нашей пролетарской молодежи был тов. Федоров (Леонид) из Дорогомилова.

Вспоминаю, как эта молодежь (будучи уже наполовину партийной) в первую очередь закатывались по моим заданиям по фабрикам и заводам с такими брошюрами, как «Пауки и мухи» Либкнехта, «Кто такие социал-демократы» — и главное это с нашей газеткой «Социал-Демократ» форматом в половину теперешней «Рабочей Газеты». Поспевали мы с ней к рабочим на фабрики и заводы, всегда в обеденный перерыв, или перед началом работ и самым шабашом, не говоря уже о распространении на митингах.

С июля—июня месяца, наша молодежь получила через Райком партии даже отдельное помещение — комнатушку в теперешнем здании библиотеки им. «Карла Маркса», что под Девичьем полем, рядом же в студенческой столовке помещался райком.

Тут стало наше ядро уже значительно обрастать беспартийным молодняком. К октябрю уже стали обзаводиться даже группками по фабрикам и заводам (прототипами теперешних ячеек).

Работа кипела. Системы в руководстве райкомом партии было мало.

Группе хамовнической молодежи приходилось принимать активное участие и в думских выборах в июне 1917 г., вести агитацию и пропаганду почти у самых избирательных бюро и т. д. Мне пришлось в один день присутствовать при подсчете голосов в двух районных избирательных бюро — 64 и 21. И в том и другом без инцидентов не обошлось. К концу подсчета голосов горка билетиков пятого номера неожиданно выросла, по отношению к другим. В избирательное бюро на Остоженке, кадетствующая публика не допустила было меня участвовать при подсчете голосов. Но конфликт скоро уладили.

На этом участке работали мы вдвоем: я и тов. Розанова—курсистка ВЖК.

В итоге, большевики, чего никак нельзя было ожидать, на буржуазно-аристократическом участке при подсчете голосов заняли середину между эсерами и кадетами.

После думской выборной кампании для нас начались июльские дни. Самой черной клеветой обдавала большевиков буржуазная пресса.

Вспоминается наша районная демонстрация в эти дни — в центр на Скобелевскую площадь и к Московскому комитету партии.

Каким шипеньем, шиканьем, свистом, сквернословием и улюлюканием встречала и провожала нас по Тверской буржуазия. Эх, как хотелось схватиться, да понимали, что еще рано...

После речи Бориса Волина у Московского комитета, мы переулками возвратились к себе в район.

Накануне Октября молодежь принимала участие в строевом обучении Красной гвардии, в садике при райкоме. Оружия никакого почти не было, за исключением нескольких старых берданок да пары револьверов.

Незаметно подкатил Октябрь.

В октябрьских событиях молодежь принимала самое горячее участие и в разведке, и в санитарных отрядах, и в открытых уличных боях.

Мне пришлось ведать отборкой и отбиравшимся нами у буржуазии оружием, раздачей его рабочим, руководить рытьем окопов в районе и т. д.

Из нашей молодежи в райкоме почти безвыходно все эти дни находился тов. Артур Михельсон, помогавший мне и тов. Полис при сборке и разборке оружия, выдаче его и т. д.

Братья Афонины, Пеньков и другие работали в это время на улицах, по отбору у населения оружия, по связи с центром.

28 октября, на Крымской площади был смертельно ранен в живот санитар нашей красной летучки 15-летний тов. Кузнецов,—брат работницы с ф-ки Гивартовского,—Елены Кузнецовой, тоже раненой с ним вместе.

В эти же дни были убиты еще один из нашего молодняка 16-летний Эдуард Граскопф, — помощник шофера с ф-ки Жиро, и тов. Люся, — лет 20, жизнерадостная, энергичная девушка из Замоскворечья, принимавшая активное участие в наступлении и воодушевлявшая своим личным примером всех остальных товарищей...

Февраль — Октябрь в Хамовниках.

Пробил час революции. «Кончай работать!»—прозвучал четко голос.—«Кончай!»—и все, как один, кроме мастеров, направились к выходу.

Никогда не видать праздника бурливей, веселей, не читать думы лучше, добрее, светлей на грязных лицах истомленных людей.

Сторожа, по-обычаю, закрыли ворота.

Тов. Петрушин, меньшевик, выступил первым и отметил значение событий. Многие ушли по домам. Незначительная группа организованных товарищей прошла через Москва-реку к Калужской заставе, где организовался быстро первый летучий митинг. Оратор не успел произнести нескольких слов, как налетела конница, и митинг был сорван. Поредевшая было толпа скоро увеличилась и направилась к Калужским воротам. На площади гудела нам подобная толпа; соединившись вместе, решили итти освобождать заключенных из тюрем. Тотчас отправились на фабрику Бутикова (Замоскворецкая ман-ра) освобождать солдат.

Охрана, при осаде толпой помещения, не стреляла. Начали разбивать окна, выламывать решетки; помогли и заключенные.

После легкой победы, толпа, пополнившись солдатами, из тюрьмы, двинулась по набережной к манежу, присоединилась к толпе, осаждавшей в манеже жандармов.

На постах городовых не видать, не видать пикетов или патрулей. Осажденные, не разоружаясь, выехали по направлению к Александровскому училищу.

Вечером уставшая толпа расходилась по домам; на площадях летучие митинги, в городе тишина, в воздухе бродят силуэты революции, силясь во что то вылиться.

Начались аресты приставов, околоточных по участкам, отбор оружия у офицеров, арестованных направляли к думе.

Центральными пунктами сами по себе, без какой-либо организации, явились заводы.

Начались выборы в комитет по корпусам,—каждая смена выдвигала своего представителя. Я была выбрана корпусом Б/5, оказавшись единственной женщиной в завкоме, который был из 100

человек, преимущественно из беспартийных, были меньшевики и эсеры; большевиков совершенно не было слышно. После некоторого опыта работы выделен был Центральный фабзавком из 46 чел., в который вошли меньшевики: Воронцов, Петрушин, Никифоров, Ахапкина, Михеев, соц.-рев. Гуреев, большевик Красовский, беспартийные выделявшиеся: Веткин, Горбатов, Ермаков, Сальников, Коршунов.

Масса, зарядившись революцией, пред'являла ряд требований: чтобы организовали кооператив, клуб, столовую, прачечную; поговаривали и об яслях.

Организацию кооператива выдвинул тов. Красовский.

Причин вообще к негодованию масс было много.

События сильно развертывались; на ряду с партклубами открывались фабрично-заводские. Наш клуб открылся на Калужской, в трактире Гусева.

Я была выбрана в Стачечный комитет.

Рабочим хотелось иметь результаты от свободы, а ничего реального не было, они попрежнему слышат, видят, ощущают мобилизацию и тот же голод; лишь усиливалась болтовня, которая для них мало значительна.

Автомобили, развозившие листовки, и ораторы, устраивавшие летучие митинги, осыпая толпу воззваниям, все это забавно для улицы, но никакой пользы для дома, в котором попрежнему серенькая тоска обыденной жизни.

Революция не вкатилась еще в лачуги, коморки, подвалы.

По районам расставлены урны — большие ящики для избирателей, казавшиеся страшными, скрывавшими темное дело; к ним более уверенно шли прилично одетые, а рабочие вообще скептически относились к выборам, отрицательно мотали головами на всякие эти затеи.

Приходилось бегать по домам, улицам, останавливать рабочих, напоминать одиночкам о выборах. 8 номеров кружились в отуманенной голове рабочего, и какая цифра лучше другой, ведает аллах: все за свободу.

Прошли выборы, результатов от обновления Городской думы не слышно. Рвение к действию в массах порождалось само собой.

Начались июльские дни, большевикам нужно было провести демонстрацию в знак протеста против расстрелов.

На заводе Второва устроен был грандиозный митинг, но демонстрация была сорвана меньшевистским фабзавместкомом.

Назначена была общегородская конференция меньшевиков. Из делегатов на конференции, состоявшейся в доме губернатора, была я, Новиков и, кажется, Бузин. На митинге вытек сам по себе вопрос об июльских расстрелах. Рабочие переходили на сторону большевиков. Я поссорилась с заводской ячейкой и вышла из партии.

На заводе уже была ячейка большевиков: тт. Красовский, Мильчанов, Иванов, Веткин, Ермаков, Сальников, Горбатов. Биб-

лиотекаршей в клуб большевики выставили и провели тов. Мицкевич.

Началась кампания выборов в районные управы. Причин к этому было много. Городская управа, видимо, погрязла в проектах. Потребовалось выбрать представителей непосредственно, с предприятий для подталкивания городской управы.

Масса выходит из подчинения администрации завода, рабочие на работе разгуливают у станков, пьют чай. Заводской комитет из меньшевиков слабел с каждым часом.

Не только участились появления большевиков, но и события вытесняли другие партии; Плескова не стало видно, Майхстрах устарел, не отражая настроения масс.

Октябрьская революция не застала меня врасплох. Я организовала из своего отделения десятка два или три готовых к вооруженному восстанию.

Я сообщила рабочим, как и куда мы направимся, организованные в десятки. Рабочие были на большевистской стороне.

Сорганизовавшись десятками, мы пришли к ревкому. Ревком не ожидал такого быстрого прибытия масс, был и рад, и смущен; у него не было оружия. Желая выиграть время, десяткам предлагалось итти в столовую, а масса рвалась в бой.

Меня направили к тов. Боголеповой, я ничуть не сопротивлялась: пусть куда нужно, туда и посылают.

Мне привязали крест, назначили сестрой в летучку, одновременно поручено держать связь с боевыми отрядами и ревкомом. Со мной пошли две женщины Второвского завода и несколько мужчин.

В ночь с 28 на 29 невероятная тьма и проливной осенний дождь. Идем по Зубовской площади, нас встречают градом пуль. Женщины расплакались и вернулись обратно, мы же направились по Зубовскому бульвару, к Крымской площади, под градом пуль, под дождем ползли не менее часов трех. По набережной пришли к Ушаковскому пер., напротив переулка, под обстрелом рыли окопы. Рабочий Москворецкого района был ранен в руку, я подбежала, пытаясь его перевязать. Он посмотрел на меня и сказал: «Мы им покажем».

Меня позвали к Зачатьевскому монастырю к раненым. Прибежала, там 8 человек ранены, лежат в цепи с винтовками. В наших стреляли с Зачатьевской колокольни. На Зачатьевской площади из дома № 5 вышло двое в кожаных тужурках, один стреляет в тов Котова, второвца, другой целится в меня, я поднялась от раненого и крикнула: «Вы в Красный крест стреляете», этим и спаслась, он сконфуженно ушел за угол.

Носилок было всего двое, раненых пришлось носить на руках в лазарет. Вчера бывший Красный крест в Ермаковском училище сегодня исчез. Принесли больных к лицею, на Крымской площади. Старый дворцовый швейцар под разными предлогами не открывал дверь, я приказала бить стекла; после первого удара нашелся ключ, и открылись двери. В лицее были белые раненые. Доктора с тру-

дом отыскала сама в другой комнате; он начал тянуть время и скалить зубы, а потом узнал, что красные — нашел предлог отказаться от операции.

Я позвала своих, приказала доктору итти в операционную комнату, заставила кипятить инструменты, попросила санитарок посмотреть за ранеными, поставила дежурного, принесли остальных раненых.

Во время этой суматохи я заметила у Бутиковской фабрики орудия дулами на Замоскворецкий район. Я побежала с донесением в ревком. Сейчас же поручили мне разведать, одновременно пору-

Зачатьевский монастырь.

чили нести литературу-воззвания в воинскую часть к Бутикову и звать их на помощь. Со мной послали двух товарищей второвцев, которые и несли листовки.

Мы дошли до фабрики Жиро, на моих спутников напала, видно, жуть от стрельбы; они бросили мне листовки и убежали. Я с трудом отбилась от окружающей меня толпы: «Тетенька, продай газету». По дороге я встретила тов. Горохову Дарью, второвскую работницу, и уговорила итти со мной, не говоря ей о цели. Завязав ей часть листовок под пальто и себе часть, мы направились к набережной. Там я ее послала одной стороной итти немножко сзади, в случае чего не обращать на меня внимания, итти в ревком и сообщить. Сама иду другой стороной, дошли до первого Ушаковского пер., выскочили из переулка двое: «Стой, чертова кукла!»— кричат. Остановилась, спрашивают: «Ты большевичка?» Я робко: «Миленькие, какая я большевичка, я и грамоте то не умею!»—

вынимаю табак и нюхаю.—«Зачем же красный крест привязала? А раненых таскаешь каких же—красных или белых?»—«Какие попадутся».

Хотели, видно, обыскать. Я закричала. Один из них смутился: «Не связывайся, говорит, черт с ней». Другой дал такого пинка, что я носом чуть мостовую не сдернула, вся окровавленная встала и побежала догонять Горохову, с которой и добралась до фабрики Бутикова, где была расположена военная часть, стояли пушки.

Из огня, да в полымя. Полупьяные солдаты разыгрывают на гармонике, пляшут в одном углу, играют в другом, другие лежат на койках.

Я возмущенно крикнула: «Как у вас ворочается язык и поднимаются ноги, когда на улицах льется рекой рабоче-солдатская кровь. Я пришла под пулями к вам, своим братьям, я работница, какими и будете вы».

Минутное молчание прервалось гамом. Я нервно закончила: «вы находитесь в лучшем положении для защиты прав трудящихся, на вас лежит ответственность». «Замолчать!» — раздался голос. — «Гоните ее в шею!» — слышно из кучи. Один из лежавших ближе к нам вступился за нас, попросил солдат замолчать, я приободрилась, раздала воззвания и коротко призывала на помощь нашим, — начались вопросы, куда итти, кто мне разбил нос и проч. Я рассказала и пошла искать старшего, т.-е. командира, который меня смерил взглядом и особенно удивился, когда я сказала: «Нам нужно переговорить одним».

В его комнате я спросила, в чьем распоряжении стоят пушки, почему дулами на Замоскворецкий район, где борьбы нет. С присущей военным отчетливостью, отрапортовал: «Пушки в нашем распоряжении, перевернуть их можно куда угодно, нет гранат, нечем стрелять». Я попросила написать, какие гранаты нужны, записку положила в манжет рукава и вышла с солдатами, которых было 42 или 45 чел. По дороге я сообщила, что со мной пойдут человек пять, остальные должны итти в 1-й Зачатьевский пер. д. 8 Блок, там засели белые и не дают рыть окопы. В сопровождении пяти чел. пошли по 1-му Ушаковскому переулку. Дарья Горохова настолько перепугалась, что взывала голосом, зачем я ее привела: «Я думала, говорит, ты только посмотреть, а ты вон какими делами занимаешься, пожалела бы хоть меня, ведь у меня ребенок, расстреляют, один останется. Проводи ради бога домой!».

Развязавшись с Дарьей, я поставила своих солдат за углом, дала наказ: если меня оставят, на меня не смотрите, стреляйте. Действительно, я не успела опомниться, как те же в кожаных тужурках, что разбили мне нос, останавливают меня. Наши стали стрелять в них, один был убит, другой ранен. Затем мы двинулись в 1-й Зачатьевский к дому Блок. Я оставила своих на углу, сама пошла в разведку, иду в ворота и вижу: один из наших стоит у под'езда, во дворе стреляют со всех сторон. Вижу трех белых. Двое стреляли в окно, меня не заметили, и я направилась к выходу, где

оказалось еще трое. Они стали обыскивать меня. Желая отвлечь внимание, я стала нюхать табак. Я думала бежать, но они меня задержали и поставили вроде мишени и стреляют из-за меня. Поставленные мной солдаты из-за угла стали стрелять в них, но увидели меня и перестали. Вижу, из них падают; я, не отдавая себе отчета, сказала «Снимите с меня крест, пусть стреляют и в нас». «Ах, ты, черт старый!»—выругался один. «Так ты не знаешь большевиков»,—и дал мне такого пинка, что в глазах у меня зарябило. Я потеряла сознание, как-то отделилась от них. Наши стали стрелять в них. Я подняла мигом на бегу шубу, прибежала к своим

Чайная в Зачатьевском переулке.

и шлепнулась без чувств в окровавленные носилки, меня привела в чувство какая-то дама с прислугой, дала мне капель, вынесла стакан чаю и хлеба.

Оправившись, я почувствовала теплоту, по ноге бежала кровь. Я была легко ранена, та же дама мне перевязала рану, и я направилась в лазарет, где встретила тов. Боголепову; последняя захватила меня в студенческую столовую, где я, как раненая, ночь отдыхала. Утром меня направили на завод Второва за пополнением с воззванием. На дворе завода раз'яренная толпа осаждает заводской комитет, меньшевиков не видно; председатель подкомиссии Федоров отказывается от работы, боится выйти с завода, ссылается, что он не знает, где взять муки. Я раздала воззвание и с возчиками поехала за мукой в Уваровский парк; там я встретила тов. Ангарского, который и способствовал отпуску, нагрузив три подводы.

Нас наши же стали обстреливать, предполагая, что хлеб вывозится за город. Сдавши хлеб на заводе, я измученная пришла в район.

После об'явления мира я с отрядом проходила мимо Александровского училища, у Арбата, юнкера кричали: «Мы сдаемся, а вы берите власть в свои руки, идите на Смоленский и торгуйте сапогами».

Так, видимо, мыслили наши враги, надеясь на будущую длительную борьбу, надеясь на анархию, распад хозяйства. И ошиблись, по всем пунктам проиграли. Рабочий здравствует, растет и организуется.

А. БАРИНОВ

Воспоминания об Октябрьской революции.

Это было 27 октября 1917 года. Возвращаясь домой, я шел в Совет Рабочих Депутатов Дорогомиловского района, помещавшийся по Б.-Дорогомиловской ул., в доме Розанова. Здесь я встретил т.т. Фаслер, Ванторину, Голенко, Панова, Петрушкова и друг., которые являлись членами РСДРП (б) и состояли в Красной гвардии. Тов. Фаслер передала мне, что нужно остаться в Совете и ожидать распоряжения, чтобы быть готовыми для выступления. Находившимся в Совете эсерам и меньшевикам мы предложили удалиться из такового, после чего были сняты все лозунги, плакаты и портреты временного правительства.

Скоро нам было предложено оставить Дорогомилово и присоединиться к Хамовникам. Человек 14 пошли в Хамовники, а остальные 5—6 чел. остались в Дорогомилове. Оружия всего у нас было 5—6 винтовок, да и то старых, и несколько револьверов. Добрая половина красногвардейцев нашего р-на была не вооружена. В отряде, который направлен был в Хамовники под руководством Петушкова, находился и я. Пользуясь темнотой, мы благополучно добрались в Хамовники, где в одноэтажном доме на Царицынской площади помещался штаб Красной гвардии Хамовнического района, там уже находилось изрядное количество вооруженных красногвардейцев и солдат. Я был послан в казармы 193 полка за получением санитарной двухколки, которую мне выдали с полным оборудованием без всякой задержки. Ночь с 27 на 28 октября прошла более-менее спокойно. Была лишь незначительная перестрелка на Крымской площади с юнкерами, которые охраняли продуктовые военные склады. На рассвете 27 октября мне было поручено об'ехать с санитарной двухколкой наш район, с заездом в Дорогомилово, что мною и было исполнено, несмотря на обстрел со стороны школы прапорщиков на Дорогомиловском мосту. 28 октября был послан в разведку по Пречистенке, из которой вернулся к вечеру, сообщив, что расстояние от Зубовской площади до Пречистенских ворот занято юнкерами, на углах переулков стоят по 3 часовых, у храма Спасителя стоят 4 орудия и человек 70 конных казаков.

Ночь на 29 октября прошла в перестрелке. 29-го утром мне и еще двум товарищам поручено было выяснить расположение противника от Зубовской площади, Волхонки, Ленивки, Кремля, Воз-

движенки, Арбата, Смоленского рынка и Плющихи. Отправляясь в разведку, нам пришлось разойтись, я взял на себя эти главные улицы, а остальные пошли осматривать переулки. Дойдя до Пречистенских ворот, я встретил препятствие; часовые из спешившихся казаков всех задерживали, производили обыск и возвращали обратно, не пропуская к Кремлю; оказывается, что против храма Спасителя в одном из домов помещался штаб казачьей части. Несмотря на целый ряд препятствий и сильную стрельбу, мне удалось пробраться по набережной до Ленивки, где я заметил в одном тупике вооружающиеся легкие грузовики, на которых устанавливались пулеметы и по несколько человек вооруженных студентов и юнкеров. Добравшись кое-как до Моховой, я был задержан и представлен офицеру, который приказал меня тщательно обыскать. Не найдя ничего, узнав, что я пробираюсь на вокзал, чтобы ехать в деревню, он предупредил меня об опасности и приказал одному из юнкеров отвести меня в здание университета, не обращая внимания на мою просьбу о предоставлении мне возможности пробраться на Николаевский вокзал. Подойдя к университету, я увидел вооруженный отряд студентов, которые шли на поддержку юнкеров. При входе в здание университета сопровождавший меня юнкер вызвал начальника и передал меня ему, сказав, что в штаб отправлять необязательно; меня поместили в одну из комнат на 2-м этаже, где сидел рабочий из Хамовнического трампарка. Из разговоров с ним я узнал, что он попал случайно, пробираясь в парк, был арестован и сидит уже целые сутки.

29-го часов в 7 вечера к нам в комнату явился офицер в чине поручика с двумя студентами. Расспросив откуда мы и где работаем, не являемся ли мы разведчиками «большевистской сволочи» (его дословное выражение), после чего приказал сопровождающим отправить со мной сидевшего товарища в штаб на Знаменку, не обращая внимания на его мольбу об освобождении. Относительно меня, узнав, что я работаю учеником в магазине Мюр и Мерилиз, распорядился, чтобы меня оставили до утра; я остался один.

Утром, 30 октября [1]) один из студентов выпустил меня. Выйдя из университета с Никитской улицы, я пошел к Чернышевскому переулку, рассчитывая добраться до Моссовета. Здесь в переулке меня остановили двое вооруженных ребят, которые оказались красногвардейцами. Расспросив куда мне обратиться, т. к. ведь я тоже красногвардеец, я узнал, что нужно итти в штаб, помещающийся в здании Совета. При входе в Совет я снял свое ватное пальто, вынул спрятанный в рукаве под ватой парт-билет, изрядно измятый, и пред'явил находящимся здесь красногвардейцам. Они мне предложили обратиться к тов. Пече. Переговорив с ним о происшедшем и из'явив желание остаться в районе Тверской, я тут же

---

[1]) Т. ошибается в статьях: с 12 ч. ночи на 29-ое до 12 ч. 30-го было об'явлено перемирие: описываемые тов. события повидимому имели место 29/х утром. Р е д.

получил оружие — кавалерийскую винтовку, 100 штук патронов и 1 фунт хлеба.

Выйдя из Совета вооруженным, сейчас же принял участие в перестрелке с юнкерами, постепенно делая перебежки к Охотному. Таким образом, мне и еще двум товарищам удалось достигнуть углового дома Тверской и Охотного, против гостиницы «Националь», став в парадном под прикрытием, чтобы повести обстрел часовни, где находился отряд юнкеров, которые, заметив это, стали осыпать нас градом пуль. В этот момент, пересекая Тверскую, по Охотному двигался легкий вооруженный грузовик, точ-в-точь такой же, как я видел на Ленивке в тупике. Удачным залпом из трех винтовок мы его заставили остановиться. Вот тут-то и поработали, т.-е. покрошили находящихся на нем юнкеров и студентов. Били на выбор, немногим удалось укрыться за каменной оградой часовни, а автомобиль остался на месте, поперек Тверской. Несмотря на ряд попыток юнкеров перетащить автомобиль к себе, мы не давали, и даром пуль не пускали. Вот один из офицеров с золотыми погонами пытается подойти к машине,—мы даем залп и он валится, как подкошенный. Тогда юнкера прибегли к помощи ребят, которых в Охотном было очень много, они любовались, как красногвардейцы вели борьбу с юнкерами.

Мы заметили, как трое маленьких ребятишек подошли к автомобилю, и прицепили веревку, мы молчали, считая со своей стороны преступлением убивать детей. Юнкерам удалось перетащить к себе автомобиль, используя детей. На месте остались только убитые и раненые. Здесь не обошлось и без зрителей, которые желали посмотреть убитых. Собралась большая толпа, но в это время юнкера открыли пулеметный огонь с башни, от Иверских ворот, вот тут-то любопытным и досталось: их положили в несколько раз больше, чем было убитых и раненых с автомобиля. Засмотревшись на это зрелище, мы не заметили, как из окна гостиницы «Националь» нас стали обстреливать юнкера; обоих моих товарищей ранили, одного в кисть руки, другого в плечо. Нам пришлось оставить свою позицию, да и патронов осталось мало. Пользуясь небольшой атакой наших отрядов на часовню и гостиницу «Националь», мы благополучно добрались до Совета, где я сдал своего раненого в плечо товарища.

Отправившись получать патроны, я встретил знакомых ребят из Красно-Пресненского района, от которых узнал, что в ночь с 28 на 29 юнкерами разграблен Дорогомиловский Совет и многие товарищи арестованы. Я тут же решил во что бы то ни стало вернуться к себе в Дорогомилово. Передав винтовку одному из встретившихся товарищей и спрятав парт-билет, я отправился в Дорогомилово.

Пробираясь к Арбату, я встретил 5 чел. ударников с черепом на рукаве, которые не обратили на меня внимания. В Художественном театре помещался какой-то штаб. В окнах виднелись пулеметы, а на площади стояло 2 орудия. У «Праги» было дви-

жение юнкеров, одни входили, другие выходили из здания. Свернув на Поварскую, я вышел на Смоленский рынок переулками. Здесь происходила перестрелка вдоль по рынку с обеих сторон. Я и еще какая-то женщина сделали попытку перейти улицу, по направлению к Проточному переулку, мне это удалось, а женщину подстрелило и она осталась лежать среди мостовой. Пройдя Проточный переулок, до Москва-реки, я увидел, что из крайнего дома (лесной склад) человека 3, в штатской одежде, обстреливали Дорогомиловскую набережную. Я бросился к берегу, мимо ушей прожужжало несколько пуль, одна из которых пробила мне пальто. Очутившись у берега, меня заметили со стороны Дорогомилова, и стали обстреливать свои, но это продолжалось недолго, скоро узнали. Добравшись берегом до моста и ползком миновав его, я очутился в Дорогомилове, среди своих ребят, встретив Цветкова и Тихомирова, перекинулся с ними несколькими словами и отправился в совет за винтовкой. Взяв винтовку и достаточное количество патрон, подкрепившись кружкой чая с хлебом и сахаром, я отправился на мост. Уже стемнело. Я присоединился к отряду человек в 8, которым командовал военный, помню, хохол. Перед нами стояла задача удержать мост во что бы то ни стало, пришлось вести обстрел Варгунихиной горы без остановки, т. к. нас было очень мало и мы опасались вторичного налета юнкеров. Так, в перестрелке прошла вся ночь, мост был в наших руках. Утром 30 октября к нам в Дорогомилово стали поступать сведения, что об'явлено перемирие и ведутся переговоры, да и вообще стрельба по городу стала слабее.

В этот день из Хамовников прибыло подкрепление из солдат 193 полка, да несколько солдат и рабочих дорогомиловцев примкнуло к нам, стало веселее.

Мост перетянули проволокой, дабы не дать возможности проникнуть к нам броневику, в парадном доме организовали столовую, человек 6 отправились на Брянский вокзал, где разоружили несколько военных, отправляющихся на фронт. День 30 октября прошел, до некоторой степени спокойно, вечером, на имеющемся у совета автомобиле об'езжали район. Спать нам пришлось недолго, т. к. с раннего утра открылась сильная стрельба и мы отправились на мост, где уже наши вели перестрелку со школой прапорщиков. В этот день особенно было жарко. Под руководством тов. Шапошникова наш отряд раз 5—6 ходил в атаку, доходя до Смоленской церкви, но занять таковую не представлялось возможным, т. к. с нее нас засыпали пулями, к тому же изрядно помогал юнкерам броневик, который часто у них появлялся.

Противник был гораздо сильнее нас, состоя из юнкеров, ударников, во главе со школой прапорщиков; нас же было всего не более 25 чел. с одними винтовками. Несмотря на это, мы все были бодры. За 1 ноября мы потеряли одного матроса, который

был смертельно ранен и умер, спустя несколько часов, да еще тов. Вдовенко, которому раздробило руку разрывной пулей. Так прошел весь день, стрельба не утихала ни на минуту.

Вечером 1 ноября мы получили распоряжение усилить нажим на юнкеров, так как в некоторых районах Красная гвардия наступала; мы рассчитывали, что юнкера, в случае поражения, попытаются прорваться на вокзал, и поставили перед собой задачу, во что бы то ни стало эту попытку их ликвидировать.

В ночь на 2 ноября юнкера несколько раз пытались приблизиться к мосту, но дружным обстрелом отбрасывались восвояси.

Утром 2 ноября юнкера рассыпались по Варгунихиной горе и, при поддержке броневика, сосредоточили огонь по мосту, который обстреливали и из Проточного переулка. Завязался бой, огонь ежеминутно усиливался, мы перебежкой стали двигаться вперед по мосту. Я выбрал удобное место, под прикрытием трамвайной мачты, с колена повел обстрел по перебегающим юнкерам, выпустил все патроны и поднялся за получением таковых, патроны находились у правой колонны, и в этот момент меня сильно ударило по ногам и я упал, не потеряв сознания. Товарищи на носилках, несмотря на обстрел, вынесли меня из боя. В доме Татаринова мне сделали перевязку, где выяснилось, что я серьезно ранен, раздраблено правое бедро и левая голень. После перевязки меня понесли в ближайший лазарет.

Пришел я в сознание только утром 4 ноября и узнал, что 2 ноября ночью юнкера сдались и власть в Москве перешла в руки рабочих.

От полученных ранений я оправился только в апреле месяце 1918 года.

В. ФОНЧЕНКО

Октябрь на „Брянке“ [1]).

1. В октябре, в 1917 г., рабочих и служащих было на ст. Москва МКВ ж. д. около 3.000 человек.

2. Активное участие в октябрьском восстании принимали, главным образом, рабочие службы тяги (вагонных мастерских и депо), члены партии большевиков: В. Фонченко, Е. Горин, А. Микитко, З. Фонченко, А. Горбунов, Курилович, Еронтаев, Фонин, Ерофеев, П. Николаев, Плетнев (в то время беспарт.), Поросенков (беспарт.), С. Иванов (беспарт.), Савеличев и др. Указанные товарищи были и руководители и непосредственные бойцы. Подсобной силы было гораздо больше.

3. Красная гвардия до октября была организована, главным образом, из членов партии большевиков, чел.12—14. Огнестрельное оружие было не у всех, но зато холодным оружием вооружены были все.

4. В первые дни восстания не могли всех красногвардейцев и рабочих вооружить, того, что мы отбирали у офицеров и буржуазии, было мало. Нами была налажена связь с ревкомом на Александровской ж. д., от них по Окружной ж. д. было доставлено 60 винтовок и небольшое количество патронов.

5. Красногвардейцы «Брянки» в октябрьские дни были подчинены дорогомиловскому ревкому. Поэтому красногвардейцы участвовали во всех боях, которые происходили под руководством дорогомиловского ревкома. Начальником Красной гвардии дорогомиловского ревкома был т. Федосов (в то время рабочий завода «Гирь и весов»). Бородинский мост был забаррикадирован в начале боев, под руководством т. Федосова. Нами были поставлены боевые посты по правому берегу Москва-реки, выше и ниже Бородинского моста и у самого моста. Под прикрытием возвышенности у нас были удобные боевые позиции. Неприятелем беспрерывно обстреливались наши позиции у моста, но результатов от этого они получили мало. Несколько раз пытались белогвардейцы с боем прорвать баррикады на мосту и занять вокзал, но всякий раз, со стороны нас, имели решительный

---

[1]) Статья т. Фонченко представляет собой ответ на вопросы разосланной анкеты. Ред.

отпор. (Относительно времени событий, я точно боюсь сказать, что-либо определенно).

6. Охрана вокзала происходила солдатами 193 полка и добровольцами рабочими.

а) Силы наши, в процессе борьбы, увеличивались рабочими разных заводов Дорогомилова, выздоравливающими солдатами, полуротой солдат 193 полка и около 60 рабочих из Орехова-Зуева, уже в конце восстания.

7. В Дорогомилове окопов не было, были одни баррикады.

8. Нами было выделено несколько товарищей для разведки по городу (т. Саруль и другие) и по линии железной дороги до ст. Нара (т. Савеличев). Другим рабочим также приходилось непосредственно узнавать, какие эшелоны идут и куда. И если эти эшелоны белогвардейские или ударники, стараться задерживать их на путях и вести агитацию за советскую власть. С красно-пресненскими артиллеристами ревкомом была налажена живая связь. Обстрел школы прапорщиков на Смолен. рынке, по нашим указаниям, был весьма удачен. Несколько метких снарядов, со стороны наших артиллеристов, решили участь белогвардейцев. Незначительная часть бежала, часть нами взята была в плен со всеми боевыми запасами и продовольствием.

9. В октябрьские дни я был председателем завкома. Несколько раз мне приходилось быть в мастерских и депо, во время боев, информировать рабочих о положении и получать от них поддержку, всякий раз рабочие поддерживали не только морально, но и действительно, после окончания работ. На боевые позиции приходили тт. Горин, Горбунов, Поросенков, Николаев и др. Но когда у нас не было продовольствия, то рабочие, после короткой речи моей, добровольно собрали свыше 100 рублей денег на продовольствие Красной гвардии и отдали все свои кружки, из которых пили чай в мастерских. Настроение рабочих службы тяги всецело было на стороне красных. По директивам партии движение поездов не должно было прекращаться. Викжель в своих декларациях и извещениях предлагал сохранять нейтралитет. Наш вокзал и фактически вся станция была занята все время красными. Сторонники Викжеля не упускали случая призывать к прекращению работ, но рабочие не слушали их, а слушали нас и были на своих постах, поэтому движение продовольственных грузов у нас приостановлено не было, а эшелоны, прорывались только лишь те, которые называли себя красными.

М. МОСКОВСКИЙ.

Октябрь в Уваровском парке.

Уваровский парк в 1917 г. был наводнен разных цветов социалистами, анархистами и кадетами. Профессор Цветков, доктор Майхстрах, присяжно-поверенный Плесков и еще какой-то доктор, совместно с дочерью.

Весь этот звериный рев и шум, наконец, надоело слушать уваровцам. В то время пришли к нам на помощь большевики.

Помню, кажется, 25 октября кондуктора и вожатые устроили собрание в «счетной», где выступали тт. Телешев, Дрожжин и другие; собрались слесаря и на «канавах», где также выступали Тимерман и я. После чего собрались вместе и был выбран комитет. Помню, тогда вошел в комитет от Службы Движения т. Савин, а от слесарей т. Онуфриев и др. После собрания т. Лысов организовал отряд Красной гвардии, куда охотно стали приходить и записываться. Часть оружия достал ревком, а часть достали на обысках. Оружие было разнородное и разных систем. Вооружившись, мы стали принимать участие в боях. Все товарищи принимали горячее участие, тут были женщины и мужчины. Было задание бронировать два вагона и поставить пулемет. Я, Тимерман и несколько слесарей и вожатых соорудили два вагона: обшили и засыпали песком, установили пулемет, двинулись по направлению к Зубову, и заняли там боевой пост. Был организован санитарный отряд из женщин. В тот же момент назначались рыть окопы мужчины и женщины. Копали на Пречистенке, 1-й Ростовский и у Зубова, под охраной боевых товарищей, с бомбами в руках. Всего участвовало до 300 человек.

Помню, в ночь на 28 октября, получили распоряжение наступать по 3 линиям: На интендантский продовольственный склад у Крымского моста, главный штаб и 5 школу прапорщиков, у Смоленского рынка. Бой у Интендантского склада длился всю ночь, до 6 часов. На помощь подоспела рота 193 полка, после чего и выбила кадетов и заняла посты. 5 школу прапорщиков все время бомбардировала артиллерия с Ходынки, деваться им было некуда, так как всюду наступала Красная гвардия, а у Дорогомиловского моста, где староверческая церковь, Варгухина гора, из орудий с Прохоровской фабрики. На другой стороне, за Дорогомиловским мостом, наступала Красная гвардия дорогоми-

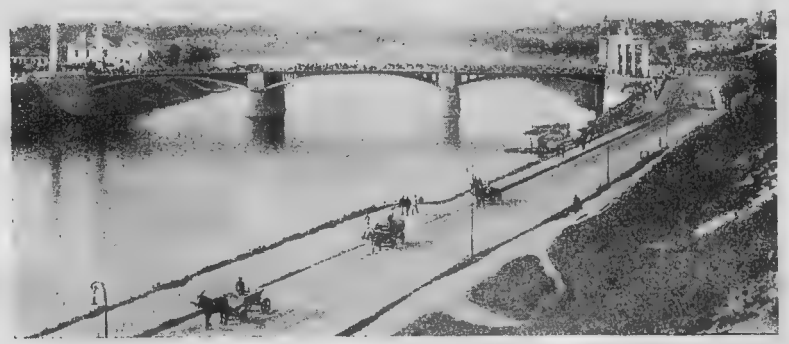
ловцев, а на Плющихе, у 7-го Ростовского пер., были наши окопы. Уваровцы спустились вниз, к Москва-реке и пробирались по 1-му Ростовскому пер. Здесь также помогал прапорщик Померанцев из 193 полка, на автомобиле, с пулеметом. От натиска кадеты отступили вглубь Арбата. У них был продовольственный пункт в театре Ампир, который был захвачен уваровцами. Забрали продовольствие: белую муку, сахар, сардинки и даже вино. Оттуда я, Дрожжин, Лебедев, привезли в парк на автомобиле продовольствие и сдали в ревком. Всего бились около 10 дней, по всем пунктам и целую неделю возили продовольствие в парк. Всех, кто принимал участие в боях, трудно запомнить, но остались в памяти вожатые, кондуктора и слесаря: тт. Лысов, Николаев, Лебедев, Дрожжин, Московский, Тимерман, Захаров, Ануфриев, Волков, Пупукин, Кочетков, Богданов, Черных и из женщин — Царах, Князева, Кукуева, Иванова и много других. Один был ранен и один убит.

Воспоминания.

На ст. Москва, М. Киево-Воронежской ж. д., в октябре месяце 1917 года состояло во всех службах, рабочих и служащих от 2.000 до 3.000 человек.

В восстании принимали участие: Фонченко, В., Фонченко, З., Микитко, А., Курлович, А., Горбунов, А., Арентаев, К., и Ерафеев (убит при взрыве дорогомиловского совета), Горин и Фонин.

Сочувствующих в качестве осведомителей было человек 10 не более, и все вышеуказанные товарищи были службы Тяги;



Бородинский (Дорогомиловский) мост.

остальные службы: Движения, Телеграфа, Пути, были или контрреволюционно настроены, или же викжелевцы, но и в службе Тяги также было много наших противников; укажу, например: Кордюкова и Токмачева, об остальных же не стоит упоминать.

Красная гвардия состояла из 9 человек, оружие состояло из 4 револьверов, остальные были без оружия. Скажу, к примеру,

мне была поручена охрана всего участка Пути, т.-е. станции. Оружия у меня не было. Член солдатского совета т. Андреев дал мне свой наган.

В Дорогомилове нам приходилось охранять Бородинский мост и М.-К. Воронежской ж. д., разоружать офицеров, приезжающих с фронта в Москву, задерживать приезжающих ударников и т. д. Как-то приехали 29 октября, около 12 часов ночи из Брянска, ударники, сломали цейхгауз на ст. Москва М.-К.-Воронежской ж. д. и, забрав до 30 берданок, переправились через Москва-реку на лодках, ниже Дорогомиловского моста, где и были задержаны.

Обходились мы своими силами, т.-е. Дорогомиловского района, и только 30 октября утром дали нам подкрепление из Хамовнических казарм, полуроту солдат 193 полка, которые заняли станцию, как самый главный и стратегический пункт.

Связь с Моссоветом и МК поддерживал т. Фонченко.

К. СОЛОВЬЕВ

Мои воспоминания.

Начало февральской революции застало меня на военно-снаряжательном заводе Второва, где работало в то время около 5.000 чел. Надо сказать, что все это были военно-обязанные, спасавшиеся от фронта: торговцы, хозяйчики-ремесленники и т. д. Промышленных рабочих там были единицы. Партийных сил там не было. Помню лишь большевика т. Красовского. Был один меньшевик, столяр по профессии, фамилию которого я не помню. Я официально был об'единенцем, а фактически большевиком. Здесь была очень благодатная почва для работы меньшевиков и эсеров. Очень часто выступал эсер Майхстрах, бывший в довоенное время редактором «Копейки». Он всегда старался убаюкать рабочих и подло вредил партии большевиков. Например, только благодаря ему, в вопросе о «займе свободы» мнение раскололось и часть рабочих голосовала за заем. Из других выступавших против большевиков надо отметить: Ломтатидзе, Плескова, Яхонтова, Розенблюма. Большевики, приходившие к нам на завод, были: тт. Ангарский и Иванов В. И., они являлись нашими организаторами.

Весть о февральской революции была принята с радостью всеми. В первый же день т. Красовский, я и столяр-меньшевик, поехали разоружать жандармов, засевших в Манеже. Здесь я впервые вооружился, отобрав у одного жандарма маузер.

В начале марта я был избран в районную думу от партии об'единенцев. Из большевиков в ней был только один З. П. Соловьев.

В конце июня я перешел на завод «Каучук». Здесь было совершенно иное положение: из 500 рабочих — 300 большевиков, 2 меньшевика, 1 эсер, а остальная масса сочувственно относилась к большевикам.

Из рабочей интеллигенции, которая прошла с нами весь путь революции, нас учила и организовывала, надо отметить следующих товарищей большевиков: З. П. Соловьев, Ангарский, Савельев, Вятич, Ставрович, Иванов В. И., Иванова (сестра его), Розанова, Ярема, Миткевич, Саврасова и др.

Упомяну и о промежуточной интеллигенции — «об'единенцах», которые к началу октябрьских дней помогали большевикам,

а после октября вошли в партию. Это товарищи: Богомолов, Богомолова, Горохов (студент), Плетнев и Сазонов (лев. эсер).

Нашими противниками на «Каучуке» были всегда те же: Ломтатидзе, Плесков, Розенблюм, Яхонтов.

Первыми шагами к Октябрю, надо считать создание ядра Красной гвардии. Организация началась вскоре после июльских дней. Отряд был сформирован под предлогом *охраны завода*. Через тт. Юревича, Саврасова и Савельева получали оружие от райкома. В Хамовническом тире обучались под руководством т. Вятич и Лепицкого стрельбе. От завода связь с райкомом держал т. Меднис.

Активные участники в отряде: Соловьев К. А., Касперович, Юревич Эдуард, Булимов, Меднис, Зубарев, Лазда, Дарзнек, Закис, Коризно и некоторые другие. Это было ядро отряда.

Состояние вооружения было неважное: винтовки старые, разнокалиберные. Патронов мало. Но к октябрю отряд насчитывал около 40 крепко-сплоченных товарищей. Так создавалась Красная гвардия на «Каучуке».

Настроение рабочих масс к октябрьским дням было боевое. Когда накануне явился тов. Юревич с постановлением МК, завкома и общее собрание единодушно приняли резолюцию: об'явить забастовку, присоединиться к восставшим и принять активное участие в вооруженной борьбе. В созданную революционную тройку вошли тт. Булимов, Зубарев, Лазда.

Я был послан в распоряжение райкома. Получил там назначение начальником десятка Красной гвардии и отправлен в Моссовет.

Помню, когда шли по Пречистенке в Моссовет, около 10 ч. вечера, все еще было спокойно. Но везде были вооруженные юнкера. Около Моссовета — масса рабочих. Получил винтовки и патроны. Дали маршрут: — через Охотный ряд. Тут и произошел первый наш бой, около часовни, в настоящее время снесенной. Юнкеров было человек 15. Их выбили, оттеснили к быв. Городской Думе. Но там было уже много юнкеров и мы повернули к Манежу. Здесь нас встретили выстрелами юнкера, засевшие около здания Университета. Из боя вышло нас всего пять человек, а на рассвете мы пришли в райком. В районе дали новый десяток и мы встали на Зубовской площади. Затем принимали участие в взятии продовольственных складов около Крымского моста.

Вспоминается интересный случай: приходит ко мне беспартийный рабочий с завода «Каучук» т. Бенуш и просит хлеба для семьи. Я говорю ему: «Пойдем воевать, дам хлеба». Он ответил: «Давай винтовку». И, действительно, участвовал во взятии складов и в наступлении на Штаб Московского Военного Округа.

28 октября начали наступление на Штаб, завоевывали каждый шаг на Пречистинке. Стреляли в нас отовсюду: из домов, с колокольни одной церкви и из-за углов.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Воспоминания о Хамовниках.

Я был назначем комиссаром Кремля, тов. Берзин — комендантом. Мне было приказано ночью 26-го в 1 час ночи на 27-е пойти в 193 полк, взять там роту 193 полка и отправиться с ними в Кремль. Это я и выполнил. В полковом комитете 193 полка, насколько помню, были тт. Розендорн, Катаржис, Шелехес и Пиньковский. Они помогли мне собрать солдат и, когда я им сказал, что есть приказ Моссовета отправиться одной из рот к Кремлю, то не только никакого ропота не было, но даже с охотой пошли. Пришли в Кремль уже поздно ночью (около 3 час. утра 27-го). Мы условились с т. Пече, который должен был заняться вооружением Красной гвардии, о том, что я буду сидеть в Кремле и заставлю арсенал выдавать винтовки. Там было 200 с чем-то тысяч винтовок. Удалось начальника арсенала уговорить и даже без особого труда выдавать винтовки, он требовал лишь, чтобы все было по форме, чтобы я писал требования, а он будет проводить по книгам: «выдано по требованию Военно-Революционного Комитета такое-то количество винтовок».

В манеже сидели юнкера, ими же был занят подступ к Кремлю. Пече посылал грузовики, юнкера их пропускали, я их нагружал, а потом они попадали прямо в руки юнкеров. Таким образом, мы в течение утра снабжали юнкеров винтовками из арсенала.

Когда я это выяснил, — мне донесла разведка о том, что наши грузовики попадают в руки юнкеров, — я это снабжение приостановил. Стали сноситься по телефону с В. Р. К-том. Это было 27-го числа, когда Рябцов потребовал, чтобы охрана Кремля была передана юнкерам. Положение было такое, что для того, чтобы выйти из Кремля, нужно было получить от меня пропуск или от Берзина. Рябцов сидел в Малом Николаевском Дворце. Там у него была канцелярия.

Когда выходили из Кремля, то надо было иметь пропуск от Рябцова, чтобы пройти через Троицкие Ворота, так как дальше стояли юнкера.

Первый день шли переговоры Рябцова с приехавшими в Кремль Мураловым и Аросевым. Рябцов уговаривал солдат, чтобы пустили на охрану юнкеров. Я был решительно против, солдаты были еще больше против. Они говорили, — с какой

стати, разве мы не надежны? Во время войны мы охраняли Кремль и все было хорошо, теперь же нам не доверяют. Т. Муралов почему-то держался такой точки зрения, что надо уступить. Солдаты были нервно настроены, слышались разговоры: «надо Рябцова тут же прикончить». И я уговаривал солдат этого не делать, потому, что это повело бы к большим затруднениям.

В конце концов мы настояли на том, что юнкера не будут введены, что в Кремле останется рота 193 полка, затем часть солдат арсенала и 56 полк. Когда я убедился в том, что разговоры наши по телефону подслушиваются, что все равно нам сноситься чрезвычайно трудно и, что нам вдвоем с Берзиным делать нечего, я с согласия Ревкома решил уехать и выехал вместе с Аросевым из Кремля.

Когда мы выезжали из Троицких ворот, то в нас был произведен выстрел. Мне, по крайней мере, показалось, что на один

Помещение 193 полка, Хамовнический плац.

лишь волосок меня не задела пуля, так она близко просвистела около уха. Но дальше нас не задержали и мы проехали в совет.

Ночью я пошел в Хамовнические казармы. Там дело обстояло хорошо, солдаты охотно шли на борьбу, но несмотря на то, что они охотно шли, их нельзя было провести без боя на улицах, на защиту Моссовета. Задача Хамовнических казарм была двойная; с одной стороны, они боролись против юнкерской школы у Смоленского рынка, с другой, нужно было бороться с юнкерами из Александровского училища, на Пречистенке и Остоженке. Я должен сказать, что солдаты в этой борьбе не проявили колебаний, меня тревожило только одно явление, то, что один из това-

рищей всегда притаскивал спирт и говорил, что необходимо всем дать по стаканчику спирту. Я ему говорил, что этого не следует делать, но он отвечал: какие пустяки, выпьет стаканчик, веселей пойдет!

Был там чрезвычайно тяжелый случай самосуда над врачем. Врач был ранен и солдаты его прикончили. Затем было еще несколько таких случаев.

Были еще случаи, когда офицеры приходили арестовываться. Таким офицерам, которые не были на стороне солдат, мы отвели отдельное помещение в казармах и там у нас сидело 193 человека. На стороне солдат было только 3 офицера, а остальные должны были сидеть под арестом.

Когда мы впервые поставили артиллерию против Хамовнических казарм, то я помню, что несколько человек помогали наводить эти орудия. Наводили так хорошо, что первым выстрелом отбили угол фабрики Жиро. Она не совсем была в плане нашей стрельбы. Это показывает насколько мы хорошо стреляли — мы стреляли по Кремлю. Первые наши снаряды падали около храма Христа Спасителя. Мы считали, что это хорошо, потому, что нам донесла разведка, что этими выстрелами мы прогнали юнкеров, которые сидели за парапетом [1]).

Сношения с Моссоветом были чрезвычайно затруднены, в особенности в те дни, пока мы еще не разбили юнкерского училища на Смоленском рынке. Действовали две роты 193 полка. У нас очень хорошие были сношения с Замоскворецким районом, через Крымский мост, там военной работой ведал Карл Карлович Штеренберг. Мы координировали наши военные действия и это нам в значительной степени облегчило дело.

Чрезвычайно интересный произошел эпизод с арестованными офицерами. Они сидели в казармах и вдруг услышали, что по всем казармам одна рота за другой кричат «ура». Когда мы узнали, что борьба окончилась и подписан договор, то я пошел по всем ротам, в каждой роте собрал солдат и им раз'яснил, что победа на нашей стороне и борьба окончилась на этот раз благополучно. Тогда раздавалось «ура» и т. д. Офицеры узнали, в чем дело, и буквально через 15 минут прислали заявление, что они приветствуют победу народа и готовы служить новой власти.

Затем я хотел бы отметить случай ареста меньшевиков. Это было около Крымского моста, у интендантских складов. Задержали на грузовике несколько человек, привели ко мне. Смотрю — какой-то знакомый меньшевик, которого я встречал в Моссовете. Я ему говорю, — вы оказывается, тоже принимаете участие? — С оружием в руках, я не принимаю участия, — ответил он, — я только помогаю кормить солдат. Он и еще один, в доказательство того, что они совсем не контр-революционно настроены, ссылались на жену «рядового»-Богданова.

---

*) Возможно, что снаряд, попавший в здание фабрики „Жиро", предназначался или для Александровского училища, или для Штаба Округа.—Ред.

ШЕЛЕХЕС И.С

193 полк и Октябрьское восстание.

Моя связь с 193 пехотным запасным полком началась в тот период, когда назревало выступление генерала Корнилова. К этому времени (июнь — июль 1917 года) Керенский мобилизовал белобилетников. Большевикам не давали вести работу в войсках и загоняли их в подполье. Я, как белобилетник, был мобилизован и направлен рядовым в этот полк, находящийся в лагерях на Ходынке, как раз в тот момент, когда нужно было подготовлять Московский гарнизон к противодействию Корниловскому монархическому перевороту. Полковой комитет, состоявший в большинстве из золотопогонников, всячески скрывал от солдат назревающие, громадной важности, события, будучи не уверен в поведении полка и, вместе с тем не решаясь выступать на поддержку Корнилову.

Большевистская ячейка в полку незначительная и работала почти нелегально. Помню главных ее руководителей: тт. Малиновского — прапорщика и солдата Столовского, которые срочно собрали всех большевиков в одном из укромных уголков лагерей для обсуждения нашей тактики в полку. Во-первых, было решено требовать срочного собрания полка и требовать доклада полкового комитета о событиях. Несмотря на отказ полкового комитета, нам удалось явочным порядком организовать собрание и потребовать отчета о событиях. Несмотря на отсутствие в то время авторитета ячейки в полку, можно было заранее учесть, что наступил переломный момент в настроении полка, ибо солдатские массы сами почувствовали грозную опасность завоеваниям революции, и полк выступил сторонником революционной России. С этого момента начинается усиленная работа в большевистской ячейке полка и рост ее авторитета не по дням, а по часам (август — сентябрь 1917 г.). Несмотря на старый состав полкового комитета, влияние ячейки было абсолютно. В этот же период нам удалось провести на общем собрании полка (свыше 3.000 человек) е д и н о г л а с н о резолюцию с требованием переизбрания комитета, и мне было поручено немедленно сообщить эту резолюцию заседавшему в это время полковому комитету и решили, не расходясь, ждать результатов. Все это было проделано по инициативе самих солдат.

Полковой комитет хотел меня арестовать, но я отказался подчиниться постановлению полка. После долгих дебатов, секре-

Группа членов Ревкома 193 полка.

тарь полкового комитета, прапорщик Померанцев, заявил, что он слагает с себя звание члена комитета и желает проверить свои полномочия, независимо от моего сообщения. Это заявление предрешило решение вопроса, и через несколько дней были назначены перевыборы комитета. В результате, нашей ячейке, которая к этому времени разрослась, удалось провести в подавляющем большинстве своих членов. Из руководителей ячейки в комитет вошли: тт. Малиновский, Столовский, я и другие. К этому же времени мы переизбрали наших представителей в Совет солдатских депутатов, куда тоже в большинстве провели своих товарищей. Таким образом, уже в конце августа, или начале сентября, полк находился под влиянием нашей ячейки.

Приближался октябрь. Хамовнический район готовился к мобилизации рабочих сил для восстания. Необходимо было знать настроение и 193 полка. Районный комитет постановил обратить особенное внимание на полк и командировал для проведения митингов в полку, наиболее активные силы района (товарищей Савельева, Ангарского, Ставрович и других).

Получены сведения из Питера о захвате власти. Бои в Питере. Москва спешно готовится к восстанию. В ночь с 26 на 27 октября Хамовнический Комитет созывает экстренное собрание членов партии в студенческой столовой, на Девичьем Поле, для мобилизации Красной гвардии, а также для подготовки фабрик и заводов: Второва, Уваровского парка, Каучук, Гюбнер, Гивартовского и др., к восстанию. На собрании выясняется недостаток оружия для вооружения не только всех рабочих района, но и части Красной гвардии. Собрание заканчивается поздно ночью выборами Ревком. Ревком отправляет меня с 10 товарищами в полк за оружием, где мне удается, после некоторого разговора с членом полкового комитета, (который не решался дать разрешение), взять в Штрафной роте *под мою ответственность* 10 винтовок и 250 патронов и этим вооружить рабочих для охраны здания районного совета (на углу Царицинской площади и Хамовнического переулка).

На другой день удалось взять в полку еще около 20 винтовок для вооружения рабочих. Фактически *такими силами* Хамовнический совет начал захват власти в районе. 27—28 октября, ночью, приезжает в район из МК и Моссовета тов. Ангарский и потребовал от нас отправки полка на защиту Московского Совета. Я отправился с ними в полк и потребовал от дежурного члена полкового комитета построить полк и отправить его в распоряжение Московского Совета.

Нужно отметить, что события развертывались с такой быстротой, что даже многие активные работники полка, не говоря о массе, не знали о событиях. Поэтому член полкового комитета потребовал от нас предварительного разрешения солдатского совета на отправку полка, который в то время был под влиянием меньшевиков и эсеров, и поэтому он, естественно, не мог дать своего согласия.

Пришлось долго уговаривать члена полкового комитета, который под конец согласился поднять тревогу, при условии моей ответственности за дальнейшее. Полк построился. Я взял одну роту для охраны районного совета и ушел с ней в район, будучи уверен, что оставшиеся товарищи раз'яснят причины ночной тревоги в полку и полк выполнит первое революционное задание. Но часа через 2—3, в Ревком донесли, что полк отказался выступить, не понимая, зачем нужно выступать и требовал возвращения в полк роты, взятой мной. Роту мы не пустили. На другой день по инициативе Ревкома был созван общеполковой митинг, на котором мне пришлось выступать докладчиком о событиях в Москве. В результате созданного нами под'ема была единогласно принята наша резолюция о роспуске Полкового комитета и замене его Полковым Ревкомом, которому полк обязуется беспрекословно подчиняться. В Ревком было избрано 5 товарищей: (Я, Попов, Тандитный, Померанцев, а пятого не помню).

Фактически, с этого момента и начинается боевая жизнь полка, который сыграл значительную роль в Московском восстании.

Немедленно мы приступили к боевой работе. Полк выделяет из своего состава роты для защиты Московского Совета, для прикрытия артиллерии, направляемой с Ходынки в центр и по районам (в частности, 2 орудия прибыли и в наше распоряжение). 1—2 взвода, под командой прапорщика Померанцева, в тот же день повели наступление на продовольственный магазин, на Крымской площади, который имел для нас громадное значение, с его запасами продовольствия. В течение двух часов склады были заняты, при чем захвачено 10 пленных (главным образом, студентов и гимназистов).

Мне пришлось в это время быть дежурным членом Ревкома и принимать белых пленников. Трудно описать то озлобление, которое вызывали эти пленники у солдат. Мне с большим трудом удалось отстоять пленников от самосуда.

Полк стоял в Хамовнических казармах против офицерского общежития. Офицеры сделали попытку захватить казарму и начали ее обстреливать. Не успел Ревком отдать приказание строиться, как сами солдаты с винтовками, буквально, ринулись на приступ общежития, ворвались туда и перекололи значительное число офицеров (в том числе, нашего бывшего командира полка, который был тяжело ранен и остался жив).

Далее — наступление на школу прапорщиков и ранение в этом наступлении прапорщика Померанцева. Кроме этих отдельных боевых эпизодов, полк занимал позиции на участке нашего района.

Этими короткими перечислениями фактов из жизни полка в октябрьские дни, конечно, не исчерпывается вся роль единственной военной единицы в районе. Помимо непосредственного участия в боевых действиях, 193 полк являлся своеобразным боевым центром, вокруг которого об'единялись вооруженные силы рабочих

Хамовнического района и бушевала революционная волна октябрьских дней. В эти дни Хамовнические казармы превратились из казенных казематов в революционный штаб, Ревком и райком РКП основались в казармах и вместе с крестьянами, переодетыми в серые шинели, впервые закладывали будущий фундамент Рабоче-Крестьянской Красной армии.

После октябрьских дней и организации Красной гвардии полк начал переживать тяжелый кризис, основанный, главным образом на тяге в деревню (которая первая воспользовалась плодами победы и приступила к разделу помещичьей земли).

Последнее участие полка в закреплении октябрьских завоеваний выразилось в отправке 200 человек на Калединский фронт. Началась демобилизационная стихия. По соглашению с командующим Военным Московским Округом тов. Мураловым, полк был демобилизован.

Такова краткая, боевая, история 193 полка. Его история отразила всю силу революционного под'ема октябрьских дней и рабочих Хамовнического района. Хамовнический район являлся одним из активных боевых участков Московского восстания, которое потрясло мировой капитал и свергло русскую буржуазию.

193 полк является частицей революционной армии, которая своей кровью обеспечила и приблизила победу рабочих и крестьян всего мира.

М. АБРАМОВА-ТОКАРЕВА

Воспоминания об Октябре 1917 г.

В начале июня 1917 г. организовался Союз Молодежи Хамовнического района и начал работу по привлечению новых членов, устраивая на ф-ках школы по ликвидации неграмотности. Участвовали на митингах и срывали выступления меньшевиков, социал-революционеров и других антибольшевистских агитаторов. Распространяли литературу, расклеивали листовки и воззвания по району.

При выборах в Учредительное собрание вели агитацию с призывом голосовать за номер 5 (большевиков), дежурили у избирательных урн, раздавая литературу.

В Октябрьские дни наш Союз Молодежи принимал активное участие. Райком и союз помещались на Девичьем поле — столовая студентов. В первые дни боев с фабрик и заводов стали стекаться рабочие за оружием итти в защиту большевиков. Здесь организовали питание для участников боев, в другой комнате сделали лазарет с несколькими койками. Наши ребята, кто мог, взяли винтовки и не выпускали из рук до конца боев, некоторые женщины выдавали питание и шли в санитарные отряды.

Помню, как мы пробивались дежурить с отрядом из ребят союза по Остоженке к месту боя. Это было часов в 10 вечера, впереди шел вожак, а за ним мы гуськом, у нас была аптека и складные носилки, отряд состоял человек из 5. Когда мы шли, то все время была перестрелка и итти приходилось очень осторожно, прикрываясь за выступами зданий. Мы прошли переулками к Зачатьевскому монастырю и остановились под прикрытием в одном из домов, выступом выходящим на Остоженку, где были окопы и выходили на разведку. Таким образом, мы продежурили всю ночь, часов до 6—7 утра, и в этот раз у нас было благополучно, раненых никого не было.

Все дни боев мы были на ногах; наш союз занимал небольшую комнату, даже часть комнаты, отгороженную шкафами, и здесь мы в свободное время отдыхали.

В один из Октябрьских дней, во время боя, меня послали в Хамовнические казармы, где помещался штаб 193 полка для поручения по разведке. Мне стали печатать пропуск, как вдруг послышалась стрельба, солдаты, находившиеся в казармах, схватились за ружья и бросились на улицу.

Оказалось, что против казарм помещался дом офицерского общежития, где собрались офицеры и начали обстрел казарм. Солдаты, возмущенные, бросились на этот дом, оцепили его и забрали в плен всех офицеров.

По об'явлении перемирия начали борьбу с буржуазией, мешавшей рабочим управлять государством.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Н. Ангарский.— Хамовническая организация РСДРП (б) в 1917 г.	5
Л. Саврасов.— Боевые дни в Хамовниках	22
Ставрович.— Работа Хамовн. районного комитета с марта по ноябрь 1917 г.	60
Л. Федоров.— Хамовнический союз рабочей молодежи	73
М. И. Лебедев.— Продовольствие в Октябрьские дни в Хамовническом районе	80
Л. Боголепова.— Медицинская помощь в Октябрьские дни	86
Группа т. т.— Дорогомилово	89
Е. Ванторина.— Октябрь в Дорогомилове	93
С. В. Савин.— Октябрь 1917 г. в Хамовниках	98
Группа т. т.— Каучуковцы в Октябре	105
М. Заборонок.— Воспоминание об Октябре	109
В. Попова.— Об Октябре	112
М. Иванова.— Листки воспоминаний	118
С. Каюков.— Боевые дни	124
А. Вятич-Бережных.— Хамовническая молодежь	127
А. Охапкина.— Февраль — Октябрь в Хамовниках	129
А. Баринов.— Воспоминания об Октябрьской революции	136
В. Фонченко.— Октябрь на «Брянке»	141
М. Московский.— Октябрь в Уваровском парке	143
Микитко.— Воспоминания	145
К. Соловьев.— Мои воспоминания	147
Ем. Ярославский.— Воспоминания о Хамовниках	149
Шелехес.— 193 полк и Октябрьское восстание	152
М. Абрамова-Токарева.— Воспоминания об Октябре 1917 г.	157

28574

Цена 20 коп.